

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

Хабибуллина Лениза Газинуровна

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАТАРСКОМ
ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ТЮРКСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор
Салимова Дания Абузаровна

Казань – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	
1.1. Классификация семантико-синтаксических отношений в контексте функционирования системы языка.....	17
1.2. Атрибутивные, объектные, пояснительные отношения в татарском языке и способы их выражения.....	22
1.2.1. Семантическая категория атрибутивности.....	22
1.2.2. Объект в семантической структуре предложения.....	26
1.2.3. Синтаксическое выражение семантики пояснения.....	28
1.3. Структурно-семантические особенности отношений обусловленности в татарском языке.....	33
1.3.1. Причинно-следственные отношения как ядро семантики обусловленности.....	33
1.3.2. Целевые отношения. Онтологическая связь целевых и причинно-следственных отношений.....	42
1.3.3. Семантическое сходство условных отношений с другими типами отношений обусловленности.....	52
1.3.4. Уступительные отношения как связи обратной обусловленности.....	58
1.4. Языковая интерпретация пространства и времени.....	64
1.4.1. Лексико-синтаксическая категория пространства.....	64
1.4.2. Темпоральность. Временная обусловленность процессов.....	71
Выводы по главе 1.....	80

ГЛАВА 2. АТРИБУТИВНЫЕ, ОБЪЕКТНЫЕ И ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Семантика атрибутивных отношений. Модели атрибутивных конструкций.....	84
2.2. Конструкции с атрибутивным значением, осложненным дополнительными значениями.....	105
2.3. Прямой и косвенный объекты в системе объектных отношений.....	107
2.4. Формальная схожесть объектных и пространственных отношений.....	114
2.5. Основные конструкционные модели пояснительных отношений.....	117
2.6. Поясняющая функция присоединительных конструкций.....	124
Выводы по главе 2.....	126

ГЛАВА 3. ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МОТИВИРОВОЧНОГО ХАРАКТЕРА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Логико-смысловые значения обстоятельственных отношений.....	129
3.2. Структурно-семантическая общность и специфичность каузальных и целевых отношений.....	131
3.3. Структурно-семантическая организация кондициональных конструкций.....	150
3.4. Семантическая связь между кондициональными и каузальными отношениями.....	176
3.5. Смысловые отношения, выражаемые формой условного наклонения глагола.....	180
3.6. Уступительные отношения в системе обстоятельственных отношений мотивировочного характера.....	186
Выводы по главе 3.....	205

ГЛАВА 4. ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СИТУАТИВНОГО ПЛАНА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. Семантико-репрезентативные особенности временных отношений.....	208
4.2. Каузально-темпоральный синкретизм.....	225
4.3. Синкретичная кондиционально-темпоральная семантика.....	229
4.4. Семантические виды пространственности.....	236
Выводы по главе 4.....	248
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	250
Перечень условных сокращений.....	255
Перечень сокращенных названий тюркских языков.....	257
Список литературы.....	258
Лексикографические источники.....	295
Список художественных источников.....	300

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике серьезное внимание уделяется изучению вопроса о внутренней организации и системе синтаксических отношений на уровне языковых категорий и единиц, проведению семантического анализа языковых явлений. Возросший интерес к данным сегментам науки связан с тем, что благодаря такого рода исследованиям расширяются горизонты гуманитаристики, более четко раскрывается коммуникативная сущность языка. Значимым вопросом в этом направлении является комплексное исследование семантико-синтаксических отношений на различных уровнях синтаксиса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения, систематизации и выявления контуров семантико-синтаксических отношений в татарском языке в свете новейших положений современного семантического синтаксиса. Представленное исследование выполняется с учетом антропоцентрической направленности современной науки о языке. Всестороннее изучение смысловых отношений позволяет установить сущность семантико-синтаксических отношений, которые в свою очередь определяются факторами, влияющими на формирование этих отношений.

Актуальный характер работы продиктован также выбором широкого пласта анализируемого материала с уточнением отвлеченно-семантического наполнения структурных компонентов предложений в татарском языке.

Как известно, мыслительные категории более развернуто представляются в синтаксическом строе, именно поэтому семантические отношения занимают одно из значимых мест в изучении синтаксической структуры языка. Исследование семантико-синтаксических отношений с параллелями из других тюркских языков способствует более глубокому осмыслению смысловых связей, выявлению общих для родственных языков особых средств выражения, а также определению специальных средств передачи конкретных элементов семантики в отдельном языке.

Исследование родственных и разноструктурных языков встречается уже в первых трудах по лингвистике. Например, при составлении грамматик очень часто использовались готовые модели грамматик других языков по принципу аналогии.

Следует отметить, что исследование синтаксического строя тюркских языков, которое началось лишь с середины 50-х годов XX века, является актуальной областью современной лингвистической науки. Несмотря на существование трудов, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы смысловых отношений между синтаксическими единицами, изучение синтаксических единиц с синкретичными значениями еще требует детального анализа. Данная работа является первым комплексным монографическим исследованием, посвященным анализу семантико-синтаксических отношений в татарском языке. Анализ синкретичных значений предоставит возможность определить природу промежуточных, переходных смысловых связей. В данном труде под понятием «синкретизм семантики» подразумевается совмещение, синтез в одной конструкции дифференциальных признаков нескольких семантико-синтаксических отношений. Исследование проводится на материале татарского языка с привлечением примеров для анализа и из других тюркских языков.

Семантический синтаксис является сложившимся во второй половине XX века направлением языкознания. Эта область лингвистической науки изучает содержательную сторону языковых знаков и ее соответствие поверхностному уровню. Зарубежные и отечественные языковеды А. Вежбицкая, З. Вендлер, Ч. Филлмор, Н. Хомский, У. Чейф, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, А. И. Варшавская, В. Г. Гак, И. П. Иванова, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, В. С. Храковский и др. внесли свой вклад в развитие семантического синтаксиса.

Обращение не только к формальным, поверхностным, но и семантическим, глубинным структурам позволяет раскрыть многие языковые факты, что помогает в свою очередь полнее и точнее объяснить закономерности мыслительной

деятельности человека. Таким образом, исследование структурно-семантических особенностей синтаксических конструкций значимо не только в плане лингвистическом, но и когнитивном.

В тюркологии обращение к семантической стороне речи начинается с 60-х годов XX века, хотя некоторые истоки изучения семантики встречаются в трудах Дж. Валиди. Языковеды-тюркологи Л. К. Байрамова, М. В. Зайнуллин, М. З. Закиев, С. М. Ибрагимов, М. А. Сагитов, Ф. С. Сафиуллина, А. А. Юлдашев исследуют языковые конструкции от функций к формальному аспекту. И. Х. Ахматов представляет предложение как синтаксическую единицу языка, в которой формальная сторона составляет единое целое с содержательной, описывает структурно-семантические модели простого предложения в карачаево-балкарском языке [Ахматов, 1983]. С. Н. Абдуллаев выстраивает структурно-семантические модели простого предложения в уйгурском языке [Абдуллаев, 1992]. Результаты исследований этих лингвистов получили дальнейшее развитие в научных изысканиях других тюркологов.

С XXI века исследование семантико-синтаксических отношений в лингвистической науке, в том числе и в татарском языкознании, ведется, как правило, в рамках функционального подхода.

Частичный функционально-семантический характер описания синтаксических отношений в представленной работе, исследование особенностей языкового выражения семантических категорий вписываются в рамки наиболее продуктивных и перспективных направлений современной лингвистической науки – функциональной грамматики и коммуникативного синтаксиса.

Функциональный подход позволяет выявить скрытые грамматические значения в языке. Как правило, при формальном способе описания разных смысловых связей учитываются только эксплицитно выраженные отношения, а отношения, выраженные имплицитно, в большинстве случаев продолжают оставаться вне поля зрения исследователей. Функциональное описание позволяет создать целостный план выражения семантико-синтаксических отношений, раскрыть не только поверхностные, но и глубинные структуры.

Теоретико-методологическую основу исследования составили базовые положения, представленные в работах, посвященных изучению семантики языковых явлений, следующих языковедов: С. Н. Абдуллаева, О. Д. Абумовой, М. С. Азисовой, С. А. Алексановой, Н. А. Андрамоновой, В. Ю. Апресян, И. Х. Ахматова, А. Х. Ашраповой, И. Д. Банковой, Н. А. Баскакова, Ш. Бекмагамбетова, В. А. Белошапковой, А. В. Бондарко, М. В. Всеволодовой, И. З. Гасымова, А. Р. Губанова, А. Т. Додуевой, Н. Н. Дробышевой, О. В. Дубровской, Н. Н. Ефремова, М. В. Зайнуллина, М. З. Закиева, С. М. Ибрагимова, А. М. Ивановой, Э. П. Казаковой, Э. Н. Кардашева, Г. А. Мусатовой, И. А. Невской, Л. Н. Оркиной, М. А. Сагитова, А. Р. Сайфуллаева, Ф. С. Сафиуллиной, Л. С. Селендили, С. Ж. Тажибаевой, Р. М. Теремовой, Г. В. Хораськиной, Ю. У. Хочавовой, В. С. Храковского, Л. А. Шаминой, В. Н. Ярцевой и др.

Объектом настоящего исследования являются атрибутивные, объектные, пояснительные и обстоятельственные (причинно-следственные, целевые, условные, уступительные, временные и пространственные) отношения, выражаемые синтаксическими единицами в татарском языке.

Предметом данного исследования выступают различные средства и способы выражения семантико-синтаксических отношений, их оттенков, в том числе – синкретичных, в татарском языке.

Научная новизна представленной работы заключается в том, что в ней впервые проводится комплексное исследование семантико-синтаксических отношений на материале татарского языка; подробно описываются атрибутивные, объектные, пояснительные и обстоятельственные отношения, представляются функциональные эквиваленты подобных конструкций в других тюркских языках, выявляются средства их выражения. Особое внимание акцентируется на формально-семантическом аспекте исследования в сочетании с функциональным подходом, выявлении глубинной семантической составляющей синтаксических категорий, синкретизма семантико-синтаксических отношений. Инновационный характер работы обусловлен тем, что она представляет собой первый опыт

системного, монографического исследования смысловых связей между синтаксическими единицами в татарском языке, то есть является первой попыткой описания семантического синтаксиса татарского языка.

Цель данного исследования – выявить смысловые отношения (атрибутивные, объектные, пояснительные и обстоятельственные), в том числе – синкретичные, в татарском языке на разных синтаксических уровнях для установления особенностей их семантики и репрезентации.

Предполагается решение следующих общих и частных **задач**:

1) обобщить, систематизировать и описать классификацию смысловых отношений, принятую в грамматиках татарского языка;

2) проанализировать структурные и семантические особенности конструкций, репрезентирующих разные смысловые отношения, на различных ярусах синтаксиса;

3) классифицировать смысловые отношения с учетом достижений современной лингвистической науки в целом и функционального описания языковых явлений в частности;

4) сравнить классификацию обстоятельственных предложений в тюркских языках;

5) выявить способы формальной репрезентации атрибутивных, объектных, пояснительных и обстоятельственных отношений в татарском языке;

6) установить характер взаимосвязи разных смысловых отношений между синтаксическими единицами;

7) определить сущность семантических категорий, средств их репрезентации в татарском языке, сравнить одни смысловые отношения с другими смежными отношениями.

В процессе работы в соответствии с целью и задачами исследования были применены следующие научные **методы**:

- *метод лингвистического описания* при характеристике атрибутивных, объектных, пояснительных и обстоятельственных отношений;

- *структурно-семантический метод* при анализе формальной и содержательной организации смысловых конструкций;
- *сравнительно-сопоставительный метод* при сравнении взаимосвязи семантико-синтаксических отношений, их особенностей в татарском языке, различных точек зрения на классификацию обстоятельственных предложений;
- для выявления имплицитных каузальных, кондициональных значений и при исследовании логического отношения тождества в пояснительных конструкциях был применен *метод моделирования и трансформационного анализа*;
- частично – *статистический метод* для расчета процентного соотношения значений, выражаемых условной формой *-са/-сә*;
- для выявления особенностей функционирования и синкретизма семантико-синтаксических отношений в языковой структуре как частный прием исследования был применен *контекстуальный анализ*.

Применение различных методов позволило решить поставленные задачи и достичь намеченной цели.

Материал исследования (всего более 10 тысяч примеров) извлекался из текстов татарской художественной литературы (проза и поэзия), малых жанров татарского фольклора. Подстрочный перевод фактического материала на русский язык выполнен автором самостоятельно. Текстовые примеры на других тюркских языках были заимствованы из лингвистических трудов, что указано соответствующей ссылкой в каждом отдельном случае. Также материал извлекался из текстов малых жанров тюркского фольклора.

Обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечивается использованием различных лингвистических методов, опорой исследования на фундаментальные теоретико-методологические принципы научного анализа, обоснованностью каждого положения фактологическими данными, а также соответствующей требуемому уровню апробацией основных результатов работы.

Теоретическая значимость исследования. Комплексное системное изучение семантики и структуры различных смысловых отношений обогащает и расширяет научно-теоретическую базу. Сформулированный в ходе исследования комплекс теоретических посылок и полученных выводов вносит определенный вклад в создание современной семантической теории синтаксиса татарского языка, так как в рамках данной работы осуществлено изучение семантико-синтаксических отношений в русле частично функционально-коммуникативного и семантического аспектов.

Практическая значимость результатов данной работы и обработанного материала усматривается в том, что они могут быть использованы при составлении вузовских и школьных учебников по синтаксису татарского языка, сравнительному и семантическому синтаксису тюркских языков. Ценность исследования также мотивируется возможностью применения полученных результатов как в виде общих выводов, так и в виде частных наблюдений, фактического материала в общих курсах, практике преподавания теоретических дисциплин по функциональной и коммуникативной лингвистике татарского языка. Результаты работы найдут применение при проведении исследований в дальнейшем в области как синтаксиса татарского языка, так и сравнительного синтаксиса тюркских языков.

Апробация результатов исследования. Основные итоги диссертационного исследования изложены в двух монографиях (Валиева, Л. Г. Каузальность в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева. – Казань : ИЯЛИ, 2015. – 174 с.; Хабибуллина, Л. Г. Смысловые отношения в татарском языке : сравнительно-типологический аспект / Л. Г. Хабибуллина. – Казань : ИЯЛИ, 2017. – 256 с.), 17 научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ, в 3 международных изданиях (Турция, Казахстан), в статьях, опубликованных в научных сборниках и периодических центральных научных изданиях, материалах международных, всероссийских, региональных научно-практических конференций и симпозиумов. Концепция, основные положения исследования докладывались и обсуждались на

научных конференциях: «Наука XXI века. Проблемы филологии и искусствоведения» (г. Казань, 2011 г., 2012 г., 2014 г.), «Перспективы развития современной филологии» (г. Санкт-Петербург, 2011 г.), «Ренат Харис и современная татарская поэзия» (г. Казань, 2011 г.), «Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин» (г. Элиста, 2012 г.), «Наследие Г. Ибрагимова и тюркский мир» (г. Казань, 2012 г.), «Ашмаринские чтения–8» (г. Чебоксары, 2012 г.), «Академик Э. Р. Тенишев и тюркский мир» (г. Казань, 2012 г.), «Сулеймановские чтения» (г. Тюмень, 2013 г.), «Преемственность традиций в литературах родственных народов Поволжья и Приуралья» (г. Уфа, 2013 г.), «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (г. Тюмень, 2014 г.), «Филологический аспект» (г. Нижний Новгород, 2015 г.), «Творческое наследие просветителей тюркского мира» (г. Астана–Казань, 2015 г.), «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (г. Уфа, 2015 г., 2016 г.), «Проблемы сохранения и развития языков народов РФ» (г. Махачкала, 2015 г.), «Традиционная культура народов Поволжья» (г. Казань, 2016 г.), «Габдулла Тукай и тюркский мир» (г. Казань, 2016 г.), «Семантические модели и технологии» (г. Казань, 2016 г.), «Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире» (г. Казань, 2017 г.), «Габдулла Тукай в культурном пространстве XX–XXI вв.» (г. Казань, 2021 г.) и др.

Кроме того, результаты исследования докладывались на ежегодных итоговых научных конференциях Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, обсуждались на расширенных заседаниях отдела лексикологии и диалектологии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Любая синтаксическая конструкция не может существовать без смысловой связи. В свою очередь, синтаксическая связь определяет семантическую и формальную сторону предложения. На каждом ярусе синтаксиса разные конструкции обладают характерными для них структурными особенностями и формальными средствами выражения типов отношений, а

взаимодействия между ярусами регулируются определенными специфическими для преобразуемых единиц правилами трансформации.

2. Категория обусловленности, которая включает в себя семантику причины и следствия, цели, условия, уступки, будучи одновременно бытийной, философской, логической, психологической, понятийной и языковой категорией, в плане языковой реализации относится к функционально-семантическому типу, представляет собой сложноструктурированное ментально-языковое образование. Особое место в системе отношений обусловленности принадлежит предложениям с модальными словами. В результате воздействия модальных слов и частиц обстоятельственная конструкция приобретает синкретичную семантику. Кроме того, в отдельных случаях наличие модально-вводных слов между компонентами сложного предложения обладает конструктивной значимостью.

3. Обусловленность всегда находится во взаимной связи с каузальностью, когда одно событие порождается другим, таким образом, логически ядро семантики обусловленности в татарском языке составляют причинно-следственные отношения.

4. Семантическая структура уступительных конструкций содержит невыраженный компонент – предполагаемое следствие. Следовательно, уступительная конструкция семантически состоит из трех частей, совмещает отношения основания-следствия и противопоставления. В противоречие между собой вступают при этом не условие и результат, а ожидаемое и неожиданное следствие, которые вытекают из одного и того же условия. С помощью уступительной семантики фиксируется противоречие (несоответствие) не двух конкретных фактов, а типового представления говорящего о данных фактах.

5. Кондициональные отношения смыкаются с темпоральными, при этом образуют конструкцию с синкретичной семантикой. Таким конструкциям характерна нечеткость выражения одновременности/последовательности, поскольку в этом случае основная смысловая нагрузка падает на взаимообусловленность действий, а не на их соотнесенность во времени.

6. Лингвистическая категория пространственности выступает в качестве языковой интерпретации мыслительной категории пространства, которая часто не совпадает с реальным пространством. Ее можно охарактеризовать как категорию пространственной локализации; соотнесение отдельного действия, события, явления, признака, предмета с конкретной точкой пространства, в которой происходит его бытие. Пространственные отношения пересекаются с другими семантико-синтаксическими отношениями, образуя при этом некий континуум пространственно-темпоральной, пространственно-целевой и др. семантики.

7. Пояснение является семантико-синтаксической категорией, которая представляет реализацию пояснительной семантики посредством расширения либо сужения объема информации в одноуровневых синтаксических единицах. В семантическом плане поясняющий компонент характеризуется более подробным изложением, расширением (от общего к частному) или же обобщением, сужением (от частного к общему) информации в зависимости от коммуникативного фактора. При этом расширение содержит дополнительные сведения. Сужение служит для концентрации внимания слушающего на актуальном факте, который не выходит за рамки информационного пространства предыдущей синтаксической единицы. Пояснительная семантика связана с отношениями между внеязыковыми сущностями, сопоставляющимися на какой-либо основе и представляющими в репрезентируемой ситуации иерархическую зависимость.

Личный вклад диссертанта. Научные результаты, обоснованные в работе и выносимые на защиту, получены диссертантом самостоятельно, изложены в двух монографиях, опубликованы в рецензируемых, международных, периодических центральных научных изданиях, материалах научно-практических конференций и симпозиумов, обсуждены на научных конференциях.

Структура и содержание диссертации. Структура диссертационной работы определяется поставленными и решаемыми в исследовании задачами и включает в себя введение, четыре главы, заключение, перечень условных сокращений, список использованной литературы.

Во **Введении** раскрываются актуальность и научная новизна данного исследования, описываются степень разработанности научной проблемы, объект, предмет, цель, задачи, теоретико-методологическая основа исследования, обосновываются теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения, выносимые на защиту, освещаются материал, апробация результатов исследования, структура и объем диссертации.

В первой главе **«Теоретические основы исследования семантико-синтаксических отношений в татарском языке»** описывается общее состояние научной разработки исследуемого вопроса, дается обзор различных взглядов на проблему научного изучения семантико-синтаксических отношений между синтаксическими единицами, освещаются существующие труды по исследуемой проблеме в общем языкознании и тюркологии.

Вторая глава **«Атрибутивные, объектные и пояснительные отношения в татарском языке»** посвящена изучению структурно-семантических особенностей атрибутивных, объектных и пояснительных отношений между синтаксическими единицами в татарском языке. Каждое семантико-синтаксическое отношение иллюстрируется конкретными языковыми примерами.

В третьей главе **«Обстоятельственные отношения мотивировочного характера в татарском языке»** обстоятельственные отношения разделяются на обстоятельственные отношения мотивировочного характера и ситуативного плана, изучаются связи между различными типами обстоятельственной семантики; конкретизируется значение целевых, причинно-следственных, условных, уступительных связей и их место в системе обстоятельственных отношений и конструкций обусловленности.

Четвертая глава **«Обстоятельственные отношения ситуативного плана в татарском языке»** посвящена сравнительному изучению пространственных и темпоральных отношений, выявлению их семантических и структурных особенностей.

В **Заключении** сформулированы основные результаты проведенного исследования, изложены концептуальные положения, обозначены приоритетные направления последующих научных изысканий в данной области.

Библиография включает теоретические источники на татарском, русском, английском и тюркских языках, также приводится список лексикографических и художественных источников.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Классификация семантико-синтаксических отношений в контексте функционирования системы языка

Семантико-синтаксические отношения классифицируются языковедами по-разному. Например, в русском языкознании классификация Н. С. Валгиной включает субъектные, объектные, атрибутивные, обстоятельственные и комплетивные отношения [Валгина, 2003]. П. А. Лекант выделяет объектные, атрибутивные, обстоятельственные, аппозитивные отношения [Лекант, 2010]. В традиционную классификацию семантико-синтаксических отношений входят обстоятельственные, атрибутивные и объектные отношения между синтаксическими единицами (классификация В. А. Белошапковой) [ГСРЛЯ¹, 1970].

В грамматиках татарского языка XIX–XX века разные смысловые отношения рассматриваются в связи с изучением второстепенных членов предложения и придаточных предложений.

К. Насыри разделяет второстепенные члены на поясняющие (*жәмләие музыйх кәлимәләр*) и дополняющие (*мөтәммимәте жәмлә вә кәләм*). В первую группу он относит определение и обстоятельство, во вторую – дополнение [Насыри, 1895: 73–77].

В. А. Богородицкий делит второстепенные члены предложения на определение и дополнение [Богородицкий, 1934: 146].

¹ Здесь и далее см. Перечень условных сокращений на стр. 255.

В грамматике Г. Алпарова («Сайланма хезмэтләр» («Избранные труды»), 1945 г.) второстепенные члены предложения разделяются на дополнения, определения и пояснения.

Во многих грамматиках татарского языка дополнения рассматривались в тесной взаимосвязи с обстоятельствами.

В грамматике Г. Алпарова обстоятельства изучаются в рамках дополнения (например, *урын тәмамлыгы* ‘дополнение места’, *вакыт тәмамлыгы* ‘дополнение времени’, *сәбәп тәмамлыгы* ‘дополнение причины’) [Алпаров, 1945].

Все имена существительные в форме исходного падежа рассматриваются Г. Алпаровым как ‘исходные дополнения’ *чыгыш тәмамлыгы*, а в форме направительного падежа – ‘направительные дополнения’ *юнәлеш тәмамлыгы*. Это мнение является ошибочным. В приведенных им в качестве таких дополнений примерах *Әхмәт урманнан кайтты*. ‘Ахмет пришел из леса’, *Без азыкны көздән әзерләп куйдык*. ‘Мы приготовили корм с осени’, *Әхмәт көзгә калага укырга китә*. ‘Ахмет к осени отправится учиться в город’, *урманнан* ‘из леса’ указывает на исходную (начальную) точку движения, т. е. выражается пространственное отношение; *көздән* ‘с осени’, *көзгә* ‘к осени’ выражают временные отношения; *калага* ‘в город’ указывает на конечный пункт движения (пространственность).

И в грамматике В. Н. Хангильдина («Татар теле грамматикасы. Морфология һәм синтаксис» («Грамматика татарского языка. Морфология и синтаксис»), 1959 г.) нет четкого разграничения дополнения и обстоятельства. Например, им выделяются как дополнения места (*урын тәмамлыгы*), так и обстоятельства места (*урын хәле*).

Таким образом, в этих грамматиках наблюдается отсутствие четкого разграничения разных типов смысловых отношений (обстоятельственных и объектных, причинно-следственных и целевых, условных и уступительных отношений).

Средства выражения различных синтаксических отношений в татарском языке выявляются и анализируются М. З. Закиевым [Закиев, 1963; 1995; Зәкиев, 1958; 1984; 2013; Татар грамматикасы, 2017].

Тесная связь объектных и обстоятельственных отношений отмечается и в лингвистических исследованиях по другим тюркским языкам. Например, диссертационная работа Х. Камиловой «Прямое дополнение в современном узбекском языке» (1950) посвящена изучению дополнения и его особенностей, выявлению различий между дополнением и обстоятельством.

В русском языкознании долгое время поясняющий член обозначался термином ‘приложение’, который впервые появился в трудах Н. И. Греча [Греч, 1827]. В грамматике А. Х. Востокова в русском языке выделяются разъяснительные союзы *то есть, а именно, как-то* [Востоков, 1831]. Исследование пояснительных конструкций начинается с 50-х годов в работах Н. С. Поспелова, Н. В. Кирпичниковой, В. А. Белошапковой и др.

В тюркском языкознании наличие придаточного пояснения как отдельного типа придаточных предложений не вызывает дискуссий. Сведения о пояснительных сложных предложениях даются еще в 20–30-е гг. в работах основоположника казахского языкознания Ахмета Байтурсынова. В опубликованных в 30-х годах школьных учебниках по башкирскому языку придаточные пояснения называются ‘определятельно-пояснительными предложениями’ (*билдәләү-анықлау һөйләм*). И лишь в синтаксических трудах 40–50 гг. они начинают называться пояснительными предложениями (*анықлаусы һөйләм*) [Сәитбатталов, 1961: 62].

Следует отметить и то, что в 30-х годах границы определятельно-пояснительных придаточных предложений чрезмерно расширяются и включают в себя синтаксические конструкции, которые на самом деле не являются придаточными пояснения. Например, предложение *Ни сәсһәң, шуны урырһың*. ‘Что посеешь, то и пожнешь’ является односоставным предложением, *Ҙайһыһы яҡшы, шуһыһын ал* [Әхмәр, 1933: 45]. ‘Который хороший, тот и возьми’ – сложным предложением с придаточным дополнительным, *Кем эшләй, шул ашай*.

‘Кто работает, тот ест’, *Кем тырыша, шул белә*. ‘Кто старается, тот знает’ – сложными предложениями с придаточными подлежащими, *Күпме булһа, шул тиклем алып қайт* [Ғәлиев, 1938: 41]. ‘Сколько есть, столько и привези’ – сложное предложение с придаточным меры и степени.

В грамматике В. Н. Хангильдина пояснение в татарском языке рассматривается как вводное присоединенное слово [Хангилдин, 1959: 438].

Как отмечает М. З. Закиев, до 60-х годов пояснения не изучаются как отдельный член, языковеды либо вообще их не выделяют, либо рассматривают в качестве одного из главных или второстепенных членов предложения [Татар грамматикасы, 2017: 156].

Пояснительные отношения в казахском языке рассматриваются Р. С. Амировым в процессе изучения особенностей разговорной речи, Х. М. Есеновым при исследовании условных сложноподчиненных предложений, М. С. Сергалиевым в связи с изучением синтаксических синонимов казахского языка.

Первым специальным исследованием пояснительных отношений в казахском языке является диссертация Ш. Бекмагамбетова [Бекмагамбетов, 1993]. Работа посвящена исследованию проблем синтаксических отношений на материале сложных предложений пояснительной конструкции в казахском языке, выяснению внутренних элементов конструкций и определению основных конструкционных моделей. Исследователем отмечается, что внутренние семантические типы пояснительных конструкций в исследуемом языке недифференцированы, это вызывает трудности в разграничении их от других смысловых отношений. Именно поэтому конструкции с пояснительной семантикой иногда рассматриваются как сложные предложения с причинно-следственными, противительными, условными и другими отношениями [Бекмагамбетов, 1993].

Ш. Бекмагамбетов приходит к выводу, что «основным способом синтаксической связи в СППК (сложных предложениях пояснительной

конструкции) в казахском языке является конструкционный способ» [Бекмагамбетов, 1993: 18].

Во многих грамматиках пояснение, наряду с определением, дополнением и обстоятельством, рассматривается как второстепенный член предложения под названием приложение. «Приложение – своеобразная разновидность определения, не только поясняющего предмет, но и дающего ему новое дополнительное наименование. Если определение может выражаться различными частями речи, то в роли приложения выступают только имя существительное и субстантивированные слова. В отличие от определения, приложение употребляется после определяемого слова» [ГСБЛЯ, 1981: 408].

Н. С. Валгина полагает, что собственно обобщающие отношения устанавливаются лишь при постпозиции обобщающего слова, а при его препозиции – пояснительные отношения [Валгина, 2003].

В состав обстоятельственных отношений входят условные, уступительные, причинно-следственные, целевые, пространственные, временные отношения. Кроме этого, традиционно отношения цели, причины и следствия, условия, уступки объединяют в отношения обусловленности, поэтому многие языковеды исследуют их как единую категорию. Основанием для объединения данных отношений служит наличие в их структуре двух зависимых, соотнесенных друг с другом компонентов.

В татарском языкознании комплекс обстоятельственных отношений, который состоит из функционально-семантических категорий и отражает взаимную обусловленность явлений, требует многоаспектного исследования. Основное направление изучения обстоятельственных конструкций сводилось лишь к описанию и анализу их отдельных разновидностей. Тем не менее следует отметить, что есть случаи, когда в одной синтаксической конструкции синкретично представляются сразу несколько значений. Выявление структурно-семантических особенностей обстоятельственных отношений и взаимодействие их типов еще нуждаются в глубоком теоретическом освещении и детальной проработке. Исходя из всего этого, в настоящем исследовании проводится анализ

взаимосвязи, синкретизма, переплетения одних обстоятельственных отношений с другими в татарском языке.

1.2. Атрибутивные, объектные, пояснительные отношения в татарском языке и способы их выражения

1.2.1. Семантическая категория атрибутивности

Вопрос выражения действительности в языке интересовал мыслителей со времен античности. Атрибут предмета как член, выражающий признак, был выделен еще в период господства теории универсальной логической грамматики. Атрибутивность – понятие семантическое. Сложность ее изучения заключается в разнообразии моделей атрибутивных конструкций. Многие исследователи сводят понятие атрибутивности всего лишь к представлению как члена предложения. Академик А. А. Шахматов, Л. Д. Чеснокова рассматривают атрибутивные отношения как содержательную сторону членов предложения, т. е. как определение.

По мнению некоторых исследователей, «атрибутивные сочетания условно подразделяются на четыре типа с выделением признаков типичного, глубинного, интенсивного и длительного. Интенсивные находятся на крайнем полюсе системы. Коренные признаки качества – типичные признаки – от прочих отличаются тем, что способны образовывать именные синонимы. Типичные от глубинных отличаются тем, что типичный признак исходит из самой предметности, тогда как глубинный привходит извне, хотя оба признака роднит их постоянство при определяемом слове» [Колесов, 2015: 20].

Атрибутивность – семантическая категория, базирующаяся на таких отношениях, «при которых признак мыслится не отвлеченно, а в единстве со своим носителем» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 349]. Появление в языке конструкций с атрибутивной семантикой восходит к

потребности в выделении одного предмета от других подобных ему, указав на присущие собственно этому предмету специфические признаки.

Слова, выражающие качество и свойство предметов, употребляются в текстах, относящихся к орхонским памятникам. Например: *көк теңри* ‘голубое небо’, *туруқ буқа* ‘тощий бык’ [Айдаров, 1971: 121].

Основным выразителем понятия атрибутивности является грамматическая категория прилагательного. В тюркологии изучение имени прилагательного началось в XIX веке по мере составления грамматик тюркских языков. Сведения о прилагательном как о грамматической категории имеются в трудах И. Гиганова, А. К. Казем-Бека, А. Троянского, К. Насыри и др. Впервые прилагательное как часть речи рассматривается И. Гигановым («Грамматика татарского языка», 1801 г.). В грамматике А. К. Казем-Бека («Общая грамматика турецко-татарского языка», 1846 г.) прилагательным посвящается отдельная глава.

Атрибутивные отношения устанавливаются между главным предложением и придаточным определительным. Придаточное определительное как тип придаточных предложений в татарском языке выделяется лишь в грамматиках XX века. В татарских грамматиках XIX века встречаются лишь некоторые истоки его изучения. Например, в грамматике К. Насыри «Әнмүзәж» этот вид придаточного предложения называется *жәмләи васфья*, что означает прилагательное предложение (*сыйфат жәмлә*). В качестве примеров приводятся следующие предложения: *Акчасы бар кеше ни эшләргә белә*. ‘Человек, у которого есть деньги, знает, что делать’; *Эше юк кеше тоташ йоклый*. ‘Человек, у которого нет дела, все время спит’; *Үзе ялганчы түгел кеше һәркемгә ышанадыр*. ‘Человек, который сам не обманывает, всем доверяет’; *Син әйткән атны мин алдым*. ‘Я взял лошадь, о которой ты говорил’; *Син мактаган кешене мин күрдем*. ‘Я видел человека, которого ты хвалил’; *Син яза торган калам яхшырак*. ‘Перо, которым ты пишешь, лучше’ [Насыри, 1895: 82]. Однако К. Насыри рассматривает придаточное предложение в примере *Мин югында, ул килгән икән*. ‘Когда меня не было, он приходил, оказывается’ как определительное, хотя на самом деле оно является придаточным времени. И, наоборот, некоторые определительные

предложения он рассматривает как обстоятельственные, например: *Син язган китанни мин укыдым*. ‘Я прочитал книгу, которую ты написал’ [Насыйри, 1895: 78].

Г. Алпаров вообще не выделяет определительное предложение как вид придаточных предложений [Алпаров, 1945].

Как известно, в основе атрибутивных отношений лежит конкретизирующая связь. Средства выражения конкретизирующей связи впервые в тюркологии описываются М. З. Закиевым [Зэкиев, 1958]. Р. К. Сагдиевой подробно исследованы аффиксы, выражающие конкретизирующие отношения, в татарском языке [Сагдиева, 2000].

В языкознании существует ряд исследований, посвященных описанию структурно-семантических особенностей атрибутивных отношений (И. И. Бойцова, Н. И. Варламова, Ч. Ю. Латыпов, Н. Н. Матвеева, Г. И. Свердлова, П. Ф. Шанин и др.).

В современной русистике довольно подробно, с разных позиций (Г. Ю. Вострецова, Л. М. Меликова, Т. В. Джаниани и др.) и в разных стилях (в разговорной речи – Н. И. Кузнецова; в публицистическом стиле – С. А. Петров; в научном стиле – Ж. Гомбош), в сопоставительно-типологическом плане (Д. Р. Ханаху) изучены атрибутивные словосочетания. А. В. Хлопьянов проводит лингвопоэтическое исследование атрибутивных словосочетаний в языке художественных произведений [Хлопьянов, 2008]. Исследователем анализируются адъективные, генитивные и комбинированные атрибутивные сочетания.

Атрибутивные отношения на материале тюркских языков явились объектом исследования ряда диссертационных и монографических работ. В исследовании А. Гулямова «Определение в узбекском языке» (1941) рассматриваются приложения, определительные предложения, определительные синтагмы, определения и их виды по материалам исторической и языковедческой литературы. В диссертации Р. Джуманиязова «Причастное определение в узбекском языке» (1945) описываются семантика и грамматические выражения

причастного определения в узбекском языке. В исследовании А. С. Сафаева «Второстепенные члены предложения в современном узбекском языке» (1969) проанализированы семантико-синтаксические особенности синтаксических конструкций, в том числе и конструкций с определением, дополнением и обстоятельством.

Э. Хужаниязов исследует семантико-стилистические особенности атрибутивных конструкций в узбекском языке и приходит к выводу, что атрибутивные словосочетания в научном и художественном стилях выступают как стилеобразующие средства [Хужаниязов, 1984].

Работа И. Д. Банковой [Банкова, 2002] посвящена исследованию системы субстантивных определительных словосочетаний в гагаузском языке. Как установлено исследователем, в определительных словосочетаниях гагаузского языка чаще всего функцию определения выполняют имена существительные, прилагательные, местоимения, числительные, причастная форма глагола, инфинитивная форма глагола, реже – наречие. Наиболее продуктивной синтаксической конструкцией, выражающей атрибутивные отношения, является модель «прилагательное+существительное».

Исследование Г. Г. Торотоева посвящено изучению функционально-стилистических дифференциаций определений в якутском языке [Торотоев, 2006]. Исследователем справедливо отмечается более конкретность семантики определительного словосочетания, чем семантики отдельного слова, так как особенность определений заключается в выполнении в предложении роли средств референции, раскрывающих отличительные признаки предметов и явлений действительности [Торотоев, 2006: 6].

Таким образом, в исследованиях по татарскому языку, как и по другим тюркским языкам, атрибутивные отношения рассматриваются в рамках изучения определительных словосочетаний, определений и определительных предложений.

1.2.2. Объект в семантической структуре предложения

Значимое место в семантической структуре предложения занимает объект. Когда предикат обозначается переходным и понудительным глаголом, наличие объекта в предложении обязательно. В тюркских языках различают разные виды объектов. Например, И. Х. Ахматов перечисляет 29 лексико-грамматических разновидностей объекта в карачаево-балкарском языке (объект воздействия, объект активного/пассивного движения, объект речи, объект психологического/физиологического состояния, объект сравнения, объект причины, объект материала, объект места, объект орудия, объект отношения, объект восприятия, объект уподобления и др.) [Ахматов, 1983: 90–92]. М. З. Закиев справедливо отмечает, что классификация И. Х. Ахматова связана с нехваткой обобщения в семантическом синтаксисе и если следовать ей, то получается и лексическое, и грамматическое значение каждого глагола-предиката может образовать бесчисленное количество разновидностей объекта [Закиев, 2013: 129].

Объектные отношения возникают при выражении прямой или косвенной направленности действия на предмет. Исходя из этого в системе объектных отношений, как в философии, так и в лингвистике, указывают на прямой объект и косвенный объект. Прямым объектом выражается реальный (грамматический) объект, действие над ним совершается в реальной действительности. Прямой объект, как правило, употребляется вместе с переходным глаголом, синтаксическая функция в предложении которого не ограничивается сказуемым. Косвенное отношение к совершаемому действию выражается косвенным объектом.

Прямые объекты разделяют на определенный (когда говорящему уже известно о предмете) и неопределенный (в этом случае говорящему неизвестно о предмете).

Неопределенный прямой объект в татарском языке выражается без аффиксов, а определенный прямой объект – существительным в винительном падеже: *Таптап үтүләрә кыен түгел Чәчкәләрне кайда үссә дә* (Ф. Жамалетдинова. Таптап үтүләрә кыен түгел...). ‘Несложно затоптать цветы, где бы они не росли’¹ – определенный прямой объект; *Арыш чәчсәң, кәлгә чәч, сабан чәчсәң, суга чәч* (Мәкаль). букв. ‘Сей рожь в золу, а пшеницу в воду’ (Пословица) – неопределенный прямой объект.

Выражение неопределенного прямого объекта без аффиксов, а определенного прямого объекта – существительным в винительном падеже свойственно и другим тюркским языкам. Приведем примеры. Определенный прямой объект: азерб. *О, һәким јолдашлары илә бир кәнарда отуруб, Мәдәди кәзләди*. ‘Он, сидя в сторонке со своими товарищами врачами, стал ждать Мадада’ [ГАЯ, 1971: 286–287]; алт. *Баланы ал*. ‘Возьми ребенка’ [Дыренкова, 1940: 242]; башк. *Хатты яза*. ‘Пишет письмо’ [ГСБЛЯ, 1981: 409]; каз. *Өлеңді мен жазбаймын ермек үшін...* ‘Я слагаю стих не для забавы ...’ [Балакаев, 1959: 161]; карач.-балк. *Китанны берчи*. ‘Дай, пожалуйста, книгу’ [ГК.-Б.Я, 1976: 420]; кирг. *Санаа эрди саргайтат, сары жел чөптү кубартат*. ‘Забота молодца изнуряет, суховей траву сушит’ (Пословица); тур. *Avradı eri saklar, peyniri deri*. ‘Жену охраняет муж, сыр сохраняет кожа’ (Пословица); неопределенный прямой объект: алт. *Бөөрү кой тутты*. ‘Волк поймал овцу’ [Дыренкова, 1940: 225]; гаг. *Падишаа йоллээр поштайлан кийат чөжүүнә*. ‘Падишах посылает по почте письмо своему сыну’ [Покровская, 1978: 32]; кирг. *Уйку төшөк талдабайт*. ‘Сон постели не разбирает’ (Пословица); тур. *Girecek delik aramak*. ‘Искать дырку, чтобы спрятаться’ (Пословица); шор. *Пистинь күскүде палык анънапчалар*. ‘У нас осенью ловят рыбу’ [Дыренкова, 1941: 85].

Как показал анализ, объектные отношения возникают при семантико-грамматической связи глаголов, причастий и деепричастий с существительными. Объектные отношения, как правило, устанавливаются между дополнением и

¹ Здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором самостоятельно.

сказуемым. Их изучение, как и других видов смысловых отношений, началось в рамках исследования второстепенных членов предложения.

1.2.3. Синтаксическое выражение семантики пояснения

Пояснительное отношение представляет собой семантико-синтаксическую конструкцию, которая состоит из поясняемого и поясняющего компонентов. Структурно-семантическая особенность пояснительных отношений заключается в том, что первый компонент включает в себя слово, которое необходимо пояснить. Во втором компоненте пояснительной конструкции содержание первого дополняется, уточняется, конкретизируется, при этом поясняется либо общее содержание первой части, либо ее членов. В основе пояснительных отношений лежат логико-мыслительные процессы. Позиция компонентов пояснительной конструкции имеет грамматический смысл.

В пояснительной конструкции компоненты указывают на один и тот же объект. Как справедливо отмечает В. И. Чуглов, в диктумном плане, с сигнификативной точки зрения, названия объектов отличаются. Говорящий считает, что первое наименование неизвестно адресату, поэтому отождествляется с другим, понятным ему понятием. «Это позволяет уточнить общее грамматическое значение пояснительных конструкций как значение отождествления первого обозначения со вторым с указанной выше целью» [Чуглов, 2012: 30].

Поясняющий компонент, как правило, возникает в том случае, когда семантика поясняемого не раскрывается в достаточном объеме. Неабсолютное совпадение значений компонентов пояснительной конструкции, в свою очередь, приводит к раскрытию новых свойств и качеств описываемых объектов.

«Пояснение – это повторная номинация одного и того же денотата с целью разъяснения. Поясняемый и поясняющий элементы соотносятся с одним референтом» [Захарова, 2008: 9].

Во второй части пояснительной конструкции могут содержаться результаты субъективного восприятия действия первой части. Например: *Тамагы кипкән Искәндәр автомат янына үтә алмады, дәресрәге, чыр-чу килгән бала-чаганы аралап узуну яхшысынмады* (Ф. Латыйфи. Аяклы каза). ‘Искандер, испытывавший жажду, не смог пройти к автомату, точнее, посчитал, что будет нехорошо пройти сквозь толпу шумных ребяташек’. Подобные примеры употребляются и в других тюркских языках: тур. *Kadın yerinden kalktı, o zaman çok sarhoş olduğunu anladım.* ‘Женщина поднялась со своего места, тогда я понял, что она была очень пьяна’ [Баскаков, 1964: 108]. В СП, выражающих пояснительные отношения, вторая часть может указывать на целевую установку действия первой части: тур. *Makinesi bıraktığı yok; daha kotraya girerken resim çekmeye başlamıştı.* ‘Не расстаётся с фотоаппаратом, как только поднялся на борт яхты, так стал фотографировать’ [Баскаков, 1964: 107]. Второй компонент может содержать данные, дополняющие подлежащее первого компонента или поясняющие семантику явления, выраженного в первом компоненте. Например: тат. *Без – руслар белән татарлар – һәрвакыттагы кеби, тату гына, честный гына алыш-биреш итеп тора алабыз* (Г. Тукай. Мич башы кыйссасы). ‘Мы – русские и татары – можем как всегда дружно, честно вести торговые отношения’. В других тюркских языках: тур. *Nesiller büyür, iş güç sahibi olur, bunlar içinden yalnız çokça para kazanmağa başlayanlar bizim sokaktan ayrılırlar.* ‘Поколения растут, находят себе занятия, только некоторые из них, которые начинают зарабатывать много денег, покидают нашу улицу’ [Баскаков, 1964: 108]; узб. *Ордан үч күн өтүбди пәдшәхнәң көңжә дөгь түш көрүбди: түшүдә бир парча булут үзүлүб көңжә түшүбди* [Серебренников, Гаджиева, 1986: 275].

Важную роль в пояснительных предложениях играет своеобразная интонация. С помощью интонационной паузы, близкой к интонации ожидания, выполняется указательная функция от поясняемого компонента к поясняющему,

определяется пояснительный характер последнего компонента пояснительной конструкции. При этом интонация в такой конструкции может выступать как дополнительное средство выражения смыслового отношения, оформлять его, так и использоваться в качестве основного синтаксического способа образования пояснительного отношения. В подобных бессоюзных предложениях вторая часть раскрывает содержание первой.

Пояснительные конструкции состоят из поясняемого и поясняющего компонентов, которые выражают логическое отношение тождества. Эти компоненты могут находиться в следующих логических отношениях:

1) равенства (тождества, эквивалентности), которое устанавливается между тождественными понятиями. В этом случае, как правило, поясняемое и поясняющее являются синонимами. Например: *Ә хакыйкаты барыбер өскә чыгарга тиеш, чөнки аннан башка жир йөзәндә хаклык, ягни дә гаделлек урнаша алмый!..* (Ф. Яхин. Тормыш бәясе). ‘А истина все равно должна всплыть, потому что без нее не может установиться правда, то есть справедливость на земле’. В подобных примерах логическое отношение тождества между поясняемым и поясняющим допускают формальную обратимость пояснительной конструкции, при этом характер смысловых отношений сохраняется: *Ә хакыйкаты барыбер өскә чыгарга тиеш, чөнки аннан башка жир йөзәндә гаделлек, ягни хаклык урнаша алмый!..* ‘А истина все равно должна всплыть, потому что без нее не может установиться справедливость, то есть правда на земле’;

2) включения (подчинения), когда по объему одно понятие шире, чем другое. Например: *Әхәт кабат Минжан батырны, аңа канат куйган, данлы киләчәгенә ышанган батырны, исенә төшерде* (Р. Галиуллин. Әхәт Батыр). ‘Ахәт снова вспомнил Минжан батыра, батыра, окрылившего его, верившего в его славное будущее’. В других тюркских языках: башк. *Ана Рауза, минең һөйөкләм Рауза, мин күңелен тәрән қайғыға һалған Рауза, буш аллея буйлап, башын түбән эйгән хәлдә, яй ғына атлай*. ‘Вон Рауза, моя любимая Рауза, ввергшая мою душу в

глубокую скорбь Рауза, идет по пустой аллее медленно, низко наклонив свою голову' [ГСБЛЯ, 1981: 408];

3) перекрещивания. Это отношение свойственно для неабсолютных синонимов. В этом случае объем одного понятия лишь частично входит в объем другого, они не тождественны по содержанию. Например: *Мәетнең сул ягы буйлап, ишектән түргәчә ике рәт булып, дин әһле – дәверчеләр, фидиячеләр сафланганнар* (Г. Ибраһимов. Казакъ кызы). 'По левую сторону покойника с порога до конца комнаты в два ряда выстроились богословы – исполнители религиозного обычая «дәвер», получатели посмертного пожертвования'. В других тюркских языках: гаг. *Илкйазын, майын биткисиндә, гүннәр хептан сыжак башлээрлар олмаа*. 'Весной, в конце мая, дни начинают становиться совсем жаркими' [Покровская, 1978: 46]; карач.-балк. *Ол кюн сагъат беишледе, ингирде, ала бизге тубедиле*. 'В тот день часов в пять, вечером, они встретились с нами'; кум. *Бирдагъы кордон буса ярны ягъасында, Акъташны онг янында, ерлешген болгъан*. 'Еще один кордон был расположен на краю обрыва, на правом берегу Акташа'.

И при выражении логических отношений перекрещивания конструкция формально обратима. Например: тат. *Мәетнең сул ягы буйлап, ишектән түргәчә ике рәт булып, дәверчеләр, фидиячеләр – дин әһле сафланганнар*. 'По левую сторону покойника с порога до конца комнаты в два ряда выстроились исполнители религиозного обычая «дәвер», получатели посмертного пожертвования – богословы'; гаг. *Майын биткисиндә, илкйазын, гүннәр хептан сыжак башлээрлар олмаа*. 'В конце мая, весной, дни начинают становиться совсем жаркими'. Как видим, изменение порядка следования поясняемого и поясняющего компонентов не нарушает смыслового содержания.

Что касается отношений включения (подчинения), в этом случае изменение порядка следования компонентов, которые выполняют функцию поясняемого и поясняющего, может приводить к алогизму, необратимости синтаксической конструкции. Например: башк. *Ана Рауза, минең һөйөкләм Рауза, мин күңелен тәрән қайғыға һалған Рауза, буш аллея буйлап, башын түбән эйгән хәлдә, яй*

гына атлай. ‘Вон Рауза, моя любимая Рауза, ввергшая мою душу в глубокую скорбь Рауза, идет по пустой аллее медленно, низко наклонив свою голову’ – Ана минең һөйөклөм Рауза, мин күңелен тәрән қайғыга һалған Рауза, Рауза, буш аллея буйлап, башын түбән эйгән хәлдә, яй гына атлай. ‘Вон моя любимая Рауза, ввергшая мою душу в глубокую скорбь Рауза, Рауза, идет по пустой аллее медленно, низко наклонив свою голову’.

Пояснительные отношения возникают при синтаксической реализации пояснительной семантики посредством расширения либо сужения объема информации, как правило, в двух синтаксических единицах. Таким образом, информации, содержащиеся в синтаксических единицах, различаются по объему. В семантическом плане поясняющий компонент характеризуется более подробным изложением, расширением (от общего к частному) или же обобщением, сужением (от частного к общему) информации в зависимости от коммуникативного фактора. При этом расширение содержит дополнительные сведения. Например: *Кәрван-кәрван булып, Зәңгәр Чишмәнең уртасыннан – байлар мәчете яныннан басу капкасына чаклы тезелгән арбалар безне алып китәргә азер торалар* (Г. Ибраһимов. Кызыл чәчәкләр). ‘Повозки, выстроившиеся караваном с середины деревни – от мечети баев до полевых ворот, готовы забрать нас’.

Сужение служит для концентрации внимания слушающего на актуальном факте, который не выходит за рамки информационного пространства предыдущей синтаксической единицы. Например: *Әмма күңелем кара көздән – язны, бигрәк тә аның чәчәкләрен сагына башлый* (Ф. Яхин. Язгы чәчәкләр). ‘Но в темную осень моя душа тоскует по весне, особенно по весенним цветам’. В других тюркских языках: карач.-балк. *Инал, туугъан элинден айырылып, тауда, дорбунда жашайды*. ‘Инал, уехав из родной деревни, живет в горах, в пещере’ [Додуева, 2008: 13].

Появление в предложении поясняющего компонента не прогнозируется грамматически (поскольку его синтаксическая позиция в предложении

эксплицитно представляется поясняемым компонентом), определяется различными коммуникативно-прагматическими установками.

Пояснительные отношения обеспечивают необходимую степень коммуникативности текста, способствуют не только пониманию информации, но и вводят дополнительную новую информацию.

1.3. Структурно-семантические особенности отношений обусловленности в татарском языке

1.3.1. Причинно-следственные отношения как ядро семантики обусловленности

Категория обусловленности занимает важное место в мире и языке. Все события, происходящие в реальной действительности, взаимосвязаны, взаимообусловлены. Отношения обусловленности составляют основу мироздания, поэтому неизбежно отражаются в структуре языка в эксплицитной или имплицитной формах. Причастность одного явления другому привлекала внимание и вызывала интерес еще в древнем мире, в результате появилось учение об обусловленности, эта категория выступала объектом дискуссий философов.

Основу отношений обусловленности составляют ПСО, которые возникают на когнитивном уровне и отображаются в каузальной ситуации. Каузальная конструкция состоит из двух компонентов: причины (обусловливающего) и следствия (обусловливаемого). Некоторыми исследователями отмечается, что помимо причинно-следственных, частными случаями каузальности, выступают целевые, условные и уступительные отношения. «На синтаксическом уровне, при анализе периферийных СПП с отношениями обусловленности, выявляются настолько тесные взаимосвязи рассматриваемых конструкций, что можно говорить о полицентризме ФСП «СПП с отношениями обусловленности». Центрами данного ФСП можно считать структуры со значением и причины, и

условия, и следствия, поскольку с ними связано рассмотрение большего числа оппозиций» [Дружинина, 2008: 225]. С. И. Дружинина не относит темпоральные, пространственные, присоединительные и сравнительные отношения в группу обусловленности, мотивируя это тем, что в них отсутствует реализация значения обусловленности в чистом виде, подобные конструкции занимают переходный статус.

По мнению С. А. Алексановой, функциональное многообразие форм и семантики категории обусловленности в целом сводится к понятию каузальности. «Разная степень тяготения к выражению производящего значения у детерминантов условия, уступки, цели, с одной стороны, и стимула, соответствия, основания – с другой, связана с различием способов выражения значения обусловленности. Для конструкций с детерминантами причины, условия, уступки, цели данное значение – это результат взаимодействия семантики обеих частей высказывания, где детерминантная часть называет обуславливающий фактор, а недетерминантная – обусловленный» [Алексанова, 2009].

Некоторые лингвисты сводят категорию обусловленности лишь к каузальности. Например, Саид Али Муртада считает, что «обусловленность представляет собой каузальность, то есть причинность в широком смысле слова, при которой одна ситуация служит достаточным основанием для реализации другой, а значит, обе ситуации соответствуют событиям, одно из которых порождает другое» [Саид Али Муртада, 2011: 5]. «Отношения обусловленности как объект исследования предполагают обращение к таким логико-философским проблемам, как природа причинных связей и их отображение в языковой интерпретации. В высказываниях с отношениями обусловленности воплощается преимущественно телеологическая интерпретация каузальных связей, актуализирующая действие необходимых условий» [Оркина, 2000: 3, 7].

По мнению некоторых исследователей, в основе причинных, следственных, условных, уступительных и целевых отношений лежит общий семантический признак, который объединяет их в единый каузальный комплекс [Куковская, 2013: 78]. Понимание под термином 'каузальность' собственно причинно-

следственных отношений и отношений логического обоснования считается пониманием в узком смысле.

Языковедами также отмечается, что «будучи основой многосторонней связи между явлениями, причинно-следственная зависимость – лишь одна из форм этой связи, она соотносится с другими формами взаимообусловленности явлений объективного мира – с целевыми, условными и уступительными» [Шубина, 1986: 72]; «причинные значения легко обнаружить в разных видах сложноподчиненных предложений – с придаточными места и времени, сравнения и условия, цели и объектного дополнения» [Кодухов, 1966: 386].

Еще в древности изучение ПСО, которые составляют основу отношений обусловленности, относилось к числу наиболее значимых философских вопросов. Представление о причинности сформировалось в сознании людей в результате их практической деятельности. Философы, начиная с античной Греции и кончая нашими днями, интересовались причинностью как об основе других категорий обусловленности, по-разному интерпретировали понятие ‘причина’.

У античных философов причина отождествлялась с первоначалом, зарождение мира сводилось к первопричине, которая разная у каждого философа, например, у Фалеса – вода (~ 640–562 гг. до н. э.), Анаксимена – воздух (585–524 гг. до н. э.), Анаксимандра – апейрон (611–546 гг. до н. э.), Гераклита – огонь (540–480 гг. до н. э.) и др.

Принято считать, что понятия ‘начало’ и ‘причина’ в философии впервые были разделены Платоном (428/427–348/347 до н. э.). Согласно его учению, «отдельные предметы создаются, разрушаются и воспроизводятся потому, что в умопостижимом мире имеется причина, которая делает вещь именно этой вещью. Например, деревья существуют потому, что есть идея дерева, стол – потому, что существует идея стола. Предметы искусства создаются потому, что имеется идея прекрасного» [Радугин, 2004: 54].

Философские категории причина и следствие тесно связаны с понятиями условие, необходимость, случайность. Б. Спиноза (1632–1677) признает отношения случайности, необходимости и свободы. По мнению голландского

философа, Бог является внутренней причиной природы и универсальной причиной мира. Субстанция – сама себе причина, совершенна, бесконечна, неподвижна [Радугин, 2004]. Бенедикт Спиноза, будучи последовательным детерминистом, считает, что происхождение, существование и исчезновение отдельных явлений зависят от объективных причин.

Поль Анри Гольбах (1723–1789) отрицает случайность, отождествляет обусловленность и необходимость. Он рассматривает Вселенную как закономерную цепь причин и следствий с господствующей необходимостью. По мнению французского просветителя, нет ничего случайного, все необходимо.

По принципу детерминизма естественный ход событий подчиняется объективной причинности, все обусловлено, закономерно. Но некоторые философы считают, что отношения обусловленности могут носить и случайный характер.

Мнение, что случайное является следствием незнакомых наблюдателю причин, является распространенным в истории философии. Демокрит (460–360 гг. до н. э.) считает, что все имеет свое основание, ничто не происходит беспричинно, а случайность является неизвестной человеческому разуму причиной [История философии, 2001: 81]. Согласно точке зрения древнегреческого философа, причиной одной ситуации является вторая, второй – третья и т. д. Философ XVII века Т. Гоббс (1588–1679) и представитель немецкой классической философии Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) тоже считают, что все происходящее имеет причину, а случайное лишь то, обязательную причину чего невозможно усмотреть, так как случайность обладает внешней, а не внутренней причиной [Радугин, 2004].

По мнению Г. В. Ф. Гегеля, все категории, понятия находятся в необходимой внутренней связи с остальными и в процессе развития взаимно переходят друг в друга: количество – в качество, возможность – в действительность и обратно. Таким образом, отмечается единство противоположных друг другу категорий: случайности и необходимости, содержания и формы и др.

Категория обусловленности как объект лингвистического исследования рассматривается в двух аспектах: универсально-понятийном и конкретно-языковом. В универсально-понятийном аспекте обусловленность представляется концептуальной категорией, а во втором случае – функционально-семантической.

«Структурной и семантической доминантой системы способов выражения обусловленности на всех уровнях является причинность (конвертируемые отношения причины и следствия)» [Акимова, 2007: 14].

Считается, что термин *причинность* возник в начале XIX века на основе признака *причинный* и выступал абсолютным синонимом слову *причина* «и только на рубеже с XX веком получил общий смысл отвлеченно-формальной идеи причины во всей совокупности условий, целей, поводов, следствий и собственно реальных причин, связанных единством действия и цельностью понимания как целесообразной связи всего во всем» [Колесов, 2015: 18].

В результате мифопоэтического восприятия мира в человеческом сознании сформировались такие виды категории обусловленности, как время, цель, причина и следствие, условие, уступка. Данная классификация не претерпела особых изменений. «В семантической сфере обусловленности обычно выделяются отношения причины, цели, условия, уступки, следствия. К этому ряду необходимо добавить отношения временной обусловленности, суть которого состоит в том, что реальное время осуществления основного действия ориентировано относительно времени второстепенного» [Теория функциональной грамматики, 1987: 267].

Изучив сложные предложения с обстоятельственной семантикой в русском языке, Н. А. Андрамонова выделяет отдельный подкласс обстоятельственных СПП с семантикой обусловленности и относит к этому типу предложения, в которых эксплицитно репрезентируются причинно-следственные, условно-следственные, условно-целевые, уступительно-противительные отношения [Андрамонова, 1977]. Наиболее широкими и емкими из них считаются причинно-следственные. Причем, и логическая, и философская интерпретация ПСО

сходится в признании безусловной постоянной диалектической связи компонентов каузальной конструкции.

В. А. Белошапкина разделяет СПП со значением обусловленности на три вида: стимулирующая обусловленность, результирующая обусловленность, обусловленность, при которой явление-стимул вместе с тем представляет собой результат. К стимулирующей обусловленности относит – причинные, условные, уступительные, к результирующей – следственные, к третьему виду относит целевые предложения [ГСРЛЯ, 1970: 710].

Р. Г. Усенбаева в своей работе, посвященной изучению БСП с общим значением обусловленности в русском и киргизском языках, делит такие конструкции на условно-временные предложения и на предложения со значением прямой/обратной обусловленности. К предложениям прямой обусловленности она относит – условные, обратной обусловленности – уступительные значения [Усенбаева, 1979: 54]. Поскольку подобное подразделение не вбирает в себя все отношения с общей семантикой обусловленности, являющейся внутренней зависимостью между явлениями, оно представляется нам недостаточно полным.

Далее Р. Г. Усенбаева подразделяет предложения прямой обусловленности на предложения со значением конкретной и обобщенной обусловленности. В первом случае имеется ввиду конкретное условие совершения действия, во втором – речь идет о значении постоянства обусловленности. Следует отметить, что семантика обобщенной обусловленности характерна для пословиц и поговорок, обобщенных высказываний.

В русском языке отношения обусловленности изучены, как правило, на материале разных функциональных стилей: в языке художественной литературы исследованы Т. С. Ветчиновой (2009); в публицистическом стиле – Юань Мяосюй (2012); в официально-деловом стиле – Т. А. Глущенко (1994); в научном стиле – Н. П. Галкиной (2014) и др. Одни лингвисты исследуют отдельные типы отношений обусловленности: каузальные – Л. Л. Бабалова (1974), Ю. Ю. Леденев (1996), Т. С. Ветчинова (2009); кондициональные – Л. Л. Бабалова (1974), В. С. Храковский (1996); целевые – М. В. Глазунов (2003); уступительные

отношения – В. С. Храковский (1999), Юань Мяосюй (2012). Другими исследователями, например, Р. М. Теремовой (1988), В. Б. Евтюхиным (1995, 1996), Н. Н. Дробышевой (2008), Саид Али Муртада (2011), обусловленность изучается как единый лингвистический объект. В. Б. Евтюхин (1995, 1996), В. С. Храковский (1999, 2003) и др. рассматривают обусловленность в качестве функционально-семантического макрополя, в которое входят микрополя условия, причины, следствия, уступки, цели.

Изучение категории обусловленности в функционально-семантическом аспекте связано с именем А. В. Бондарко и развитием его функциональной грамматики, разработкой теории функционально-семантического поля (ФСР).

Исследованию отношений обусловленности отводится место и в тюркологии. М. А. Бирабасова [Бирабасова, 2003] в рамках выявления системы придаточных предложений в ногайском языке наряду с объектными, атрибутивными, временными, пространственными отношениями изучает также отношения обусловленности (каузальные, целевые, условные отношения).

В своем труде, посвященном изучению бессоюзных сложных предложений в кумыкском и русском языках, Р. И. Бачиева выделяет БСП, выражающие причинно-следственные, целевые, противительно-уступительные, временные, противительные, изъяснительные, пояснительные, объяснительные отношения и бессоюзные конструкции со значением меры и степени [Бачиева, 2007]. Исследователь отмечает использование БСП с недифференцированными отношениями в сопоставляемых языках.

А. Р. Губанов, исследуя отношения обусловленности на материале русского и чувашского языков, отмечает, что в зависимости от специфики потенциального компонента ситуация обусловленности представлена ситуацией мотивации возможности или невозможности совершения действия и ситуацией мотивации желательности совершения действия [Губанов, 1999].

Исследование А. К. Прокопьевой [Прокопьева, 2013] посвящено изучению сложных предложений, в том числе и с семантикой обусловленности, в текстах художественной литературы якутского языка. На основе проведенного анализа

автором отмечается, что в текстах якутской художественной литературы наиболее употребительными являются ССП со значениями одновременности, результативности и последовательности, из СПП – временные, дополнительные, определительные и подлежащие. Исследователем определено, что синтетические типы преобладают в определительных, дополнительных, причинных и условных СПП; аналитические – в определительных, дополнительных и некоторых обстоятельственных СПП (преимущественно в причинных, уступительных и временных); синтетико-аналитические типы – в СПП причины, уступки и времени [Прокопьева, 2013].

Изучение смысловых отношений, в том числе и отношений обусловленности, в той или иной степени начинается уже в первых татарских грамматиках. В основном оно проводится в рамках описания второстепенных членов предложения и видов придаточных предложений. В грамматиках XIX века, являющихся теоретической основой для дальнейшего научного исследования татарского языка, начинают обращать внимание на изучение обстоятельственных отношений, они освещаются в трудах лингвистов-тюркологов в той или иной степени. Первым опытом всестороннего научного исследования татарского языка является грамматика ученого-энциклопедиста Каюма Насыри «Әнмүзәж» (1895 г.). В этом труде анализируются некоторые средства выражения причинно-следственных, условных, пространственных и временных отношений. Более подробно остановимся на этом в последующих разделах данного исследования.

Особое место в системе отношений обусловленности принадлежит предложениям с модальными словами. В результате воздействия модальных слов и частиц обстоятельственная конструкция приобретает синкретичную семантику. Кроме того, в отдельных случаях наличие модально-вводных слов между компонентами СП имеет конструктивную значимость. В частности это касается предложений, выражающих ПСО. Как правило, необходимым компонентом для различения семантики в них служат вводные слова, которые указывают на значение достоверности или недостоверности. Такие конструкции могут

считаться каузальными только с внешней стороны, но не с точки зрения глубинной структуры. Они имеют сложную семантическую наполненность, репрезентирующую отношения логического обоснования. Например: *Кызның эченә суык үтте, ахры, кулындагы юеш яфракларын өемгә ыргытты да биегән сыман сикеренеп алды* (Р. Зәйдулла. Ачкыч чыпта астында). ‘Девушке, видимо, стало холодно: она бросила сырые листья, которые держала в руке, и начала припрыгивать, словно танцую’. Таким образом, представляется только следственный компонент каузальной конструкции, на основе которого делается вывод о возможном причинном компоненте.

Модальные слова со значением возможности и предположения в условных конструкциях видоизменяют их семантику. Предложения практически теряют собственно условный характер и уподобляются СПП со значением возможного, предполагаемого вывода. Наличие отношений между явлениями действительности может утверждаться или отрицаться говорящим. Например, А. Р. Губанов называет такие случаи «ситуациями категорической уверенности» и «ситуациями проблематичной уверенности» [Губанов, 2016: 48].

Значение категорической достоверности выражается такими модальными словами, как *һичшиксез* ‘бесспорно’, ‘без (всякого) сомнения’, ‘разумеется’, *албәттә* ‘конечно’, ‘разумеется’, ‘несомненно’, ‘без сомнения’, *чыннан да* ‘и на самом деле’, ‘и действительно’, ‘и вправду’, ‘и впрямь’. Например: *Вакыт булса, һичшиксез, музейга да барырбыз*. ‘Если будет время, разумеется, пойдем и в музей’.

Значение проблематической достоверности выражают модальные слова *ихтимал* ‘возможно’, ‘вероятно’, ‘может быть’, ‘должно быть’, *мөгаен* ‘наверное’, ‘по-видимому’, ‘очевидно’. Например: *Вакыт булса, ихтимал, музейга да барырбыз*. ‘Если будет время, возможно, пойдем и в музей’.

Как видим, такие предложения по значению сближаются с ПСО, но их семантическое содержание характеризуется большей емкостью. Логический вывод, который изложен в одном компоненте, опирается на факте, описанном во

втором. А вводные слова подчеркивают наличие субъективной модальности в предложении.

1.3.2. Целевые отношения. Онтологическая связь целевых и причинно-следственных отношений

Наиболее изученными в лингвистике среди всех отношений обусловленности можно назвать причинно-следственные. В разной степени они начинают изучаться еще в первых грамматиках русского языка. В трудах Г. Лудольфа, А. Востокова говорится о причинных союзах (в ранних грамматиках они назывались винословными).

Людвиг Генрих Якоб в «Начертании всеобщей грамматики для гимназий Российской империи» (1812) предпринимает попытку классифицировать предложения, исходя из определенных отношений, складывающихся между компонентами. В этом труде автором выделяются отношения времени, противоположности, согласия, зависимости. Отношения противоположности разделяются на разделительные и противительные; отношения согласия включают в себя сравнительные, соединительные, уступительные предложения. Еще выделяются винословные, наносительные, конечные предложения, но конкретные языковые примеры не приводятся.

Изучение каузальности в русском языкознании начинается в конце XVIII – начале XIX века. Лингвисты рассматривают такие средства выражения ПСО, как предлоги (Буслаев, Востоков), союзы (Барсов, Греч), наречия (Будилович), обстоятельства причины (Буслаев, Дмитриевский), придаточные предложения (Кирпичников).

С середины XIX века в трудах Н. И. Греча, И. И. Давыдова начинается исследование взаимосвязи ПСО со смежными по значению отношениями.

В грамматиках XIX века обращается внимание на союзы, устанавливающие ПСО между компонентами синтаксической единицы.

В «Грамматике татарского языка» (1801 г.) И. Гиганов рассматривает предлог *по*, слова *так как*, *что*, выражающие семантику причины: *по твоему слову*, *по указу Государеву* [Гиганов, 1801: 181].

А. Троянский («Краткая татарская грамматика», 1814 г.) отмечает, что союзы связывают компоненты целого и указывают на разные, в том числе и причинно-следственные, отношения между ними; изучает винословные союзы *ибо*, *понеже*, *по тому что*. Кроме винословных им рассматриваются еще соединительные, противительные, разделительные, отрицательные, заключительные, пополнительные, условные союзы [Троянский, 1814: 143–144]. А в «Краткой татарской грамматике» 1860 года издания А. Троянский использует термин ‘причинный’ для союзов *потому что*, *ибо*, *дабы*, *для того, что* [Троянский, 1860: 74].

А. К. Казем-Бек («Общая грамматика турецко-татарского языка», 1846 г.) отмечает, что союз *чунки* (А. К. Казем-Бек называет его винословным) означает *поелику*, *потому что*, *как* [Казем-Бек, 1846: 337].

В труде К. Насыри отмечаются союзы, выражающие семантику причину *оттого что*, *потому что*, *чтобы*: «...*потому что*, *оттого что*, *чтобы дигән кәлимәләр хәрәф гәтәф мәнзилендә истигмал кылыналар һәм мәә бәгдиш мәә кабләне сәбәп булалар. Мәсәлән: Оттого телега запела, что давно дегтю не ела. Ягъни арба шуның өчен жырлый – күптән дегет ашамаган, ягъни шыгырдавына сәбәп дегет ашамаганлыгы – безнеңчә тәртибе белә: арба дегет ашамаганга күрә жырлай, ягъни майламаганга күрә шыгырдый...*» [Образец русско-татарской грамматики по методу арабской грамматики, 1891].

В грамматике «Әнмүзәж» К. Насыри выделяет причинные союзы *чөнки* – ‘ибо, потому что’, *аның өчен* – ‘вследствие того’, *шуның өчен* – ‘оттого’ и послелог *өчен* ‘для’ для выражения причины, отмечает, что эти союзы используются между предложениями, если одно предложение репрезентирует значение причины, а второе – следственную семантику [Насыри, 1975: 131]. В

качестве примеров приводятся следующие предложения: *Бу көн йақмаганга күрә, ийүмез суық.* ‘Наш дом холоден, потому что сегодня не топлён’; *Ийүмез шуның өчен суық, бу көн йақмаган.* ‘Наш дом оттого холоден, что сегодня не топили’; *Утын өчен ақча түләдем.* ‘Я заплатил за дрова’; *Китаб өчен ақча түләдем.* ‘Заплатил деньги за книгу’; *Син ни өчен йығлайсын, йәғни йығламақыңның сәбәбе нидер.* ‘Почему ты плачешь? Т. е. какова причина твоих слез?’; *Синең өчен самуар қуйдым.* ‘Для тебя я поставил самовар’ [Насыйри, 1975: 178].

В последующих грамматиках татарского языка, как правило, причинно-следственные отношения рассматриваются при описании обстоятельства причины и СПП с придаточной частью причины.

В труде «Татар нәхүе» («Татарский синтаксис», 1919 г.) Г. Ибрагимов изучает обстоятельство причины как отдельный второстепенный член предложения, который называет причиной. В состав этого члена также включает обстоятельства цели, условия и уступки [Ибраһимов, 1919: 7–9].

Г. Ибрагимов придаточными называет предложения, относящиеся в нынешнем татарском языкознании к синтетическим придаточным. Придаточные предложения аналитического типа в рассматриваемом труде этого лингвиста не изучены отдельно (придаточные причины аналитического типа отнесены к ССП) [Ибраһимов, 1919: 36–37]. Г. Ибрагимов называет их *далил жәмлә* ‘предложениями доказательства’ (или ‘подтвердительными предложениями’) и характеризует следующим образом: *далил жәмлә* – это такие сложные предложения, в которых один компонент выступает причиной, доказательством совершенного во втором компоненте действия. Отмечает, что в подобных конструкциях средствами связи являются слова *чөнки* ‘потому что’, *шуңа күрә* ‘поэтому’, *шунлыктан* ‘оттого’ [Ибраһимов, 1919].

В труде «Татар теленең грамматикасы» («Грамматика татарского языка», 1919) Дж. Валиди рассматривает дополнение причины, что в сегодняшнем татарском языкознании считается обстоятельством причины: *сагыштан саргайды, сагышка саргайды, сагыш белән саргайды* ‘пожелтел от тоски’ [Вәлидов, 2007: 127]. Лингвист отмечает, что придаточное предложение причины

указывает на причину действия, названного в главном, отвечает на следующие вопросы: *отчего? по какой причине? зачем?* Такое придаточное прикрепляется к главному предложению аффиксами *-лыктан/-лектән, -га/-гә*, послелогом *күрә*: *Башым авыртканлыктан, дәрескә килмәдем. 'Из-за того, что болела голова, я не пришел на урок'* [Вәлидов, 2007: 136].

Дж. Валиди выделяют связное причинное (*бәйләмә сәбәп жәмләсе*) и связное следственное (*бәйләмә нәтиҗә жәмләсе*) предложения в татарском языке. Средством связи компонентов связного причинного предложения выступают слова *шунлыктан* 'оттого', *шуңа күрә* 'поэтому', *шуның өчен* 'потому'. Часть, выражающая причину, находится в препозиции по отношению к части, выражающей следствие. При другом порядке расположения частей средством их связи выступает союз *чөнки* 'потому что' (Дж. Валиди называет союз *чөнки* послелогом) [Вәлидов, 2007: 146].

Как считает языковед, связные причинные предложения могут включать в себя только причинную часть, при этом часть, выражающая следствие, может полностью отсутствовать. Например, в предложении *Нигә ул тикле үлемнән куркасың; ашың ашаган, яшең яшәгән* (Г. Ибраһимов). 'Почему так сильно боишься смерти; ты же уже свое прожил', по мнению Дж. Валиди, пропущена часть, выражающая следствие, *курыкмаска кирәк* 'не надо бояться'. Так, данное СП полностью должно звучать следующим образом: *Нигә ул тикле үлемнән куркасың, курыкмаска кирәк иде, чөнки ашың ашаган, яшең яшәгән*. 'Почему так сильно боишься смерти, не надо бояться, потому что ты же уже свое прожил'.

Дж. Валиди определяет связное следственное предложение как сложное предложение, компоненты которого связаны послелогам *бәс, шулай булгач* 'итак', 'значит', 'следовательно': *Төн буенча шул утрауда утырганда, безнең салкынга чыдавыбыз бик шөбһәле, бәс, бер исәп кирәк* (Г. Чыгтай). 'Если мы всю ночь проведем на этом острове, сомнительно, что мы сможем противостоять холоду, значит, нужно что-то придумать' [Вәлидов, 2007: 146].

В монографии тюрколога Г. Алпарова «Шәкли нигездә татар грамматикасы» («Формальная татарская грамматика», 1926 г.) причинным

называется такое придаточное предложение, которое выражается формами *-ганлыктан/-гәнлектән, -ганга/-гәнгә күрә, -кән өчен, -ган сәбәпле, -сен өчен* и связывается с глаголом главного компонента сложного предложения как причинное дополнение [Алпаров, 2008: 178].

В данном труде обстоятельство причины изучается под названием «дополнение причины» (*сәбәп тамамлыгы*). Но в приведенном примере *Көн болытлы булганга (күрә), без кичә уракка чыкмадык*. ‘Так как было пасмурно, мы вчера не вышли на жатву’ компонент, репрезентирующий семантику причины, является сказуемым придаточного причины, а не второстепенным членом предложения. В предложении *Әхмәт бездә эшләргә кайтты*. ‘Ахмет приехал у нас работать’ компонент, выраженный инфинитивом *эшләргә* ‘работать’ выражает не причинную, а целевую семантику.

В труде «Татар теле грамматикасы. Морфология һәм синтаксис» («Грамматика татарского языка. Морфология и синтаксис», 1959 г.) В. Н. Хангильдин отмечает, что, как правило, осуществление всех событий зависит от определенных либо неопределенных причин, т. е. к объяснению понятия «обстоятельство причины» подходит с философской стороны [Хангильдин, 1959: 460]. Далее в данной грамматике указываются способы репрезентации обстоятельства причины и даются примеры.

Кроме придаточного предложения причины В. Н. Хангильдин выделяет и придаточное следствия в татарском языке, которое связывается с главным при помощи слова *димәк* ‘значит’. Языковед упоминает, что многие татарские синтаксисты не выделяют как отдельный тип придаточных предложений придаточное следственное предложение, рассматривают его в рамках придаточного причины. Тем не менее, он считает, что следственное предложение отличается от причинного и формально, и по содержанию [Хангильдин, 1959: 589]. По мнению В. Н. Хангильдина, кроме слова *димәк* ‘значит’ оно может связываться с главным предложением с помощью слова *бәс* ‘значит, итак, следовательно’.

По утверждению М. З. Закиева, «причина всегда связана со следствием, поэтому между предложениями устанавливается не просто причинное, или не просто следственное отношение, а всегда устанавливается причинно-следственное отношение. Если первое предложение выражает причину второго, то второе непременно выражает следствие первого» [Закиев, 1995: 411–412]. Следовательно, нет необходимости в отдельном изучении причинных и следственных отношений в татарском языке.

Конструкции с причинной семантикой более подробно исследуются академиком М. З. Закиевым. Он изучает средства выражения ПСО в татарском языке, рассматривает словосочетания, выражающие каузальность, СПП с придаточным причины, передачу причинно-следственного значения ССП [Закиев, 1995; Закиев, 1984, 2013; Татар грамматикасы, 2017].

В западноевропейском и русском языкознании изучению каузальных отношений, которые (как было установлено и отмечено многими лингвистами) являются основой других типов отношений обусловленности, придается большое значение, имеются монографические исследования, посвященные этому вопросу (труды А. М. Аматава, Ю. Ю. Леденева, А. В. Прожога, И. Я. Рыбаковой и др. лингвистов).

В тюркских языках ПСО изучены в основном в сравнительно-историческом плане в диссертационных исследованиях О. Д. Абумовой (2002), С. Ж. Тажибаевой (2004), М. Г. Сымулова (2005), Г. В. Хораськиной (2006), Э. П. Казаковой (2007), Н. Н. Дробышевой (2008) и др.

В татарском языкознании отдельные аспекты вопроса причинно-следственной семантики находят отражение в трудах А. Троянского «Краткая татарская грамматика», А. Казем-Бека «Общая грамматика турецко-татарского языка», К. Насыри «Образец русско-татарской грамматики...», «Әнмүзәж», Дж. Валиди «Татар теленең грамматикасы», Г. Ибрагимова «Татар нәхүе», Г. Алпарова «Шәкли нигездә татар грамматикасы», В. Н. Хангильдина «Татар теле грамматикасы. Морфология һәм синтаксис», М. З. Закиева «Хәзерге татар әдәби теле (Синтаксис)», «Татарская грамматика (Том III)», «Татар теленең

синтаксик төзелеше». Семантика и репрезентация каузальности в полном объеме на материале татарского литературного языка представлена в монографии Л. Г. Валиевой [Валиева, 2015].

В общем языкознании ПСО исследуются в разных аспектах: описываются причинные предлоги и анализируются словосочетания с этими предлогами (например, исследования Р. Г. Султановой, А. М. Финкеля); ПСО изучаются на уровне ПП (например, труды В. В. Ждановой) и СП (исследования Л. Л. Бабаловой, Л. В. Бардиной, Е. Н. Виноградовой и др.), на уровне текста (труды Л. В. Шкодич).

В исследованиях Н. М. Андреева, Н. И. Бурдиной, Н. Д. Рыбки и др. изучаются только следственные отношения. К изучению ПСО применяется и функциональный подход (языковедами А. В. Бондарко, Р. М. Теремовой и др.).

В трудах О. Д. Абумовой, Н. Н. Дробышевой, И. А. Султановой, С. Ж. Тажибаевой, Г. В. Хораськиной, К. С. Чонбашева и др. проводится сравнительно-сопоставительное исследование каузальности на материале разных языков.

В исследовании Л. В. Бардиной выделяются следующие семантико-синтаксические виды бессоюзных сложносочиненных предложений с причинной семантикой: собственно-причинные, причинно-целевые, причинно-пояснительные, причинно-присоединительные и причинно-противительные предложения [Бардина, 1970: 7–9].

В своем исследовании, посвященном изучению выражения каузальных отношений, С. Ж. Тажибаева на материале казахского языка описывает полипредикативные конструкции, репрезентирующие целевые, причинно-следственные, условные отношения, сравнивает их с родственными языками (алтайским и тувинским), сопоставляет с языками других структур (русским и английским). Центральное место отводится изучению причинно-следственных полипредикативных конструкций, они рассматриваются как ядро каузального комплекса. В исследовании С. Ж. Тажибаевой под каузальностью подразумеваются не только ПСО. Как отмечается самим исследователем, в этой

работе каузальность сводится к причинно-следственным, целевым и условным отношениям [Тажибаева, 2004: 78].

В синтаксической системе русского и некоторых тюркских языков (например, азербайджанского, башкирского, гагаузского, карачаево-балкарского и др.) кроме придаточного предложения причины выделяют еще и придаточные следствия. Так, в азербайджанском языке определяется аналитический тип придаточного предложения следствия, которое связывается с главным при помощи союзов *белә ки* ('так что') и *ки* ('что') [ГАЯ, 1971: 396]. Причем следственное придаточное находится в постпозиции по отношению к главному предложению, придаточное причины же может как предшествовать главному, так и следовать за ним. В башкирском языке выделяется придаточное следствия, которое следует за главным предложением и всегда бывает аналитического типа: «придаточное предложение следствия как бы подытоживает предшествующую мысль, выраженную в главной части сложноподчиненного предложения» [ГСБЛЯ, 1981: 461].

Каузальная связь состоит из причины и следствия, т. е. двух неразрывных ситуаций, одна из которых (причина) является реальным событием, порождающим другое явление, называемое следствием [Зэкиев, 1984: 462]. Исходя из этого, некоторые лингвисты, в том числе академик М. З. Закиев, считают, что причину и следствие следует рассматривать в единстве друг с другом. По справедливому мнению Е. К. Лебедевой, причинно-следственные конструкции должны изучаться как единое целое, как двусторонние единства так как причина немислима без следствия, именно поэтому невозможно дать им корректную характеристику, рассматривая по отдельности [Лебедева, 1992: 2].

В татарском языке не выделяются придаточные следствия как отдельный тип СПП. В «Сопоставительном синтаксисе русского и татарского языков» (2007) придаточные, связанные с главным предложением интонацией предупреждения и словом *димәк* 'значит', называются придаточными следствия. В то же время говорится, что они изучаются в рамках придаточных причинных предложений [Сопоставительный синтаксис, 2007: 188].

Согласно диалектической философии действие определенной причины во всех случаях зависит от тех или иных условий. Но сама причина не сводится к условиям. Конечно, условия в той или иной степени оказывают влияние на причину, как и перемены в причине – на порождаемое следствие.

Обстоятельственные отношения в целом, отношения обусловленности в частности, имеют тесную связь между собой. Именно поэтому мнения лингвистов по поводу их классификации существенно отличаются. Например, причинно-следственная семантика и значение цели характеризуются слабой формальной дифференцированностью. В большинстве случаев преднамеренность/непреднамеренность действия остается основным критерием, по которому осуществляется их различие. В лингвистических трудах отмечается онтологическая связь причинной и целевой семантики, поскольку стремление осуществить определенную цель служит причиной того или иного действия [Синтаксическая и лексическая семантика, 1986: 60]. «Цель характеризуется одушевленным, способным к целесообразной деятельности субъектом и его сознательным активным действием, а также его направленностью на объект как цель; причина (ослабленная каузация) – индифферентностью по отношению к такому делению субъектов, действий и к объектной направленности» [Савичуте, 1980: 548].

При причинно-следственных и целевых отношениях одно событие лежит в основе другого. Ранние этапы развития человеческого мышления характеризуются существованием определенного слияния, недифференцированности отношений причины и цели [Маслиева, 1980: 26]. Например, согласно точке зрения Аристотеля, цель входит в причину, является одним из ее видов. Древнегреческий философ указывает на четыре вида причин бытия, определяет и целевую причину, трактует цель как конечную причину бытия «*causa finalis*» [ФЭС, 1989: 731].

Некоторые лингвисты (В. А. Белошапкина, С. Ж. Тажибаева и др.) изучают целевые конструкции как производные от каузальных, определяют цель как желательное следствие.

Как правило, цель относится к иному временному плану по отношению к действию, выступающему способом достижения этой цели. При каузальных отношениях, несмотря на то, что между событиями сохраняется временная последовательность, действия относятся к одному временному плану. Однако логически причина предшествует своему следствию.

Как считает Н. А. Андрамонова, в семантике цели не теряются связи со значениями причины и следствия. Цель, причина и следствие отличаются по модальности. ПСО связаны с реальной модальностью, а цель – с ирреальной [Андрамонова, 1977: 46]. Цель – результат, который еще не существует в момент действия, она вызывает действия, предпринимающиеся ради нее. А причина – «ожидаемый» результат, который порождает действия [Шубина, 1986: 73].

В предложениях с семантикой цели выражается прямая непосредственная обусловленность явления его желательным следствием. В целевой конструкции объединяются стимулирующее и результирующее значения; следовательно, с одной стороны, целевые предложения семантически близки предложениям следствия, с другой стороны, условным и причинным предложениям [ГСРЛЯ, 1970: 724].

По мнению С. А. Шуваловой, целевая семантика отличается от родственных причинного и условного значений характеристикой порождаемой ситуации, которая представляет собой осознанное намерение, явление, намеченное к осуществлению [Шувалова, 1990: 71].

Эта мысль подтверждается нашими наблюдениями над конструкциями с подобной семантикой на материале татарского языка. Например: *Вакыт уткәрү өчен, урман юлларында йөрдем* (Г. Мөхәммәтшин. Юкә чәчәк атканда). ‘Я ходил по лесным дорожкам, чтобы провести время’. Как видим, действие происходит осознанно: говорящий, который в данном случае сам же и является активным субъектом действия, намеренно, по собственному желанию выполняет названный процесс.

С. А. Шуваловой причинно-следственные, целевые и условные отношения относятся к отношениям порождения. Дифференциация смыслов отмечается так:

при выражении каузального значения порождающая ситуация является реальной, при кондициональном смысле – гипотетичной, а при репрезентации целевого – реализация порождаемой ситуации представляется возможной в случае целенаправленной деятельности, порождаемая ситуация выступает как желательная [Шувалова, 1990: 74].

В грамматике туркменского языка отмечается, что в данном языке четко не выделяется придаточное цели, зачастую этот вид придаточного предложения соприкасается с придаточным причины. Это можно объяснить тем, что в туркменском языке понятия цель, причина, следствие недостаточно дифференцированы, вследствие чего одна и та же форма, выражающая, например, ПСО, может иметь оттенок цели или следствия [СГРиТЯ, 1977: 164].

Целевые отношения связаны и с условными. В конструкциях, построенных по типу *өчен – кирәк* ‘для (чтобы) – надо’, выражается условно-целевое значение. Например: *тат. Самолетка өлгерер өчен, иртән иртүк юлга кузгалырга кирәк.* ‘Чтобы успеть на самолет, надо рано утром отправиться в путь’.

Как видим, некоторые конструкции допускают как причинно-следственное, так и целевое (также как условное, так и временное) прочтение. «Единство содержания и формы относительно, переходяще. Содержание более подвижно, изменчиво, нежели форма, фиксирующая момент устойчивости, поэтому неизбежен конфликт содержания и формы» [Губанов, 2016: 12]. Таким образом, можно сделать вывод, что для определения общего смысла отдельного предложения, необходимо рассматривать его непосредственно в контексте.

1.3.3. Семантическое сходство условных отношений с другими типами отношений обусловленности

Кондициональность является языковой категорией, которая, помимо лингвистики, активно изучается психологией, логикой, философией. Некоторые

исследователи считают, что условность, будучи разновидностью категории обусловленности, – базовый слой причинности, поскольку соответствующие смысловые отношения тесно связаны с модальным смыслом [Свеклова, 2010: 220].

«В условных текстах значение обусловленности конкретизировано как взаимная связь ситуаций предопределяющей и предопределенной, т. е. ситуации-следствия» [Губанов, 2016: 109].

Аффикс *-sar/-cār*, являющийся ранней формой условного наклонения, употребляется еще в древнетюркских письменных памятниках, поэтому придаточные условия считаются одними из ранних типов придаточных предложений [Исследования по СГТЯ, 1961: 215]. Например, условная форма встречается в «Памятнике в честь Кюль-Тегина» [Малов, 1951: 49]. В древнетюркских памятниках форма на *-sar* не имеет аффиксов лица, также не согласуется с ним в лице [Айдаров, 1971: 262].

В Орхонских памятниках условный глагол еще не спрягается, как правило, выполняет функцию сказуемого самостоятельного предложения. Глагол условного наклонения получает аффикс лица только с XVII века [Абдурахманов, 1960: 34].

Н. А. Баскаков сводит происхождение формы *-sar/-cār* к глагольной основе *-sa*, которая передает семантику «желать, думать, хотеть, считать». Н. З. Гаджиева с осторожностью относится к подобным высказываниям, поскольку отмечает параллельное употребление форм *-sa* и *-sar* в древнетюркских текстах [Гаджиева, 1963: 169]. В текстах орхонских памятников форма *-sar* встречается довольно часто. Например: *ол йолын йорысар* ‘если ехать той дорогой’, *йай болсар* ‘если будет лето’ или ‘когда наступит лето’, *бір кісі йаңылсар* ‘если ошибается один человек’, *білсер* ‘если знает’ [Айдаров, 1971: 122, 123, 128, 147].

В тюркских языках условное наклонение имеет три модели: *-sa*, *-sar*, *-san*. Считается, что показатель *-san* сформировался как результат переосмысления семантики одного из видов древнего опатива. Условная модель *-san/-sen* употребляется в чувашском языке: чув. *Кас'хине пужа пулзан, курнъз'ъбър*. ‘Если

(когда) будем свободны, встретимся вечером' [Серебренников, Гаджиева, 1986: 211].

Вместо древней формы *-sar* в современных тюркских языках используется аффикс *-sa*. Эта форма сохраняет конечное *-p* (*-tap* соответствует *-sar*) лишь в якутском языке [Кондратьев, 1970: 45].

В языке древнетюркских памятников форма условного наклонения на *-sar* передает и уступительные отношения [Кондратьев, 1970: 45].

В «Грамматике древнетюркского языка» Марсея Эрдаля отмечается, что основное значение формы *-sar* условное, однако конструкции с *-sar* могут выражать и темпоральную (в этом случае сам аффикс переводится как 'когда'), и уступительную семантику [Erdal, 2004: 480; 484].

Интересно отметить и то, что в текстах орхонских памятников аффикс *-sar*, *-sär* (< *-sa* + *-r*) выступает только в обстоятельственной функции как сказуемое зависимого предложения, а в енисейских надписях эта форма употребляется и в атрибутивной функции [Кононов, 1980: 132].

Несмотря на то, что в первых татарских грамматиках условные отношения не были объектом специальных лингвистических исследований, на них обращалось внимание в той или иной степени. А. К. Казем-Бек в своей «Общей грамматике турецко-татарского языка» (1846) указывает на союз *эгәр* 'если', который выражает условную семантику: «Союзъ *эгерь* есть условный, и предшествуетъ всегда глаголу въ сослагательномъ наклоненіи». В качестве примера приводит следующее предложение: *Э'ерь һеръ истедюгюну діерсень сенденъ утюрю истемедюгюну дерлеръ*. 'Если ты скажешь все, что тебе хочется (о других), то о тебе скажут то, что ты не хотел бы (чтобы сказали)' [Казем-Бек, 1846: 329–330].

Каюм Насыри в своей грамматике «Әнмүзәж» рассматривает условные союзы *эгәр*, *эгәр дә*, *бәнагяһ* 'если' и отмечает, что они делают одно явление необходимым условием для возникновения другого явления, которое выражается сказуемым: «Шарт хәрфе дигәнәмез шундайын хәрәфдер ки, бер нәрсәнең үкугына икенче нәрсәне шарт йасыйдыр: *Әгәр кич тыныч вә җилсез булса, қойаиш*

йақтырыб чызар. ‘Если вечер будет спокойным и безветренным, то солнце взойдет лучезарным’; *Әгәр шәриклар арасында мовафәқәт булмаса, аларның эше һич уңға бармас*. ‘Если между товарищами не будет согласия, то их дело никогда не пойдет на лад’» [Насыйри, 1975: 62].

К. Насыри описывает условное наклонение настоящего и прошедшего времени, отмечает образование условного глагола при помощи аффикса *-са/-сә*: «*Фиғыл шарт ошбу тариқча тәснийф қыйлынадыр ки, асыл фиғылдән соң -са/-сә хәрфе илһақ қыйлыныб шарт мәғнәсен ифадә қыйлыр: йазсам – ‘если я напишу’, йазсаң – ‘если ты напишешь’, йазса – ‘если он(а) напишет...’*» [Насыйри, 1975: 75].

В грамматике К. Насыри «*Әнмүзәж*» не разграничиваются условные и уступительные отношения, не во всех указанных примерах, в которых приводятся предложения с условным наклонением глагола, действительно выражается кондициональная семантика. Например: *Ул чакырса, мин барырмын*. ‘Если он позовет, я пойду’; *Син бойырсаң, мин эшләрмен*. ‘Если ты скажешь, я сделаю’; *Бу китаб кирәк булмаса, мин аны йазмас идем*. ‘Если бы эта книга не была нужной, я бы ее не написал’; *Син аны белсәң дә, әйтмәссең*. ‘Даже если ты знаешь это, не скажешь’ [Насыйри, 1975: 181].

Как видим, в предложении *Син аны белсәң дә, әйтмәссең*. ‘Даже если ты знаешь это, не скажешь’ выражается уступительность. Неразграничение условных и уступительных отношений продолжает встречаться и в последующих татарских грамматиках (например, грамматике проф. Г. Алпарова, В. Н. Хангильдина).

Г. Алпаров не выделяет обстоятельства условия, рассматривает условные отношения лишь в рамках сложного предложения. Предложения, которые являются уступительными, Г. Алпаров относит к придаточным условия. Например, такие конструкции как *Кирәк бөтен дөньяны су бассын, анда да ул кайгырмас*. ‘Пусть весь мир затопит водой, и тогда он не будет переживать’; *Жиһанша үзе бай булса да, тормышы начар*. ‘Хотя сам Жиганша богатый человек, жизнь его плохая’ приводятся в грамматике Г. Алпарова как условные предложения [Алпаров, 1945: 136].

В. Н. Хангильдин в своей грамматике не разграничивает условные и уступительные отношения. Обстоятельство уступки рассматривается как разновидность обстоятельства условия, так как обстоятельства условия по значению делятся на два вида: *уңай шарт хәле* и *кире шарт хәле* ‘утвердительное условное обстоятельство’ и ‘отрицательное условное обстоятельство’. И придаточные уступительные изучаются в рамках условных предложений: *уңай шарт жәмлә* ‘утвердительное условное предложение’ и *кире шарт жәмлә* ‘отрицательное условное предложение’ [Хангилдин, 1959].

При этом В. Н. Хангильдин отмечает, что в традиционной грамматике и учебниках татарского языка разделяются условные и уступительные придаточные предложения. Однако, он считает, что оба вида этих придаточных выражают условие главного предложения, отличаются лишь тем, что в условных придаточных указываются на прямые условия, а в уступительных – на обратную обусловленность, и именно поэтому, по его мнению, целесообразно объединить их в один тип придаточного предложения – придаточное условное.

В. Н. Хангильдин приводит следующие примеры: *шарт жәмлә* – ‘условное предложение’: *Кояшны болыт капласа, көн караңгылана*. ‘Если облако закроет солнце, станет темно’; *Кояшны болыт капламаса, көн караңгыланмый*. ‘Если облако не закроет солнце, не станет темно’; *кире жәмлә* – ‘предложение обратной обусловленности’: *Кояшны болыт капласа да, көн нык караңгыланмый*. ‘Даже если облако закроет солнце, не станет слишком темно’; *Кояшны болыт капламаса да, кичкә таба көн берәз караңгылана*. ‘Даже если облако не закроет солнце, ближе к вечеру станет немного темно’. Тем более, считает В. Н. Хангильдин, формально подобные предложения практически одинаковы: их сказуемые, как правило, выражаются формой условного глагола. Однако при этом им не отрицается структурное и семантическое различие условных и уступительных предложений, именно поэтому они характеризуются как разновидности придаточного условного: *уңай шарт жәмлә* ‘утвердительное условное предложение’ и *кире шарт жәмлә* ‘отрицательное условное предложение’ [Хангилдин, 1959: 592].

Обстоятельства условия и придаточные предложения условия, средства их выражения подробно описаны в трудах М. З. Закиева [Закиев, 1963; 1995; Закиев, 1958; 1984; 2013; Татар грамматикасы, 2017].

До 60-х годов XX века условность, как и другие языковые категории, изучалась с формальной стороны. Объектом научного исследования в основном становились грамматические средства выражения кондициональности. С развитием интереса к семантическому содержанию языковых явлений, становлением функциональной грамматики, внимание уделяется структурно-семантическому описанию условных отношений.

В нынешнем языкознании кондициональность подвергается разноплановому научному исследованию. При этом структурно-семантические взаимосвязи условных отношений с другими типами обстоятельственных отношений (например, с временными, каузальными, уступительными и др.) изучаются особенно активно.

Кондициональность в той или иной степени исследована на материале многих тюркских языков: А. Г. Азизова изучает условные отношения в узбекском языке [Азизова, 1952]; Б. Ходжаев исследует условную форму глагола в туркменском языке [Ходжаев, 1958]; А. Х. Ашрапова анализирует кондициональность в рамках ФСП на материале трех разноструктурных языков – русского, татарского и английского [Ашрапова, 2006].

Категория условия и синтаксические средства ее выражения на материале азербайджанского языка впервые исследуются в труде И. З. Гасымова [Гасымов, 1984]. В его исследовании дается довольно подробное и полное описание данной категории в анализируемом языке: изучается структурно-семантическое сходство и различие условных предложений с другими типами придаточных; описывается выражение условных отношений не только сложноподчиненными, но и сложносочиненными предложениями, лексическими средствами.

Кондициональность выражается и простыми, и сложными предложениями. Наиболее развернуто семантика условия представляется в СПП, в которых

обуславливающая и обуславливаемая части передаются отдельными предикативными единицами.

1.3.4. Уступительные отношения как связи обратной обусловленности

В отличие от ‘причины’, ‘времени’, уступительность нельзя отнести к подобным базовым языковым значениям. «Семантически уступительность намного шире, в языке ее репрезентирует меньшее число слов» [Апресян, 1999: 24]. В семантике уступительности присутствует модальность, позиция говорящего. Наличие модальности является особенностью уступительных конструкций.

«В типовых уступительных ситуациях сохраняются противоречия между основным (событие должно было бы препятствовать совершению определенного действия) и второстепенным событием (событие произошло вопреки этому препятствию). На этом основании уступительность квалифицируют как обратную обусловленность или инкаузальность – отсутствие ожидаемого следствия» [Губанов, 2016: 29].

Р. М. Теремова считает, что конструкцию уступительности составляют следующие элементы: уступительный компонент, который включает в себя событие-уступку, недейственное основание; ожидаемое следствие (на основании уступительного компонента); превосходящая причина; фактическое следствие, т. е. следственный компонент. «Уступительное предложение, утверждая постоянную необходимость причинной связи между двумя явлениями, констатирует отсутствие такой связи в данном случае» [Лавров, 1941: 115].

По мнению Н. С. Черниковой, уступительные отношения являются синтаксическими построениями асимметричной структуры, поскольку формально они двухкомпонентны, а по семантике – трехкомпонентны. Исследователем обозначаются следующие компоненты семантической структуры

уступительности: антецедент (условие/причина), консеквент-1 (ожидаемое логическое следствие), консеквент-2 (реальное следствие) [Черникова, 2007: 4].

Предложения типа *Поездга өлгермэвенэ Маратның кәефе бозылмады*. ‘Из-за того, что не успел на поезд, у Марата не испортилось настроение’ и *Поездга өлгермэвенэ карамастан, Маратның кәефе бозылмады*. ‘Несмотря на то, что не успел на поезд, у Марата не испортилось настроение’, на первый взгляд, синонимичны. Оба примера передают одинаковую информацию: Марат не успел на поезд, у Марата не испортилось настроение. Однако в конструкции с *карамастан* содержится субъективное мнение говорящего, для которого данная ситуация кажется неестественной: раз не успел на поезд, настроение Марата должно было испортиться, а этого не случилось (это предположение передает «обманутое ожидание»), ожидаемое следствие не осуществилось (у Марата не испортилось настроение).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что с помощью уступительной семантики фиксируется противоречие (несоответствие) не двух конкретных фактов, а типового представления говорящего о данных фактах.

Как показал анализ фактического материала, семантическая структура уступительных конструкций содержит невыраженный компонент – предполагаемое следствие. Следовательно, уступительная конструкция семантически состоит из трех частей, совмещает отношения основания-следствия и противопоставления. В противоречие между собой вступают при этом не условие (причина) и результат, а ожидаемое и неожиданное следствие, которые вытекают из одного и того же условия.

Рассмотрим еще один пример:

Инде жәй житсә дә, көннәр салкын тора. ‘Хотя уже лето, стоят холодные дни’.

Инде жәй житкәнгә, көннәр жылы тора. ‘Так как уже лето, стоят теплые дни’ (Как известно, летом обычно дни бывают теплыми).

Әле жәй житмәгәнгә, көннәр салкын тора. ‘Так как еще не лето, стоят холодные дни’ (Когда еще не лето, стоят холодные дни).

Инде жэи́ житсэ, көннэр жылы тора. ‘Если уже лето, стоят теплые дни’.

Әле жэи́ житмэсэ, көннэр салкын тора. ‘Если еще не лето, стоят холодные дни’.

И, несмотря на все вышесказанное:

Инде жэи́ житсэ да, көннэр салкын тора. ‘Хотя уже лето, стоят холодные дни’.

Как видим, в уступительной конструкции присутствует имплицитное, невербализируемое логическое (ожидаемое) следствие (*Уже наступило лето, следовательно, есть все основания, чтобы потеплело, но стоят холодные дни*).

В связи с вышесказанным справедливым оказывается мнение о том, что «семантически адекватным вариантом уступительной конструкции является трехкомпонентное предложение, построенное по модели *Если А, то В, но С*, где В противоречит С, а между компонентами А и В наличествуют условно-причинно-следственные отношения. Отсутствующее семантическое звено в семантически эллиптических уступительных построениях может быть восполнено за счет обыденной логики» [Черникова, 2007: 7].

Некоторые языковеды (например, В. С. Храковский) сближают уступительные отношения с условными; противопоставляют условные и уступительные предложения (А. Г. Азизова).

Как отмечает А. Г. Азизова, и условные, и уступительные предложения выражают условия, отличаясь тем, что в уступительных предложениях преимущественно репрезентируются реальные условия, а в условных, как правило, – предполагаемые» [Азизова, 1952: 11].

Уступительность передает семантику отсутствия ожидаемого следствия, даже если для его осуществления имеются необходимые условия. Как видим, в уступительных конструкциях выражаются отношения обратной обусловленности. Далее рассмотрим это на конкретном языковом примере:

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп. ‘Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа’.

Бик салкын булганга, урамда йөрүчеләр юк. ‘Так как очень холодно, на улице никого нет’ (Как правило, когда бывает очень холодно, обычно на улице мало народа либо вообще улицы пустеют).

Жылы булганга, урамда йөрүчеләр күп. ‘Так как тепло, на улице много народа’ (Когда тепло, на улице бывает много народа).

И, вопреки вышесказанному:

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп. ‘Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа’.

В этом случае наблюдается связь обратной обусловленности, т. е. явление, закономерно стимулирующее другое, не препятствует осуществлению третьего явления. В рассмотренном выше примере холодная погода, как правило, стимулирующая опустение улицы, не привела к такому ожидаемому следствию и не явилась препятствием для явления ‘на улице много народа’.

Исследователями также поднимается проблема генезиса сложных структур, выражающих уступительность. Поскольку они и по форме, и по значению связаны с причинно-следственными, условными, временными и другими отношениями, обладают комплексной семантикой, могут называться наиболее сложными в системе обстоятельственных отношений.

Одни лингвисты выводят смысловое содержание уступительности из комбинации значений ‘причина’ и ‘отрицание’.

Тем не менее, подобные положения требуют некоторых уточнений, так как часто в них не принимается во внимание условный компонент. «Уступительное значение не выводится непосредственно из каузального» [Катрин Кару, 2006: 22]. Как показывают проанализированные выше примеры, нормативные каузальные отношения в уступительных конструкциях бывают нарушены.

Многие лингвисты сближают уступительные отношения с кондициональными (например, В. А. Богородицкий, Б. В. Лавров), рассматривают уступительные конструкции как оформившиеся на основе причинно-следственных и условных отношений, отмечают семантическую и деривационную связь уступительных конструкций с условными и причинными

конструкциями (Катрин Кару). По мнению Н. К. Дмитриева, уступительные предложения являются частным случаем придаточного условного [Дмитриев, 1940: 200].

Отмечается одинаковая соотнесенность уступительных предложений с причинными и условными, а также, в силу специфики своего значения, с противительными предложениями [ГСРЛЯ, 1970: 720].

В исследованиях В. Б. Евтюхина [Евтюхин, 1996], Р. М. Теремовой [Теремова, 1988] уступительность рассматривается как поле. «Высказывания уступительного типа базируются на логической структуре строгой импликации (лат. *implicate* – ‘тесно связываю’): ‘если А, то В’, которая отражает однонаправленный характер отношений между ситуациями – семантический гипотаксис, являющийся категориальным признаком функционально-семантического поля обусловленности» [Плотникова, 2012: 3].

А. Р. Губанов предлагает следующее толкование для соответствующего семантического пространства: «Говорящий знает или считает, что более вероятно то, что ситуация Q имеет место, и, по его мнению, она важнее Q» [Губанов, 2016: 37]. Таким образом, если основу уступительности составляет противопоставление, предположительная семантика в модифицированных конструкциях представляется как предполагаемое явление. «В уступительных предложениях с семой «согласие» событие-уступка выступает как предположение или условие» [Губанов, 2016: 37].

Как уже было отмечено выше, в грамматиках Г. Алпарова и В. Н. Хангильдина условные и уступительные отношения в татарском языке не разграничиваются. И в грамматике карачаево-балкарского языка как придаточное условия дается предложение *Гугурук кьычырмаса да, тангны атары кьалмаз*. ‘Если даже не запоет петух, заря не заставит себя ждать’ [Алиев, 1972: 203], которое является придаточным уступительным.

В уступительных конструкциях семантика обусловленности взаимодействует с противительной.

Многие исследователи признают связь уступительных и противительных отношений, однако при передаче противительной семантики утверждение выражается в обеих частях СП, тогда как при уступительности утверждается только главная часть СПП, а в зависимой части содержится отрицание.

В лингвистической литературе имеются разные мнения относительно формально-синтаксической классификации уступительных конструкций с противительными союзами. А. М. Пешковский называет подобные конструкции подчинительно-сочинительными предложениями [Пешковский, 1956].

Как считает Г. А. Мусатова, уступительность, будучи функционально-семантической категорией, формируется на основе противопоставления фактического и ожидаемого следствия [Мусатова, 2008: 5].

В. Ю. Апресян делит слова с уступительным значением на семь подклассов: обманутое ожидание, уступка с несогласием, возражение под видом согласия, компенсация и оговорка, предел, уступка вопреки желанию, условие, при котором говорящий готов пойти на уступку [Апресян, 1999].

В конструкциях типа *Үзен бераз куркыткан мондый кәтелмәгән очрашулар аңа ошыи башлады*. 'Он полюбил такие неожиданные встречи, которых сам немного пугался' (*Мондый кәтелмәгән очрашулар аны бераз куркытса да, алар аңа ошыи башлады*. 'Он полюбил такие неожиданные встречи, несмотря на то, что немного их пугался') прослеживается связь уступительности с атрибутивными отношениями.

Как видим, в языковой структуре категория уступительности реализуется с помощью уступительной ситуации. Основу уступительного значения составляет обратная обусловленность, состоящая из события-уступки, предполагаемого следствия, действенной причины и противоположного предполагаемому фактического следствия.

Уступительная конструкция имеет сложную семантическую организацию, для которой характерно несоответствие планов содержания и выражения: по структуре двухкомпонентная конструкция семантически является трехкомпонентной.

1.4. Языковая интерпретация пространства и времени

1.4.1. Лексико-синтаксическая категория пространства

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики отводит важное место в языковой системе человеку. Все явления, процессы, события и даже сам человек рассматриваются в языке непосредственно в пространстве и во времени. Человеческое сознание способно различать объем, форму, расположение предметов.

Понятиям 'пространство' и 'время' в «Философском энциклопедическом словаре» дается следующее объяснение: «Пространство и время – всеобщие формы бытия материи, ее важнейшие атрибуты. В мире нет материи, не обладающей пространственно-временными свойствами, как не существует пространства и времени самих по себе, вне материи или независимо от нее. Пространство и время неразрывно связаны между собой, их единство проявляется в движении и развитии материи» [ФЭС, 1989: 519]. Философское определение характеризует время как способ существования человека, в котором он переживает настоящее, прошедшее и будущее.

«Время занимает особое место в модели мира, которая характеризует ту или иную культуру, наряду с такими компонентами этой модели, как пространство, причина, следствие, условие и т. д. В современном научном понимании время – это движение, связанное с пространством. В совокупности все эти понятия представляют собой «сетку координат», посредством которой человек воспринимает и осознает мир» [Салхенова, 2009: 5–6].

Пространство и время входят в число понятийных категорий, которые соотносятся с сознанием и языком. Многие языковые категории в определенной мере имеют отношение к категориям 'пространство' и 'время', поэтому пространственные и временные отношения и изучаются лингвистической наукой. К тому же пространственной и временной семантике характерна текстоорганизующая функция.

В лингвистике имеются два направления исследования категорий 'пространство' и 'время':

- 1) анализ пространственных и временных основ языковой структуры;
- 2) изучение смысловых мотивировок пространственных и временных категорий в том или ином языке для создания их лексико-семантической типологии выражения.

Пространственность интересовала еще античных мыслителей. В Древней Греции возникла наука геометрия, изучающая пространственные структуры.

В языкознании категория 'пространство' указывает на место осуществления действия. Ориентиром, относительно которого в языковом плане определяется пространственный и временной отсчет, выступает сам говорящий.

«Время и пространство задают исходные ориентации, на основе которых строится любая известная картина мира» [Жетписбаева, 2015: 108], в том числе и языковая. Пространственным отношениям принадлежит значимое место в структуре языка, так как они, будучи языковой категорией, создают событийную сферу реальной действительности. Пространственная характеристика свойственна любому явлению, ничего не происходит вне пространства, исходя из этого, пространственность выполняет функцию фона для реализации остальных видов семантико-синтаксических отношений, помещая в себя чего-то. «Пространственность выступает как универсальный организующий центр речепроизводства. В любом высказывании, и шире – в тексте, фиксируется пространственная сущность мира» [Додуева, 2008: 3].

Пространственная семантика реализуется в языке в значениях места и направления. Некоторые исследователи определяют место лишь как «часть пространства, занимаемого объектом и ограничиваемая им» [Кубрякова, 1997: 27]; «область пространства, определяемая как форма проявления бытийных сущностей (единичных предметов и/или их совокупностей) через их физическую (чувственную) данность» [Кравченко, 1996: 6]. Исследователи выделяют следующие функционально неоднородные сферы в поле пространственности: «событийную (обозначение места протекания события, ситуаций), событийно-

динамическую (перемещение объектов), предметную (обозначение местонахождения предметов относительно какого-либо ориентира), субъектно-ориентированную, обусловленную местонахождением говорящего» [Додуева, 2008: 5].

Когда говорим о пространственных отношениях, мы, как правило, подразумеваем пространственную характеристику отдельных предметов, а не выражение в языке пространственного представления об окружающем мире. От других видов обстоятельственных отношений пространственность отличается бóльшей конкретностью, проявляющейся в ориентации пространственного значения на конкретный предмет.

Исследованием «произрастания» содержательных форм воплощения понятия пространство в процессе коммуникации занимались О. Ю. Богуславская, Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина и др. Большое число трудов зарубежных и отечественных лингвистов посвящены концептуализации пространства и времени в сфере семантики предлогов.

В лингвистической литературе встречается разное трактование пространственности, которая интерпретируется: как функционально-семантическая категория (Л. Н. Федосеева), как расположение в пространстве событий, предметов, действий (Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова), как определение положения в пространстве одного явления по отношению к другим явлениям (В. Д. Аракин).

Русскими лингвистами исследованы способы передачи пространственной семантики (существительные, наречия и предлоги); в функционально-семантическом аспекте пространственность изучается в трудах А. В. Бондарко, М. В. Всеволодовой; исследованию пространственности в когнитивном направлении посвящены работы Ю. Д. Апресян, А. В. Кравченко, Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной.

В тюркологии, за исключением нескольких диссертаций, практически нет специальных трудов, посвященных изучению пространственных отношений. В исследованиях, как правило, освещается план выражения данной категории на

материале тюркских языков: казахского [Иманалиева, 1989], карачаево-балкарского [Додуева, 2008], кумыкского [Хочавова, 2011] и шорского [Невская, 1997] языков.

Так, в докторской диссертации А. Т. Додуевой впервые на материале карачаево-балкарского языка в функционально-семантическом плане систематизированы и описаны лексико-грамматические средства выражения категории пространственности, установлена иерархическая структура функционально-семантического поля пространственности, выделены событийная, предметная и субъектно-ориентированная сферы пространственности [Додуева, 2008].

Помимо этого, языковеды-тюркологи в разной степени затрагивали проблемы категории пространство при изучении падежей, послелогов и послеложных слов с пространственной семантикой, обстоятельства места. В некоторых трудах пространственность исследуется в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале родственных и неродственных языков. Например, в работе Р. Х. Есбаевой изучаются казахские эквиваленты русских предложно-падежных конструкций пространственной семантики [Есбаева, 1979], в исследовании Э. Н. Кардашева впервые подробно освещаются пространственные понятия, характерные для послелогов и послеложных слов кумыкского языка в сравнении с турецким языком [Кардашев, 2009], работа А. Б. Хертек посвящена изучению значений локальных падежей двух южносибирских тюркских языков – тувинского и хакасского языков [Хертек, 2008].

Причем, в последнем из перечисленных трудов утверждается, что локальным падежам в изучаемых языках присущи пространственные, предметные и обстоятельственные значения. К пространственным значениям локальных падежей исследователь относит статическое значение локализации (локатив) и следующие динамические значения: конечного пункта движения (директив-финиш), начального пункта движения (директив-старт) и трассы (транзитив) [Хертек, 2008: 3].

А. Н. Чугунекова изучает пространственные отношения, выражаемые пространственными послелогоми, в хакасском языке в сравнении с алтайским и шорским языками. Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что, в отличие от падежных форм с пространственной семантикой, послелоги не образуют системы значений, а лишь привносят дополнительный оттенок выраженного падежным аффиксом смысла [Чугунекова, 2013].

Г. Х. Демесинова впервые проводит сопоставительное исследование английских предлогов пространственного значения с их соответствиями в казахском языке, устанавливает изо- и алломорфные черты этих сопоставляемых языков [Демесинова, 2003].

Некоторые исследователи считают, что следует различать объективное, воспринимаемое и языковое пространство [Ли Тоан Тханг, 1989: 62]. При этом объективное пространство подразумевает окружающее человека реальное пространство; воспринимаемое – субъективное восприятие человеком объективного пространства; языковое означает отражение в языке когнитивного пространства.

Языковая интерпретация пространства и времени часто не совпадает с реальным пространством и временем. Поэтому определяется лингвистическое пространство, вбирающее в себя отраженное в языковом сознании пространство. «Между планом выражения (линейное вербальное пространство) и планом содержания (ментальное семантическое пространство) нет однозначного соответствия, а напротив, имеется конфликт пространств – внешнего и внутреннего» [Сараджева, 2003: 150].

По определению Е. Г. Королевой, пространственные отношения являются видом разнопланового взаимодействия объектов действительности в окружающем нас материальном мире, состоящим из событийно-ситуативной (место ситуаций, событий), событийно-динамической (изменение местонахождения предметов, их перемещение), предметно-соотнесительной, параметрической и субъектно-ориентированной, которая обусловлена восприятием говорящего локализации [Королева, 2010: 7].

Как отмечают исследователи, система значений места гораздо шире, разветвленное системы семантики времени, и объясняют это однонаправленностью категории времени и трехмерностью пространства [Всеволодова, Владимирский, 1982].

Каук Бу Мо в своем труде анализирует модели восприятия пространственных и временных отношений в русском, корейском и английском языках. Делается обзор когнитивной грамматики относительно концептуализации категорий пространства и времени. В исследовании охвачен широкий круг значений предлогов и послелогов, выражающих пространственные и временные отношения [Каук Бу Мо, 2012].

В татарском языке категория пространства, которая является лексико-синтаксической, обладает определенной системой значений. Пространственные отношения пересекаются с другими семантико-синтаксическими отношениями, при этом образуют некий континуум пространственно-темпоральной, пространственно-целевой и др. семантики. Например, пересекаются с:

1) темпоральными отношениями (образуя при этом пространственно-темпоральную семантику): *жылышта* 'на собрании', *утырышта* 'на заседании' – где? когда?;

2) целевыми отношениями (образуя пространственно-целевую семантику): *походка чыгу* 'выйти в поход'.

Некоторые исследователи (например, М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский) при исследовании осложнения пространственного значения выделяют пространственно-ситуативную семантику, связанную с выражением внешних, как правило, погодных условий (*на жаре, на солнце, на морозе*).

Пространственная семантика может осложняться причинной. Например: *Дөм караңгыда аның йөзе бөтенләй күренми иде.* 'В кромешной темноте совсем не было видно его лица'. Совсем не было видно, так как (потому что) было очень темно.

Связь пространственных и каузальных отношений прослеживается и в предложениях типа *Берәү дә аларга комачауламаслык тыныч жирдә сөйләшергә*

уйладылар. ‘Решили поговорить в спокойном месте, где никто не будет им мешать’. – *Тыныч жирдә сөйләшергә уйладылар, чөнки берәү дә аларга комачауламаячак*. ‘Решили поговорить в спокойном месте, потому что никто не будет им мешать’.

В этом примере, помимо каузальной, также прослеживается атрибутивная семантика: *берәү дә аларга комачауламаслык тыныч жир* ‘спокойное место, где никто не будет им мешать’, т. е. дается развернутое описание, качественная характеристика предполагаемого места действия.

В татарском языке многие послелого и послеложные слова, выражающие пространственную семантику, первоначально служили для обозначения частей тела и анатомических органов человека. Затем они были перенесены на другие объекты при выражении их ориентации в пространстве: *баш* – ‘голова’, ‘верх’, *ал* – ‘перед’, *ян* – ‘бок’, *арт* – ‘зад’, *эч* – ‘внутренность’, ‘живот’, *тыш* – ‘внешняя сторона’ и др.

К. Насыри в своей грамматике «Әнмүзәж» отмечает, что для выражения пространственной семантики употребляется аффикс *-да/-дә*, приводит следующие примеры: *Ул Қазанда тора*. ‘Он живет в Казани’, *Мәсҗеддә намаз уқыйлар*. ‘В мечети совершают намаз’ [Насыри, 1975: 60].

Помимо этого языковедом перечисляются слова, выражающие пространственное значение: *арт* ‘задняя сторона’, *алд (ал)* ‘передняя сторона’, *уң* ‘правая сторона’, *суң (сул)* ‘левая сторона’, *аст (ас)* ‘низ’, *өст (өс)* ‘верх’, *урта* ‘середина’, *ара* ‘между’ [Насыри, 1975: 185].

В татарском языке пространственная семантика в основном передается при помощи лексических средств, представляет лексическую категорию, материал которой дифференцируется в зависимости от функциональной значимости по широте и объему лексических единиц.

1.4.2. Темпоральность. Временная обусловленность процессов

Вопрос языкового выражения временных отношений в лингвистической науке изучается в рамках понятия *темпоральность*. В трудах А. В. Бондарко темпоральность отмечается как категория семантики, отражающая восприятие и осмысление говорящим времени осуществления тех или иных событий по отношению к моменту речи [Бондарко, 1984].

Считается, что семантическая категория темпоральности намного шире грамматической категории времени, поскольку вбирает в себя и грамматические, и лексические средства выражения временных отношений.

К изучению категории времени применяются функционально-семантический (А. В. Бондарко, М. В. Всеволодова) и структурно-семантический (Н. А. Андрамонова, А. К. Музафарова) подходы.

В некоторых исследованиях языковое выражение категории времени рассматривается на материале конкретных художественных произведений (труды Е. С. Агаповой, Д. А. Салимовой и др.). М. С. Азисова исследует временные отношения между действиями в качестве категории таксиса в татарском языке [Азисова, 2004].

В диссертационном исследовании Е. В. Плотниковой представлен анализ разноуровневых языковых средств, принимающих участие в выражении признака временной локализованности/нелокализованности в обобщенно-уступительных конструкциях на материале русского языка [Плотникова, 2012].

Н. А. Потаенко исследует темпоральную лексику русского языка как объект лингвистического анализа. При этом отмечается невозможность проведения изучения темпоральной лексики изолированно от изучения грамматической категории времени [Потаенко, 1979]. Данное утверждение соответствует действительности, так как при выражении временного значения лексические и грамматические средства взаимодействуют друг с другом.

В ряде диссертационных работ по тюркским языкам проводится исследование временных отношений между синтаксическими единицами. Так, М. Н. Закамулиной проводится сопоставительное исследование категории темпоральности в языках с различной структурно-типологической организацией [Закамулина, 2001].

Данная работа является семантико-структурным исследованием, в котором впервые представляется попытка сопоставительного анализа темпоральности на основе изучения видовременной системы французского и татарского языков. В исследовании выявляется система разноуровневых средств выражения темпоральности, определяется частотность их употребления в сопоставляемых языках, описываются особенности временной структуры текста.

В работе Д. Р. Гильфановой проводится сопоставительное изучение темпоральности художественного текста в разносистемных языках – английском и татарском [Гильфанова, 2005]. Исследование данного труда не ограничивается рамками морфологической категории времени. В работе проводится анализ художественного времени, отличающегося от грамматического и физического.

Л. Л. Рахматуллина изучает СПП с придаточным времени в башкирском литературном языке [Рахматуллина, 1983].

В исследовании А. С. Исаевой [Исаева, 2005] в ходе проведения системного формально-семантического исследования простых и сложных синонимических предложений на материале кумыкского языка описываются и такие семантические категории, как локативность, темпоральность и др.

Д. С. Семигулова анализирует обстоятельства места и времени, средства их выражения и связь с другими членами предложения в узбекском языке [Семигулова, 1963]. Однако в данном исследовании не учитывается употребление имени существительного в местно-временном падеже в функциях дополнения и обстоятельства, и поэтому в работе наблюдается смешивание дополнения и обстоятельства.

Соотнесенность действий со временем имеет три аспекта:

1. Одновременность и разновременность момента действия и названного временного отрезка.

Подразумевается соответствие/несоответствие описанного действия и времени.

2. Заполненность и незаполненность временного отрезка действием.

Заполненность и незаполненность временного отрезка действием подразумевает то, заполняет ли действие собой полностью определенный отрезок времени или нет.

3. Завершенность и незавершенность действия.

Например: *биш айда (биш ай эченда) эшен төгәлләде* ‘завершил работу за пять месяцев’, *тугыз көндә (тугыз көн эченда) укып чыкты* ‘прочитал за девять дней’.

Помимо этого, как четвертый аспект некоторыми исследователями определяется единичность и повторяемость действия [Всеволодова, 1975: 19]. В данном случае речь идет об однократности и многократности действия.

Темпоральная лексика состоит из лексических единиц, которые указывают на временные периоды: *вакыт* ‘время’, *мизгел* ‘мгновение’, ‘миг’, *кичә* ‘вчера’, *бүген* ‘сегодня’, *иртәгә* ‘завтра’, *ел* ‘год’ и т. д.; части единиц времени, части суток, дни недели (*дүшәмбе* ‘понедельник’, *сишәмбе* ‘вторник’, *чәршәмбе* ‘среда’, *пәнҗешәмбе* ‘четверг’, *җомга* ‘пятница’, *шимбә* ‘суббота’, *якшәмбе* ‘воскресенье’), месяцы (*гыйнвар* ‘январь’, *февраль* ‘февраль’ и т. д.), времена года (*яз* ‘весна’, *жәй* ‘лето’, *көз* ‘осень’, *кыш* ‘зима’), неопределенные временные отрезки (*мизгел* ‘мгновение’, ‘миг’, *момент* ‘момент’, *чор*, *дәвер* ‘эпоха’, *вакыт* ‘время’ и др.). Например: *Бер елга куян тиресе дә чыдаган* (Мәкаль). ‘Один год и заячья шкура выдержала’ (Пословица); *Ел белән ел шай түгел* (Мәкаль). ‘Год на год не работник’ (Пословица); *Көндөз чыра яндырып эзләсәң дә таба алмассың* (Мәкаль). ‘Днем с огнем не сыщешь (найдешь)’. (Пословица); *Иртән көлсәң кешедән, кичен көләрләр үзеңнән* (Мәкаль). (букв. ‘Утром ты будешь смеяться над кем-либо, а вечером будут смеяться над тобой’). ‘Ранний смех – поздние слезы’ (Пословица); *Иртә кичтән хәерле* (Әйтем). ‘Утро вечера мудренее’ (Поговорка);

Иртән торган – тешен, соң торган күзен казый (Мәкаль). ‘Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя – глаза протирает’ (Пословица); *Кичсез көнне мактама* (Мәкаль). (букв. ‘Не хвали день пока не наступит вечер’). ‘Хвали день к вечеру, а жизнь при смерти’ (Пословица); *Язгы бер көн ел туйдыра* (Мәкаль). ‘Весенний день (целый) год кормит’ (Пословица); *Язын икмәк икмәгән әтәмбигә моң булып* (Мәкаль). ‘Кто весной не посеет хлеб, тот будет нуждаться и в падалище’ (Пословица). В других тюркских языках: тур. *Gecesi gündüze katmak*. (букв. ‘Соединяя ночь со днем’). ‘День и ночь без отдыха и сна’ (Пословица).

Темпоральные номинаторы делятся на прямые и относительные. Под прямыми темпоральными номинаторами подразумеваются исторические события, конкретные даты и т. д.: *Бөек Ватан сугышы елларында кызчык яшь ярымлык булып килә иде* (Б. Камалов. Гомер кичендә). ‘В годы Великой Отечественной войны девчонке было полтора года’; ...*Алар мең тугыз йөз кырыгынчы елның башында өйләнештеләр* (Б. Камалов. Гомер кичендә). ‘Они поженились в начале тысяча девятьсот сорокового года’.

Такие слова, как *сирәк-мирәк* ‘изредка’, *берничә елдан соң* ‘через несколько лет’, *берничә ел үткәч* ‘несколько лет спустя’, *кайчандыр* ‘когда-то’ относятся к относительным темпоральным номинаторам. Например: *Алар сирәк-мирәк кенә хат язышып тордылар* (М. Әмирханов. Адашу). ‘Изредка они писали друг другу письма’; *Нәкъ шул кафеда берничә елдан соң кабат очрашырга сүз кушып аерылыштылар*. ‘Они разошлись, договорившись снова встретиться через несколько лет в том же самом кафе’; *Танышуларына берничә ел үткәч, алар гаилә корып җибәрергә карар кылдылар*. ‘Спустя несколько лет после знакомства, они решили создать семью’; *Сөйләүләренә караганда, кайчандыр әлеге урамнар киселешендә бик зур китап кибете урнашкан булган*. ‘Если верить тому, что рассказывают, когда-то на пересечении этих улиц был расположен очень большой книжный магазин’.

На основании исследования этимологии лексем с временной семантикой в русском языке Л. Р. Ахмерова выделяет деривационные модели. На наш взгляд, данную классификацию можно рассматривать применительно ко всем, в том

числе и тюркским, языкам. Таким образом, выделяются следующие деривационные модели:

«–‘астрономическая реалья’ → ‘время’ (например, весна – время, когда светит солнце, вечер – период суток, когда заходит солнце);

– ‘погодные условия, характерные для определенного времени (года)’ → ‘время’ (например, зима – холодное, снежное время года);

– ‘сельскохозяйственные работы, проводимые в определенное время’ → ‘время’ (например, осень – время урожая, утро – время запрягания скота, начало работы);

– ‘процесс или результат действия’ → ‘время’ (например, *час* первоначально – (ограниченный) отрезок времени, отмечавшийся зарубкой или ударом-сигналом);

– ‘хронологический порядок, число’ → ‘время’ (например, четверг – четвертый день недели)» [Ахмерова, 2004: 11–12].

Лексические единицы с темпоральной семантикой *ай* ‘месяц’, *йаз* ‘весна’, *йай* ‘лето’, *йыл* ‘год’, *күн* ‘день’, *күнтүз* ‘днем’, *күз* ‘осень’, *қыш* ‘зима’, *өдүш* ‘сутки’, ‘время’, *таң* ‘заря’, *түн* ‘ночь’ довольно часто встречаются в текстах орхонских памятников. Например: *Йазыңа огуз тапа сүледім*. ‘К весне того года я двинулся против огузов’; *Йай анта йайладым*. ‘Там провел я лето’; *Мен тоқуз йегірмі йыл шад олуртым, тоқуз йегірмі йыл қазан олуртым*. ‘Я был двенадцать лет шадом и двенадцать лет каганом’; *Күнтүз олурсықым келмеді*. ‘Днем я не имел покоя’; *Ол йыл күзүн ілгерү йорыдым*. ‘В тот же год осенью я продвинулся на восток’; *Йіті өдүшке субсыз кечдім*. ‘В течение семи суток я прошел через безводную пустыню’; *Болчуқа таң үнтүрү тегдіміз*. ‘Мы достигли рано утром реку Болчу’ [Айдаров, 1971: 81, 82, 83].

Слова, обозначающие отрезки времени, активно используются в текстах орхонских памятников. Например: *Қазаны ыт йыл онынч ай алты отузқа уча барды. Лагзын йыл бісінч ай йіті отузқа йог ертүртім*. ‘Хан умер в год Собаки, в десятый месяц, двадцать шестого числа. В год Свиньи, в пятый месяц, в двадцать седьмой день я устроил похороны’ [Айдаров, 1971: 81].

Как известно, временную семантику передают и наречия времени: *Былыр кысканга быел кычкырмыйлар* (Мәкаль). ‘В этом году не кричат, если прищемили (палец) в прошлом году’ (Пословица); *Көне буген түгел* (Әйтем). (букв. ‘Этот день не сегодня’). ‘Еще не время’ (Поговорка).

Передача временных отношений наречиями встречается еще в текстах орхонских памятников. Например: *Йазын татабы тапа сүледім*. ‘Весною я двинулся против татабийцев’; *Кышын қытан тапа сүледім*. ‘Зимой мы двинулись против киданей’ [Айдаров, 1971: 156].

В «Грамматике татарского языка» (1801) И. Гиганов выделяет следующие ‘время значащие’ наречия: *ныне, завтра, теперь, вчера, никогда, всегда, рано, поздно, когда, сегодня, давно, послезавтра* и др. [Гиганов, 1801: 176–177].

В «Общей грамматике турецко-татарского языка» (1846) А. Казем-Бек отмечает выражение семантики времени наречиями, в качестве примеров приводятся следующие наречия времени: *бугунь* – ‘сегодня’, *дунь* – ‘вчера’, *яринь* – ‘завтра’, *саба* – ‘утром’, *ахшамь* – ‘вечером’, *уйлянь* – ‘в полдень’ и др. [Казем-Бек, 1846: 320].

В грамматике «Әнмүзәж» К. Насыри в качестве наречий времени приводит следующие слова (хотя не все перечисленные им слова на самом деле являются наречиями): *бу көн/буген* ‘сегодня’, *көндөз* ‘днем’, *төнлә* ‘ночью’, *төнәген* ‘вчера’, *але* ‘пока’, ‘сейчас’, ‘в данный момент’, *байа* ‘недавно’, ‘давеча’, *иртә* ‘утро’, ‘рано’, *кич* ‘вечер’, ‘вечером’, *өйләдә* ‘днем’, ‘в полдень’, *иртә белән* ‘утром’, *кич белән* ‘вечером’, *кыш көне* ‘зимой’, *йаз көне* ‘весной’, *жәй көне* ‘летом’, *көз көне* ‘осенью’, *бу йыл/быйыл* ‘нынче’, ‘в этом году’, *былыр* ‘в прошлом году’, *ай* ‘месяц’, *йыл* ‘год’, *атна* ‘неделя’, *тәүлек* ‘сутки’ и др. Например: *Кичә килдем*. ‘Я пришел вчера’; *Көндөз йоқладым*. ‘Я днем спал’ [Насыри, 1975: 65].

В татарском и во многих других тюркских языках встречается синкретизм причинно-следственных и временных отношений. Это связано прежде всего с одинаковыми грамматическими формами и временной зависимостью, последовательностью причины и следствия.

Например, обстоятельства причины и времени формально слабо дифференцированы в каракалпакском языке. «Как в развернутых обстоятельствах времени сказуемое может быть выражено исходным падежом именной формы глагола или деепричастием, так и в развернутых обстоятельствах причины сказуемое развитого члена может быть или в исходном падеже, или в форме деепричастия на *-ын/-ин/-н*» [Исследования по СГТЯ, 1961: 119].

В татарском и других тюркских языках придаточные предложения причины и условия могут вводиться союзами, передающими временные отношения. Например, в гагаузском языке придаточные предложения, вводимые союзом *ачан* ‘когда’, могут иметь условное значение.

На способность данного союза передавать условную семантику указывалось еще Н. К. Дмитриевым. Необходимо отметить, что это вторичная функция союза *ачан*, условные отношения между компонентами в таких конструкциях устанавливаются, когда сказуемое придаточного предложения обозначает состояние или признак в настоящем. Например: *Ачан окадар билгичсин, сӧлӧ бана тӧла бир иш*. ‘Если (раз) ты настолько умен, то скажи мне вот такое дело’; *Ачан кавал сеси ишидежӧн, бил, ани биз гелериз*. ‘Когда (если) услышишь звук свирели, знай, что мы идем’ [Гайдаржи, 1981: 56].

В подобных конструкциях причинно-следственные и условно-следственные отношения грамматически недифференцированы. «Эта недифференцированность в грамматическом отношении обуславливается сложностью логических отношений между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения: в них одновременно выражены разные оттенки зависимости – время и условие, условие и следствие, причина и следствие и др.» [Гайдаржи, 1981: 64].

Когда описываемые явления выступают взаимно обусловленными, временное значение придаточного предложения, вводимого союзами *нижӧ//насыл* ‘как’, может сопровождаться добавочным причинным оттенком в гагаузском языке. Например: *Нижӧ (насыл) йаады илк йаамур, хавалар йысынды*. ‘Как (только) прошел первый дождь, погода потеплела’ [Гайдаржи, 1981: 70].

Как совершенно справедливо отмечено М. В. Всеволодовой, конструкции, выражающие предсказания, например, погоды, обычно строятся на следственно-временной семантике. Таким образом, предложения типа *Птицы перед теплом садятся на верхушках деревьев; Дым столбом – к морозу* осложнены дополнительным оттенком следствия [Всеволодова, 1975: 239].

Подобные конструкции на материале татарского языка: *Жылы булып алдыннан кошлар агач башларына утыра* (Сынамыш); *Багана булып чыккан төтен – суыкка* (Сынамыш) т. ж.

Целе-временное значение репрезентирует:

- осознанное действие, осуществляющееся в непосредственной близости от прямого времени: *Алар икесе дә алдан билгеләнгән вакытка килеп җиттеләр*. ‘Они оба пришли к заранее назначенному времени’;

- либо связанный с действием предмет предназначается для прямого времени, приближенность или неприближенность момента действия к прямому времени остается неважной: *Әнисенең туган көненә чәчәк булак итәргә киңәш иттем*. ‘Посоветовал подарить цветы на день рождения мамы’; *Өлкәндәр көненә мәктәптә зур концерт программасы әзерлибез*. ‘Готовим в школе большую концертную программу ко дню Пожилых людей’.

Предложения типа *Бу тантаналы чара бөек язучыбызның 100 еллыгына оештырылган иде*. ‘Это торжественное мероприятие было организовано к столетию со дня рождения нашего великого писателя’; *Бөек Җиңүнең 75 еллыгына урамнар тәртипкә китерелә*. ‘К 75 летию Великой Победы улицы приводятся в порядок’ содержат оттенок преднамеренности окончания действия к определенному временному сроку.

Анализ фактического материала показал существенное отличие темпоральности от остальных видов отношений обусловленности. «Отличие временных отношений от ОЛЮ (отношений логической обусловленности) в том, что временной компонент, хотя и может рассматриваться как компонент с пропозитивным значением, тем не менее, его первичной формой выражения явно

не является предикативная конструкция» [Грамматические исследования, 1991: 188].

Выводы по главе 1

Обзор существующих трудов по исследуемой проблеме показал, что выявление смысловых отношений в тюркологии начинается в XIX веке по мере составления грамматик тюркских языков. В первых татарских грамматиках встречаются лишь некоторые истоки изучения семантико-синтаксических отношений, которое, как правило, проводится в рамках описания второстепенных членов предложения и видов придаточных предложений. В них наблюдается отсутствие четкого разграничения типов смысловых отношений (например, обстоятельственных и объектных, причинно-следственных и целевых, условных и уступительных).

Сведения о прилагательном как о грамматической категории имеются в трудах И. Гиганова, А. К. Казем-Бека, А. Троянского, К. Насыри и др. тюркологов.

В исследованиях по татарскому языку атрибутивные отношения рассматриваются в рамках изучения определительных словосочетаний, определений и определительных предложений.

В системе объектных отношений, как в философии, так и в лингвистике, выделяются прямой и косвенный объекты, которые выражают прямую или косвенную направленность действия на предмет. В татарском языке определенный прямой объект выражается существительным в винительном падеже, а неопределенный прямой объект – без аффиксов. Например: *Йомшак агачны корт баса* (Мэкаль). (букв. ‘На мягкое дерево нападают черви’). ‘На покляпое дерево и козы скачут’ (Пословица); *Жылы сөяк сындырмый* (Мэкаль). ‘Жар костей не ломит’ (Пословица). В других тюркских языках: тур. *Ağacı kurt yer, insanı dert*. ‘Дерево снедает червь, а человека – горе’ (Пословица); кирг. *Арпа жеген ат ойнойт*. ‘Лошадь, которая ест ячмень, резвится’ (Пословица); тур. *At pazarında eşek oturtmuyoruz*. ‘На конном базаре мы не держим ослов’ (Пословица).

Анализ языкового материала показал, что в татарском языке компоненты пояснительной конструкции могут находиться в следующих логических отношениях: равенства, которое устанавливается между тождественными понятиями; включения, когда по объему одно понятие шире, чем другое; перекрещивания, когда объем одного понятия лишь частично входит в объем другого, они не тождественны по содержанию. При отношениях равенства логическое отношение тождества между поясняемым и поясняющим допускает формальную обратимость пояснительной конструкции. И при выражении логических отношений перекрещивания конструкция формально обратима. Изменение порядка компонентов при отношениях включения может приводить к алогизму.

Неабсолютное совпадение семантики компонентов пояснительной конструкции приводит к раскрытию новых свойств и качеств описываемых объектов.

Основу отношений обусловленности составляют ПСО, которые возникают на когнитивном уровне и отображаются в каузальной ситуации. Татарскому языку характерна слабая формальная дифференцированность причинно-следственных и целевых отношений. Сравнительный анализ фактического материала показал, что цель относится к иной временной плоскости по отношению к выступающему средством к достижению этой цели действию. При ПСО, несмотря на предшествование причины своему следствию, т. е. последовательность событий во времени, оба действия относятся к одному временному плану.

Придаточные условия считаются одними из ранних типов придаточных предложений, поскольку ранняя форма условного наклонения *-сар/-сәр* употребляется еще в древнетюркских письменных памятниках.

В тюркских языках условное наклонение имеет три модели: *-са*, *-сар*, *-сан*. Вместо древней формы *-сар* в татарском и других современных тюркских языках используется аффикс *-са*. Эта форма сохраняет конечное *-р* (*-тар* соответствует *-сар*) лишь в якутском языке [Кондратьев, 1970: 45]. Условная форма на *-сан/-сен* употребляется в чувашском языке.

Структурно-семантическое описание кондициональности в современном татарском языкознании проводится, как правило, в ее связи с временными, каузальными, уступительными и другими типами обстоятельственных отношений.

В ходе проведенного исследования было установлено, что семантическая структура уступительных конструкций содержит невыраженный компонент – предполагаемое следствие. Таким образом, уступительная конструкция семантически состоит из трех частей, совмещает отношения основания-следствия и противопоставления. В противоречие между собой вступают при этом не условие (причина) и результат, а ожидаемое и неожиданное следствие, вытекающие из одного и того же условия.

Пространство и время входят в число понятийных категорий, которые соотносятся с сознанием и языком. Языковая интерпретация пространства и времени часто не совпадает с реальным пространством и временем. Поэтому определяется лингвистическое пространство, вбирающее в себя отраженное в языковом сознании пространство. Пространственной и временной семантике характерна текстоорганизующая функция.

В татарском языке категория пространства является лексико-синтаксической категорией. Пространственные отношения пересекаются с другими семантико-синтаксическими отношениями, при этом образуют некий континуум пространственно-темпоральной, пространственно-целевой и др. семантики.

Исследование структурно-семантической организации семантико-синтаксических отношений целесообразно осуществлять с учетом взаимообусловленности содержания и формы смысловой конструкции. Семантико-синтаксическим конструкциям характерна двухсемность структуры. Одни смысловые отношения в подобной структуре могут находиться в тесной логико-грамматической связи с другими отношениями. Часто наблюдаются случаи синкретизма причинно-следственных и темпоральных отношений. Это объясняется тем, что в татарском языке названные отношения могут выражаться

одинаковыми грамматическими формами, также связано с временной зависимостью, последовательностью причины и следствия.

ГЛАВА 2.

АТТРИБУТИВНЫЕ, ОБЪЕКТНЫЕ И ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Семантика атрибутивных отношений.

Модели атрибутивных конструкций

Атрибутивные отношения между синтаксическими единицами устанавливаются при обозначении многочисленных постоянных или временных признаков, характеризующих предмет с внешней либо внутренней стороны. Распространенными признаками являются:

- цветовая характеристика предметов: *ак кар* 'белый снег'. В других тюркских языках: азерб. *яшыл баглар* 'зеленые сады', каз. *қызыл орамал* 'красный платок', *сұр бұлт* 'серые тучи', карач.-балк. *жашил кырдык* 'зеленая трава', кирг. *ак ит* 'белая собака', *кара ит* 'черная собака', кр. тат. *мавы козьлер* 'синие глаза', тур. *kara talir* букв. 'черное счастье', шор. *көк таглар* 'синие горы';

- вкус: тат. *татлы алма* 'сладкое яблоко', каз. *ащы жеміс* 'горькая ягода', *қышқылтым өрік* 'кислый урюк', карач.-балк. *ачы эрик* 'кислая слива', кр. тат. *аджджы согъан* 'горький лук';

- размер: тат. *кечкенә йозак* 'маленький замок', карач.-балк. *уллу юй* 'большой дом', шор. *улуг көл* 'большое озеро';

- пространственная характеристика предметов: тат. *киң урам* 'широкая улица', каз. *кең үй* 'просторная комната', *жалпақ тақтай* 'плоская доска', *ұзын ағаш* 'высокое дерево', *биік үй* 'высокий дом', карач.-балк. *пөзік таг* 'высокая гора';

- форма: тат. *түгәрәк өстәл* 'круглый стол', к.-калп. *қарға тумсуқ* 'вороний клюв', *пушуқ киси* 'курносый', *орақ ай* 'серповидный месяц', *жумалақ жүзим*

‘круглый изюм’, карач.-балк. *тёгерек ташла* ‘круглые камни’, хак. *харга тумзух* ‘вороний клюв’;

- весовая характеристика: тат. *авыр капчык* ‘тяжелый мешок’, карач.-балк. *женгил жюк* ‘легкий груз’;

- принадлежность, материал: тат. *таш йорт* ‘каменный дом’, азерб. *тахта насар* ‘деревянный забор’, алт. *агаиш чанактар* ‘деревянные сани’, гаг. *хаба жукет* ‘суконная куртка’, к.-калп. *алтын жузук* ‘золотое кольцо’, *жипек шапан* ‘шелковый халат’, каз. *агаиш үй* ‘деревянный дом’, карач.-балк. *темир эшик* ‘железная дверь’, тур. *altın bilezik* ‘золотой браслет’, туркм. *altyn saýat* ‘золотые часы’, хак. *тас тура* ‘каменный дом’, *торгы көгенек* ‘шелковое платье’, чув. *тимёр ханха* ‘железные ворота’, *пума кёне* ‘ситцевая рубашка’, якут. *таас оскуола* ‘каменная школа’;

- возраст: тат. *яшь галим* ‘молодой ученый’, к.-калп. *жас адам* ‘молодой человек’;

- национальная принадлежность: тат. *татар язучысы* ‘татарский писатель’, чув. *чайваи ачи* ‘чувацкий сын’, *тутар поэчэ* ‘татарский поэт’;

- профессия: тат. *укытучы кыз* ‘девушка-учительница’, карач.-балк. *секретарь къатын* ‘женщина-секретарь’, *тирменчи Харун* ‘мельник Харун’, *темирчи Махмут* ‘кузнец Махмут’;

- внешность: тат. *аксак кеше* ‘хромой человек’, карач.-балк. *субай санлы къыз* ‘стройная девушка’, *гуптур къарт* ‘горбатый старик’;

- наличие чего-либо: тат. *И бишләр эшләпәле тузганаclar* (Ф. Жамалетдинова. Эшләпәле тузганаclar). ‘Танцуют одуванчики в шляпках’, к.-калп. *балалы үй* ‘дом с детьми’, *қанатлы қус* ‘крылатая птица’, *Джагъалы кийим джамамагъа джакъсы*. ‘Одежда, обшитая тесьмой, хороша для починки’, тур. *şemsiyeli kadın* ‘женщина с зонтиком’, *çantalı genç* ‘молодой человек с портфелем’, туркм. *огланлы өј* ‘дом, в котором есть мальчики’, *түнеқли адам* ‘человек с ружьем’, чув. *велосипедлă ача* ‘ребенок, у которого есть велосипед’, *тăлăплă арçын* ‘мужчина, у которого есть тулуп’;

- отсутствие чего-либо: тат. *сәтсез чәй* ‘чай без молока’, к.-калп. *баласыз киси* ‘бездетный человек’, кирг. *Балалуу үй – гүлүстөн, баласыз үй – көрүстөн*. ‘Дом с детьми – цветник, бездетный дом – кладбище’ (Пословица);

- качество, свойство: тат. *кызык китап* ‘интересная книга’, *үзсүзле кеше* ‘упрямый человек’, алт. *јараиш ойынчак* ‘красивая игрушка’, гаг. *ени ев* ‘новый дом’, каз. *жаман мінез* ‘плохой характер’, *жуас түйе* ‘смирный верблюд’, *сараң кісі* ‘жадный человек’, карач.-балк. *аман кьой* ‘плохая овца’, *иги сёз* ‘хорошее слово’, *жаншакъ адам* ‘болтливый человек’, кирг. *Жакшы атка бир камчы, жаман атка миң камчы*. (букв. ‘Хорошему коню одна плеть, а плохому – тысяча’). ‘Хорошей лошади довольно одного удара, а плохой – тысячи мало’ (Пословица), шор. *чакшы ат* ‘хороший конь’;

- уподобление: тат. *фәрештәдәй бала* ‘ангелоподобный ребенок’, к.-калп. *перизаттай қыз* ‘фееподобная девушка’;

- местонахождение: тат. *бакчадагы гөлләр* ‘цветы, находящиеся в саду’; к.-калп. *аўылдагы мектеп* ‘школа, находящаяся в ауле’, *қаладагы үй* ‘дом, находящийся в городе’;

- временные признаки: тат. *көзге урман* ‘осенний лес’, *иртәнге томан* ‘утренний туман’, карач.-балк. *ингирги жауун* ‘вечерний дождь’, *кьышхы сууукъ* ‘зимний мороз’ и др.

В статье «К вопросу о категории падежа в тюркских языках» академик М. З. Закиев относит аффиксы *-лы/-ле*, *-сыз/-сез*, *-дагы/-дәге*, *-дай/-дәй*, *-ча/-чә* к падежным. По мнению лингвиста, падежные формы татарского языка не ограничиваются традиционными шестью падежами, принятая падежная система не раскрывает внутренние возможности и особенности языка в полном объеме [Закиев, 1964: 207]. Таким образом, М. З. Закиев выделяет одиннадцать падежных форм в татарском языке.

Ф. А. Ганиев поддерживает это мнение, все вышеперечисленные формы, помимо аффикса *-ча/-чә*, определяет синтетическими падежами. В то же время в своих трудах, посвященных словообразованию, он называет их словообразовательными [Ганиев, 1970: 77].

Определению статуса аффиксов *-лы/-ле*, *-сыз/-сез*, *-дагы/-даге*, *-ныкы/-неке*, *-лык/-лек*, *-ча/-чә* и др. уделяется большое внимание не только в татарском языкознании, но и в тюркологии в целом. В нынешней тюркологии аффиксы такого типа начали входить в научный оборот как двухфункциональные. Многие из этих аффиксов в современных грамматических исследованиях относят к словообразовательным. Однако эти аффиксы по своему грамматическому содержанию на самом деле близки к формообразующим. Формообразующим аффиксам, в отличие от словообразовательных, свойственна универсальность.

По мнению Ф. М. Хисамовой, будет правильно назвать их двухфункциональными. Особенно это касается аффиксов *-лы/-ле*, *-сыз/-сез*, *-дай/-дәй*, *-ча/-чә*. Научной доказательной базы недостаточно, чтобы включить их в парадигму падежей в качестве грамматической категории [Хисамова, 2006: 121–122]. С научной точки зрения будет правильно сохранить классическую систему падежей с шестью формами в татарском языке.

В системе атрибутивных отношений разделяются атрибутивно-субстантивные, атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные значения.

Атрибутивно-субстантивные конструкции, представляющие собой конкретизированное понятие, включают в себя определение, которое указывает на признак предмета, и определяемое, которое выражает предмет. Например: тат. *яшел болын* ‘зеленый луг’, к.-калп. *къызыл алма* ‘красное яблоко’, каз. *бұйра сақал* ‘кудрявая борода’, карач.-балк. *билген адам* ‘знающий человек’, *къарангы кече* ‘темная ночь’, *келлик жаш* ‘парень, который придет’, тур. *kırmızı elbise* ‘красное платье’.

Определение, выражающее признак признака, и определяемое, выражающее признак предмета составляют атрибутивно-определительные конструкции. Они могут функционировать и самостоятельно, и входить в структуру атрибутивно-субстантивных конструкций, например: *яхшы укыган* ‘хорошо учившийся’ – *яхшы укыган укучылар* ‘хорошо учившиеся ученики’.

В структуру атрибутивно-обстоятельственных конструкций входят определяющее слово и определяемое, передающие дополнительные признаки признака предмета. Они могут функционировать и отдельно, и входить в состав атрибутивно-определятельных и атрибутивно-субстантивных конструкций.

Между компонентами конструкций, репрезентирующих атрибутивные отношения, складываются роли определения и определяемого. Определения выражают различные признаки определяемого.

Предметные определятельные сочетания, как правило, указывают на пол, возраст, видовую группу животного; пол, возраст, национальность, имя, профессию, социальное положение человека; форму, материал предмета и другие признаки. Например: тат. *сатучы кыз* ‘продавщица’ (букв. ‘продавщица-девушка’), *тимер капка* ‘железные ворота’, к.-калп. *ай балта* ‘лунообразный топор’, *джипек шапан* ‘шелковый халат’ и др. Как видим, в подобных конструкциях и определение, и определяемое выражаются именами существительными.

В качественных определятельных сочетаниях определение выражается прилагательным, указательным местоимением, порядковым числительным и др. Например: тат. *кышкы кием* ‘зимняя одежда’, *дуртенче төркем* ‘четвертая группа’, азерб. *бу сөһбәт* ‘эта беседа’, алт. *узун јол* ‘длинная дорога’, к.-калп. *къара көз* ‘черные глаза’, *ол авыл* ‘тот аул’, *белгисиз джол* ‘неизвестный путь’, каз. *жасыл жапырақ* ‘зеленая листва’, тур. *каunar su* ‘горячая вода’.

Определение в количественных определятельных сочетаниях выражается количественным числительным. Например: тат. *жүтмеш чакрым* ‘семьдесят километров’, к.-калп. *мынь къой* ‘тысяча овец’, тур. *yedi ders* ‘семь уроков’.

В притяжательных определятельных сочетаниях между определением и определяемым складываются отношения принадлежности, они находятся в грамматической и смысловой зависимости друг от друга. Например: тат. *эниемнең куллари* ‘руки моей матери’, алт. *Алтайдын суулары* ‘реки Алтая’, *онын чамчазы* ‘его рубашка’, к.-калп. *аттынъ басы* ‘голова лошади’, *балалардынъ бири* ‘один из

детей’, *менинь кӧзим* ‘мои глаза’, *Асаннынь кызы* ‘дочь Асана’, тур. *benim öğretmenim* ‘мой учитель’.

В подобных сочетаниях определение выражается и именами действия или субстантивированными причастиями. Например: тат. *тарту кӧче* ‘сила тяги’, к.-калп. *тартув кӱши* ‘сила тяги’.

Н. К. Дмитриев выделяет качественные (тат. *караңгы төн* ‘темная ночь’, баш. *айыузай кеше* ‘человек, как медведь’), местоименные (тат. *шул агач* ‘то дерево’), количественные (тат. *биш көн* ‘пять дней’) определения; определения глагольного типа (баш. *яһалма сыйфат* ‘производное прилагательное’, кум. *гелген хат* ‘поступившее письмо’); определения, выражающие отношения (тат. *кышкы көн* ‘зимний день’, азерб. *сусуз ер* ‘безводное место’, баш. *урманһыз тау* ‘безлесная гора’, кум. *атлы гиши* ‘конный человек’) и определения, выражающие логическую категорию вида (тат. *ата каз* ‘гусь’, *тимер юл* ‘железная дорога’, баш. *агас қашық* ‘деревянная ложка’, кум. *чиш агъач* ‘барбарисовое дерево’, *тал агъач* ‘тальник, ива’, туркм. *күмүш сагат* ‘серебряные часы’, *даш көпри* ‘каменный мост’) в тюркских языках [Исследования по СГТЯ, 1961].

В сложных определительных сочетаниях содержится различное количество определений. Как правило, в татарском и других тюркских языках простые определения располагаются перед определяемым словом, затем следуют причастные определения (если такое определение является развернутым, вместе с управляемыми словами) и третья по отдаленности позиция принадлежит притяжательным определениям, которые, в свою очередь, могут иметь свою систему определений [Баскаков, 1956: 87].

Что касается расположения предметных, качественных и количественных определений, то рядом с определяемым находится предметное определение, далее следует качественное определение, после него следуют количественное и притяжательное определения. Например: к.-калп. *Бир къаннынь үш джакъсы сулув кызы бар екен*. ‘У одного хана было три добрые красивые дочери’ [Баскаков, 1956: 87]. В данном примере определяемое слово *кызы* ‘дочь’ имеет качественные определения *сулув* ‘красивый’ и *джакъсы* ‘добрый’,

количественное определение *үш* ‘три’ и притяжательное – *бир къаннынъ* ‘у одного хана’.

В татарском и других тюркских языках причастным конструкциям, репрезентирующим атрибутивные отношения, свойственна разветвленность, они могут выражать различные определительные отношения.

В грамматике М. Эрдаля отмечается, что, в отличие от древнетюркского языка, причастная форма *-ган* активно употребляется в современных тюркских языках [Erdal, 2004: 290].

Среди конструкций с причастием на *-ган*, которые передают атрибутивные отношения, встречаются обороты с изъяснительной семантикой по отношению к определяемому, при этом отпричастное имя может быть употреблено в винительном или родительном падежах. Например: алт. *Будақта көрүк отурганын көрдим*. ‘Я видел, как бурундук сидел на ветке’; каз. *Жьльбајдың қалаға бь жоль не жьмьспен барганьн Абай дәлдәк билмәјдi*. ‘Абай точно не знал, по какому делу Джылабай поехал в город в этот раз’; хак. *Ол миниң пабамның Абақанзар килгенин пілді*. ‘Он узнал, что мой отец поехал в Абакан’ [Серебренников, Гаджиева, 1986: 280]; узб. *Бунақа ёлгон гапирадиган одатингиз йўқ эди-ку!* ‘Ведь у вас прежде не было обыкновения говорить подобную ложь!’ [Иванов, 1981: 109].

В сочетаниях с причастием на *-ган* определяемое слово способно обозначать:

1. Субъект действия: *эшләгән кеше* ‘работавший человек’, *Йөргән аякка жим (төк) иярә* (Мәкаль). (букв. ‘К ногам, которые ходят (т. е. не сидят), пристаёт корм’). ‘Кто трудится, у того и пища’ (Пословица); *Йөргән таш шомара, яткан таш мүкләнә* (Мәкаль). (букв. ‘Камень в движении делается гладким, лежа обрастает мхом’). ‘Катучий камень мохнат не будет’ (Пословица). В других тюркских языках: карач.-балк. *келген къонакъ* ‘пришедший гость’, кум. *къачгъан душман* ‘бежавший враг’, узб. *ўқиган бола* ‘учившийся ребенок’, шор. *парган кижси* ‘уехавший, ушедший человек’.

2. Объект действия: тат. *язылган хат* ‘написанное письмо’, карач.-балк. *тутулгъан* адам ‘пойманный человек’, кирг. *айткан сөз* ‘сказанное слово’, *аткан ок* ‘выпущенная стрела’, кум. *ашалгъан этмек* ‘съеденный хлеб’, узб. *кирган мактабингиз* ‘школа, в которую вы поступили’.

Причем, определяемое может обозначать как прямой, так и косвенный объект действия, выраженный причастием: туркм. *Мениң эжемиң биширен нахарына хич ким ат дакып билмейәр.* ‘Все в восторге от обедов, которые готовит моя мать’ и *Гелен нешижәңи түйс йүрегимден гутлярын.* букв. ‘Я от всей души приветствую то решение, к которому ты пришел’ [Поцелуевский, 1967: 14].

3. Место действия: тат. *торган йортым* ‘дом, в котором я живу’, кум. *сиз яшынгъан агъачлыкъ* ‘лес, в котором (где) вы спрятались’, туркм. *яшаян көчеси* ‘улица, на которой он живет’.

4. Время действия: тат. *очрашкан көнебез* ‘день, когда мы встретились’, узб. *ўқиган вақтимиз* ‘время, когда мы учились’.

5. Имя существительное, которое изъясняется атрибутивным оборотом и находится в отношениях принадлежности с одним из компонентов атрибутивного сочетания: тат. *улы яхшы укыган хатын* букв. ‘женщина, сын которой хорошо учился’.

Грамматикализованное причастие *дигән*, которое в зависимости от контекста переводится как ‘называемый’, ‘гласящий’, ‘именуемый’, может оформлять атрибутивные отношения: *Апамның «Ул тапсам, балаларны куандырыр ием» дигән нәзере бар иде* (С. Әдһәмова. Әкият дөнъясына аяк басканда...). ‘У моей сестры было данное слово, что, если она родит сына, то порадовала бы деток’.

Исследование подтвердило известное положение о том, что для репрезентации атрибутивных отношений наиболее часто употребляется синтаксическая модель «прилагательное+существительное». Кроме этого, определяющее слово в атрибутивных словосочетаниях может выражаться:

- количественным числительным: тат. *жиде тәүлек* ‘семь суток’, карач.-балк. *он кьой* ‘десять овец’, кирг. *Эки тоо кошулбайт, эки эл кошулайт*. ‘Две горы не сойдутся, а два народа сойдутся’ (Пословица), кум. *уьч китан* ‘три книги’, тур. *bir kardeş* ‘один родственник’, шор. *пеш пала* ‘пять детей’, якут. *алта кинигэ* ‘шесть книг’;

- нумеративом с аффиксом *-лык*: тат. *биш яшьлек кыз* ‘пятилетняя девочка’, кум. *он гишилик уьй* ‘дом на десять человек’, ике *адымлык жир* ‘в двух шагах’, хак. *он тогыстыг хыс* ‘девятнадцатилетняя девушка’.

Подобные сочетания встречаются еще в языке тюркских рунических памятников. Например: *biḡ jälliḡ tūmān kūnlik bitigimin belgümin anta jasi taşqa jaratitdim*. ‘Мои тысячелетние, десятитысячедневные (т. е. вечные) письма я тогда велел иссесть на плоском камне’ [Кононов, 1980: 107].

Исследователи по-разному интерпретировали употребление аффикса *-лыг/-lig* в орхоно-енисейских надписях. В. Томсен считал, что форма *-лыг/-lig* – аффикс прилагательных, а *-лык/-lik* – существительных. В. Радлов же полагал, что очень сложно определить значения слов на *-лыг* и *-lig*, так как в орхоно-енисейских памятниках каждое прилагательное может применяться и как существительное [Севортян, 1963: 61].

- нумеративом с аффиксом *-лы*: тат. *өч-дүрт кибетле авыл* ‘деревня с 3-4 магазинами’;

- порядковым числительным: тат. *сигезенче сыйныф* ‘восьмой класс’, башк. *беренсе бүлмә* ‘первая комната’, карач.-балк. *жюзюнчю юй* ‘сотый дом’, кум. *уьчуьнчуь китан* ‘третья книга’, тув. *бирги теве* ‘первый верблюд’, узб. *биринчи звонок* ‘первый звонок’, хак. *төртінчи пала* ‘четвертый ребенок’, якут. *төрдүс ат* ‘четвертая лошадь’.

Выражение определяющего слова порядковым числительным встречаем и в текстах орхонских памятников: *йетинч ай* ‘седьмой месяц’, *екинти күн* ‘второй день’ [Айдаров, 1971: 81, 242].

- разделительным числительным: тат. *жидешәр дәфтәр* ‘по семь тетрадей’, карач.-балк. *бешишер адам* ‘по пять человек’;

- приблизительным числительным: тат. *биш-алты көн* 'пять-шесть дней'.

В языке тюркских рунических памятников приблизительные числительные образуются с помощью аффиксов *-ĉa, -ĉä: eligĉü er tutdimiz*. 'Мы взяли [в плен] около пятидесяти воинов'; *ujjur eltebär jüzĉü erin ilg [ärü tezip bardı]*. 'Уйгурский эльтебер бежал на восток приблизительно со ста воинами' [Кононов, 1980: 113].

- указательным местоимением: тат. *шушы яңалыклар* 'эти новости', гаг. *бу чобан* 'этот пастух', к.-калп. *бу адам* 'этот человек', сол *ауыл* 'этот самый аул', каз. *бұл кітап* 'эта книга', осы *үй* 'этот дом', ана *бала* 'тот мальчик', карач.-балк. *бу таула* 'эти горы', ол *ташла* 'те камни', кум. *бу китап* 'эта книга', узб. *оша кўни* 'в этот день', якут. *манньык бэлиэ* 'такой знак'.

Подобные конструкции встречаются и в языке тюркских рунических памятников: *ol qan* 'тот хан', *bi ödkä* 'в то время', *bi jirdä* 'в этой земле' [Кононов, 1980: 213].

- определительным местоимением. Интересно отметить, что определительные местоимения в тюркских языках очень разнообразны. Универсальным считается тип словосочетаний с определительным местоимением *бөтен* 'весь': тат. *бөтен шәһәр* 'весь город';

- качественным прилагательным: тат. *шәмәхә күлмәк* 'фиолетовое платье', *Иске гадәт ташланмас, яңа гадәт башланмас* (Мэкаль). букв. 'Старые привычки не покинут, новые не прививаются' (Пословица), кирг. *Эски дос эстен кетпейт, жаңы дос кадырга жетпейт*. 'Старый друг не забывается, новый друг не ценит' (Пословица), тур. *Eski dost düşman olmaz, yenisinden vefa olmaz*. 'Старый друг не станет врагом, от нового не будет верности' (Пословица), шор. *чабал адайлар* 'злые собаки';

- относительным прилагательным на *-лы*: тат. *комлы туфрак* 'песчаная почва', карач.-балк. *билимли адам* 'знающий человек', *тузлу суу* 'соленая вода', *ташлы жер* 'каменистая земля', *къамишли тюз* 'равнина, где имеется камыш', кирг. *токойлуу жер* 'лесистое место', тур. *karlı dağlar* 'снежные горы', туркм. *сечекли яглык* 'платок с бахромой', хак. *палыхтыг көл* 'рыбное озеро', *хумныг чир* 'песчаное место', шор. *карлыг пораан* 'снежный буран'.

Передача атрибутивных отношений прилагательными на *-лы* отмечается во многих лингвистических исследованиях и во всех говорится, что они выражают обладание предметом, свойством, качеством. Это значение формы *-лы* считается самым древним и продуктивным в современных тюркских языках. Семантика обладания формы *-лы* была широко распространена еще в древних тюркских памятниках (например, словарь Махмуда Кашгарского).

- относительным прилагательным на *-сыз*: тат. *тамсез ризык* ‘невкусная пища’, карач.-балк. *эрсиз тиширыу* ‘безмужняя женщина’, кирг. *айыпсыз киши* ‘человек без недостатков’, *бакасыз көл* ‘озеро без лягушек’, тур. *Akıllı düşman akılsız dosttan hayırlıdır.* (букв. ‘Умный враг лучше глупого друга’). ‘Не бойся умного врага, бойся глупого друга’ (Пословица), узб. *саводсиз адам* ‘неграмотный человек’.

Подобного рода примеры встречаются и в древнетюркских памятниках. Например: *тонсыз жабыз жаблақ будун* ‘жалкий и низкий народ, не имеющий одежды’, *билгсиз қаган* ‘неразумный каган’ [Кондратьев, 1970: 19].

Следует отметить, что аффикс *-сыз* воспринимается как связка еще в первых тюркских грамматиках [например: Гиганов, 1801: 46; Троянский, 1814: 166; Махмудов, 1857: 222; Иманаев, 1910: 85]. Причем о том, что аффикс *-лы*, который является его антонимом, тоже является связкой, не упоминается.

Аффикс *-сыз* в различных фонетических модификациях используется во многих тюркских языках, кроме алтайского, тувинского, хакасского, шорского и якутского.

- относительным прилагательным с аффиксом *-гы* (*-гы* в большинстве случаев присоединяется к аффиксу местно-временного падежа, выражает отношение предмета к пространству или времени): тат. *уткән елдагы вакыйга* ‘прошлогоднее событие’, кр. тат. *азбардаки терек* ‘дерево, что во дворе’, тур. *Baskıdaki altından askıdaki salkım yeğdir.* (букв. ‘Висящая гроздь лучше, чем печатающееся золото’). ‘Лучше синица в руках, чем журавль в небе’; узб. *Тошкентдаги мактаб* (букв. ‘школа, находящаяся в Ташкенте’) ‘ташкентская

школа’, хак. *городтагы школа* (букв. ‘школа, находящаяся в городе’) ‘городская школа’.

Следует отметить, что форма *-дагы/-даге*, как один аффикс, начинает упоминаться уже в первых татарских грамматиках и учебниках [Гиганов, 1801: 46; Иванов, 1842: 253; Ибраһимов, 1918: 32; Корбангалиев, Бәдигъ, 1918: 30].

Когда слово своим лексическим содержанием выражает место или время, к нему присоединяется аффикс *-гы/-ге*, *-кы/-ке* без аффикса местно-временного падежа: тат. *иртәнге томан* ‘утренний туман’; **Язгы** боз ястык калынлыгы булса да ышанма, **көзге** боз көзге калынлыгы булса да ышан (Мәкаль). ‘Весенний лед толст, да прост, осенний тонок, да цепок’ (Пословица); карач.-балк. *эртденги хауа* ‘утренний воздух’, *кыышкы кече* ‘зимняя ночь’, кирг. **Күзгү** муздун күзгү дөйүнөн качпа, **жазгы** муздун жабыктайыннан кач. ‘Не бойся осеннего чистого льда, а бойся весеннего грязного’ (Пословица); узб. *кузги имтиҳонлар* ‘осенние экзамены’, хак. *часкы күн* ‘весенний день’, чув. *кёрхи ёссем* ‘осенние работы’, *сурхи кунсем* ‘весенние дни’, шор. *күскү чут* ‘осеннее ненастье’.

Следует отметить, что прилагательные, образованные с помощью формы *-ки/-кы/-ги/-гы*, которая сохранилась во всех современных тюркских языках, встречаются еще в древнетюркских памятниках. В грамматике М. Эрдаля упоминаются формы *-гы* и *-дагы*, которые выражают отношение предмета к пространству или времени: *kiški* ‘зимний’; *tänri yerintäki tokuzunç kay* ‘девятое поколение на земле богов’ [Erdal, 2004: 187; 188].

- причастием на *-ган*: тат. *тапшырылган бүләк* ‘врученный подарок’, **Шыгырдаган** агач озак яши (Мәкаль). ‘Скрипучее дерево живучее’ (Пословица), каз. *жазылган хаттар* ‘написанные письма’, карач.-балк. *бишген ет* ‘вареное мясо’, *арыгъан ат* ‘уставшая лошадь’, *билген адам* ‘знающий человек’, кирг. **Өткөн** ишке өкүнбө. ‘О прошедшем деле не сожалей’ (Поговорка); **Өлгөн** уй сүттүү болот. букв. ‘Павшая корова бывает молочной’ (Пословица); **Жоголган** бычактын сабы алтын. букв. ‘У потерянного ножа рукоять золотая’ (Пословица); кум. *сынган окъ* ‘сломанная стрела’, *гуйген юрт* ‘сгоревшая деревня’, ног. *атылган оқ* ‘пушенная стрела’, шор. *ушқан агаи* ‘упавшее дерево’.

Изначально причастие на *-ган* было общетюркским, однако в огузских языках его вытеснено причастие на *-мыш*. Об употреблении формы *-мыш* (*-mIṣ*) в атрибутивных конструкциях говорится в «Грамматике древнетюркского языка» М. Эрдаля [Erdal, 2004: 299].

- причастием на *-ыр* (отрицательная форма *-мас*): тат. *Хат китерер, сәлам юллар эжилләр Минем биләмәмә керми үтә* (Ф. Жамалетдинова. Бөек Сөю). ‘Ветра, которые должны принести письма, приветы, обходят мои владения’; *Тантаналы мизгелләрне Жуймас олы жаннар юк...* (Ф. Жамалетдинова. Әбием әкияте). ‘Нет больших душ, не потерявших торжественных моментов’; *Солы ашамас аргамак яфракка моң була* (Мәкаль). ‘Конь, не любящий овес, будет нуждаться и в траве’ (Пословица); *Шыңшымас эт булмас* (Мәкаль). ‘Не было, чтобы собака не скулила’ (Пословица); башк. *бейеклеккә ынтылыр халық* ‘устремленный ввысь народ’, карач.-балк. *окъур адам* ‘человек, который прочтет’, туркм. *гүн дүшмез саялы баг* ‘тенистый сад, куда не заглядывает солнце’, узб. *оқар сув* ‘проточная вода’, шор. *айдар кижси* ‘человек, который скажет’, ундудулбас күн ‘незабываемый день’, якут. *иһэр уу* ‘питьевая вода’.

Примеры с причастной формой *-ыр* (отрицательная форма *-мас*) (*-ur/-maz*) приводятся и в древнетюркской грамматике: *akip (agip) kälir sogik suv* ‘текучая холодная вода’ [Erdal, 2004: 284]. В текстах орхонских памятников: *Билиг билмез киси*. ‘Люди, не обладавшие истинной мудростью’ [Айдаров, 1971: 128].

- причастием на *-ачак*: тат. *киләчәк буын* ‘будущее поколение’, кум. *сатажакъ атым* ‘лошадь, которую я продам’;

- причастием на *-учы*: тат. *жырлаучы төркем* ‘поющая группа’, карач.-балк. *бара туруучу Хасан* ‘Хасан, который часто ходит’, узб. *адаб билувчи одам* ‘благовоспитанный человек’;

- причастием на *-асы*: тат. *барасы юл* ‘путь, который будет пройден’, башк. *киләһе йыл* ‘будущий год’.

Примечательно, что «в отдельных тюркских языках имеются единичные причастия, имеющие только атрибутивное употребление, например, форма

на *-мокчи* в узбекском, форма на *-dasy* в древнеуйгурском языке, форма на *-(y)an* в турецком языке» [Филиппов, 2010: 90].

- существительным с аффиксом *-лык/-лек* (выражается предназначение предмета: тат. *күлмәклек тукыма* ‘материал для платья’, карач.-балк. *тонлукъ тери* ‘кожа для изготовления шубы’, чув. *пұртлĕх йывăç* ‘лес на строительство дома’, *вӑрлӑхлӑх тырӑ* ‘зерно, предназначенное на семена’, *костюмлӑх укça* ‘деньги на костюм’;

- типами изафета:

Выражение признака по отношению к лицу или предмету с помощью изафета является типологической особенностью тюркских языков. По мнению исследователей, безаффиксный первый тип изафета возник еще в период алтайской языковой общности и был одним из древнейших способов образования словосочетаний [Тенишев, 1988: 152].

В тюркологии исследованию изафета посвящены работы Г. А. Абдурахманова, У. Б. Алиева, Н. А. Баскакова, М. Б. Балакаева, Н. З. Гаджиевой, М. Б. Гусейновой, Н. К. Дмитриева, М. З. Закиева, А. М. Ивановой, А. Н. Кононова и др.

1) 1-й тип изафета: тат. *агач өстәл* ‘деревянный стол’, *алтын тәңкә* ‘золотая монета’, каз. *күміс қасық* ‘серебряная ложка’, *тас көпір* ‘каменный мост’, *ағаш күрек* ‘деревянная лопатка’, кум. *гумьуи сагыат* ‘серебряные часы’, узб. *тош девор* ‘каменная стена’, чув. *тимёр ханха* ‘железные ворота’, *йывăç кашӑк* ‘деревянная ложка’.

Подобные примеры находим и в текстах орхонских надписей: *темір-қапығ* ‘железные ворота’ [Айдаров, 1971: 100].

Такие конструкции рассматриваются, как выражающие конкретизирующее отношение между двумя именами существительными, когда одно конкретизирует материал другого [Хисамова, 2006].

2) 2-й тип изафета: тат. *татар теле* ‘татарский язык’, *Сандугачлар жыры уйдан китми бу төндә* (Г. Афзал. Айлы төн). ‘В эту ночь не выходит из головы песня соловьев’, к.-калп. *көз жасы* ‘слезы’, каз. *мал шаруашылығы*

‘животноводческое хозяйство’, кирг. *Бешик баласы беш түлөйт*. ‘Грудной ребенок пять раз слиняет’ (Пословица), тур. *ölüm sessizliği* ‘смертная тишина’, *baş belası* букв. ‘беда на голову’, *baş ağrısı* ‘головная боль’, узб. *шаҳмат тахтаси* ‘шахматная доска’, чув. *ёс стилё* ‘деловой стиль’.

Интересно отметить, что в ряде тюркских языков семантика, передаваемая формой второго типа изафета, может быть оформлена без аффиксов, что недопустимо для татарского языка: каз. *ат қора* (букв. ‘лошадь загон’) ‘конюшня’, карач.-балк. *терезе мияла* (букв. ‘окно стекло’) ‘оконное стекло’, *терек бутакъ* (букв. ‘дерево ветка’) ‘ветка дерева’, *арба ыз* (букв. ‘телега след’) ‘след телеги’, *от жарыкъ* (букв. ‘огонь свет’) ‘свет огня’, кум. *къумукъ тиль* (букв. ‘кумык язык’) ‘кумыкский язык’, узб. *қўл соат* (букв. ‘рука часы’) ‘ручные часы’, *тиш чўтка* (букв. ‘зуб щетка’) ‘зубная щетка’.

В грамматике карачаево-балкарского языка отмечается, что «вообще, в отличие от других тюркских языков, в карачаево-балкарском языке второй компонент таких словосочетаний, как *Москва университет* ‘Московский университет’, *китап басма* ‘книжное издательство’, *сабий сад* ‘детский сад’, *жарыкълау министерство* ‘министерство просвещения’ и т. п. чаще употребляется без показателя притяжательности» [ГК.-Б.Я, 1976: 322]. Когда при первом компоненте подобных словосочетаний имеется определение, во втором компоненте обязательно должен быть аффикс притяжательности.

Безаффиксная форма изафета широко используется в текстах орхонских памятников. Например: *табгач будун* ‘табгачский народ’ [Айдаров, 1971: 93].

3) 3-й тип изафета: тат. *энинең күлмәге* ‘платье мамы’, алт. *кызымнын ийди* ‘собака моей дочери’, *суунын тажы* ‘речной камень’, к.-калп. *қанның бийеси* ‘ханская кобыла’, *қасқырдың дауысы* ‘голос (вой) волка’, каз. *баланың ойынышығы* ‘игрушка ребенка’, *өзеннің суы* ‘вода реки’, *агааштың көлеңкесі* ‘тень дерева’, карач.-балк. *терекни бутакъы* ‘ветка дерева’, *адамны насыбы* ‘счастье человека’, кум. *Магъамматны сыйыры* ‘корова Махаммата’, узб. *Қодирнинг китоби* ‘книга Кадыра’, чув. *кёнекен хуплашки* ‘обложка книги’, *сұркуннен илемё* ‘красота весны’, шор. *козанның чолы* ‘тропа (след) зайца’.

Способность падежного аффикса *-ның/-нең* связывать слова и выражать отношение одного предмета к другому отмечается в татарских грамматиках начиная с начала XX века [Вәлиди, 1919: 85; Ибраһимов, 1918: 72].

Существует мнение, что на стадии становления тюркских языков родительного падежа не было, его заменял изафет [Серебрянников, Гаджиева, 1979: 78].

В текстах орхонских надписей встречаются конструкции с аффиксом *-ның*: *Билге қағаның будуны* ‘народ Бильге-кагана’, *Байырқуның адғыры* ‘жеребец Байырку’, *Чорың оғлы* ‘сын Чора’. При этом отмечается, что иногда аффикс притяжательности опускается: *будун боззы* ‘горло народа’, *қаған інісі* ‘младший брат кагана’ [Айдаров, 1971: 242]. Отсутствие притяжательного аффикса: *қаған ат* ‘титул кагана’ [Кондратьев, 1970: 52].

Как справедливо отмечает М. Э. Дубровина, в языке древнетюркских рунических надписей сложно выявить закономерность употребления изафетов первого, второго и третьего типа. Исследователь полагает, что причина имплицитной передачи информации в древнетюркском языке в «стремлении к неупотреблению грамматических показателей тогда, когда информация ясно передается контекстом» [Дубровина, 2015: 12, 19].

В языке древнетюркских памятников В. Г. Кондратьев выделяет четыре типа изафета:

1-ый тип:

- определение – титул, определяемое слово – имя собственное. В этом случае определение находится в постпозиции, тогда как в остальных случаях определение в изафете занимает препозицию. Например: *Бөкли қаған* ‘Бёкли-каган’, *Қуны сәңүн* ‘Куны-Сенгун’, *Мақрач тамғачы* ‘хранитель печати Макрач’, *Оғуз билгә тамғачы* ‘хранитель печати Огуз-бильге’;

- определение – название степени родства с аффиксом принадлежности, определяемое – титул: *қағым қаған* ‘мой отец-каган’, *қағым сад* ‘мой отец-шад’, *сінлім қунчуј* ‘моя младшая сестра-княжна’, *өгім қатун* ‘моя мать-хатун’, *әчим қаған* ‘мой дядя-каган’;

- определение – название степени родства с аффиксом принадлежности, определяемое – имя собственное. Например: *inim Küj tiğin* ‘мой младший брат Кюль-Тегин’, *äçümis anamыз Бумын қаған* ‘наш предок Бумын-каган’, *ögim İbilgä қатун* ‘моя мать Ильбильге-хатун’, *атысы Жоллыг тиğин* ‘его внук Йоллыг-тегин’;

- определение – существительное, обозначающее племенную принадлежность: *түрк будун* ‘тюркский народ’, *татабы будун* ‘народ татабийцев’, *тардуш бәгләр* ‘тардушские беги’, *табгач оң тутук* ‘табгачский онг-тутук’ (*онг-тутук* – звание), *уғур älmäbär* ‘уйгурский эльтебер’ (*эльтебер* – титул), *табгач қаған* ‘табгачский каган’, *түргіс қаған* ‘тюргешский каган’;

- определение – название года (по так называемому животному циклу), определяемое – слово *жыл* ‘год’: *қон жыл* ‘год Овцы’, *luj жыл* ‘год Дракона’, *ыт жыл* ‘год Собаки’, *лағзын жыл* ‘год Свиньи’;

- определение – имя собственное, определяемое – географическое понятие: *Аны суб* ‘река Аны’, *Алтун жыс* ‘Алтунская чернь’, *Шантуу жазы* ‘Шаньдунская равнина’, *Түргі жаргун көл* ‘озеро Тюрги Яргун’, *Ärtis жүзүз* ‘река Иртыш’;

- определение выражает качественную характеристику определяемого: *тәңри билгә қаған* (букв. ‘небо-Бильге-каган’) ‘божественный Бильге-каган’, *алп әр* (букв. ‘герои-воины’) ‘храбрые воины’;

- определение – общеродовое понятие: *қаған ат* ‘титул кагана’, *әр ат* ‘геройское имя’.

В языке древнетюркских памятников 2-й тип изафета выражает принадлежность предмета предмету, тогда как в большинстве тюркских языков для этого используется 3-й тип изафета. Определение в этом случае может быть выражено собственным именем существительным; именем существительным, логически определенным (поясненным контекстом, обстановкой речи); именем существительным с аффиксом принадлежности; именем существительным, имеющим при себе определение, выраженное прилагательным или существительным. Например: *Тоға тиğин жоғынта* ‘на похоронах Тонга-Тегина’, *Оғуздантан көрүг кәлти. Көрүг сабы антаг.* ‘От огузов пришел лазутчик. Слово лазутчика таково’, *қағым қаған сүсі* ‘войско моего отца-кагана’, *түргіс қаған сүсі*

‘войско тюргешского кагана’, *табгачгы бәгләр табгач атын тутынан* ‘приняв табгачские имена табгачских бегов’.

2-й тип:

- выражает отношение единичного предмета (определяемое) к обобщенному (определение): *кісі оглы* (букв. ‘сыны человеческие’) ‘люди’;

- определение – существительное, обозначающее племенную принадлежность (хотя чаще используется 1-й тип изафета): *түргіс қазаны* ‘тюргешский каган’, *қырқыз будуны* ‘киргизский народ’, *табгач сүсі* ‘табгачское войско’, *түрк тәһрісі* ‘тюркское небо’;

- определение – имя собственное, определяемое – географическое понятие: *Жір Байырқу жіріңә тәгі* ‘до земли Йир-Байырқу’;

- определяемое выражает состояние, определение – предмет, находящийся в этом состоянии: *тәһрі жір булгақын үчүн* ‘из-за смятения неба и земли’;

- определение – количественное числительное, определяемое – слово *жаш* ‘возраст’: *алты жәгірмі жашыңа* ‘когда ему было шестнадцать лет’, *жіті отуз жашыңа* ‘когда ему было двадцать семь лет’.

3-й тип изафета выражает конкретную принадлежность предмета предмету (чаще в языке древнетюркских памятников эти отношения передаются 2-ым типом изафета): *Чурың оглы* ‘сын Чура’, *Билгә қазаның будуны* ‘народ Бильге-кагана’, *ақ адгырығ удлықын* ‘бедро белого жеребца’, *түрк будунығ аты күсі* ‘честь и слава тюркского народа’, *қазаныңын сабын алматын* ‘не вняв словам твоего кагана’.

Как отмечает В. Г. Кондратьев, значение 4-го типа изафета тождественно значению 3-го типа изафета, т. е. и при изафете IV выражается конкретная принадлежность предмета предмету. Изафеты III и IV различаются лишь формально: отсутствием при четвертом типе изафета аффикса принадлежности третьего лица при определяемом. Например: *Қазаның ічрәкі бәдізчі* ‘придворные’ (букв. ‘внутренние’) мастера кагана’, *Јәгин Силиг бәгің кәдімліг торығ ат* ‘оседланный гнедой конь Йегин Силиг-бега’, *байырқуның ақ адгыр* ‘белый жеребец [племени] Байырқу’ [Кондратьев, 1970: 54–56].

Интересно отметить, что в енисейских памятниках (причем, только в них) определение может быть выражено при помощи аффикса *-sar*. Например: *erdäm bolsar boduniy...* ‘Народ, который должен быть доблестным...’, *atsar alp ertiniz utsar küç ertiniz*. ‘Вы были героем, который должен был [метко] стрелять, вы были силой, которая умела побеждать’ [Кононов, 1980: 128].

В тюркских языках для выражения атрибутивных отношений может употребляться инфинитив: азерб. *jохламаг мэгсәди* ‘цель проверки’, *евләнмәк вахты* ‘время женитьбы’, *кәтмәк нијјәти* ‘намерение уйти’, *сусмаг адәти* ‘обычай молчать’, *дүшүнмәк имканы* ‘возможность подумать’ [ГАЯ, 1971: 233], тур. *Durmak zamanı geçti, çalışmak zamanıdır*. ‘Время бездействия прошло, настало время работы’ [Кононов, 1941: 467].

В гагаузском языке инфинитив в функции определения располагается после определяемого имени существительного с отвлеченным значением: *гелди вакыт айырылмаа* ‘пришло время расстаться’, *доорулук ишлемәй, үүренмәй, динненмәй* ‘право трудиться, учиться, отдыхать’ [Покровская, 1978: 120].

Конструкции с причастной формой на *-ган (-ан)* выражают атрибутивные отношения. Например: тат. *Почмактагы кетер-кетер килгән тавыш аның уйларын бүлде* (Р. Зәйдулла. Хан һәм шагыйрь). ‘Шорох в углу перебил его мысли’; кирг. *Бастырган жигит барар, чапкан жигит калар*. ‘Едущий шагом джигит доедет, а скачущий отстанет’ (Пословица); *Эки тоонун чөбүн самаган кийик ач калат*. ‘Косуля, которая зарится на траву двух гор, останется голодной’ (Пословица); *Оро албаган жигит орок тандайт*. ‘Кто жать не умеет, тот серп выбирает’ (Пословица).

Атрибутивные отношения складываются между придаточным определительным и главным предложением: *Моң тулган күзләре өмет белән карыйлар*. ‘Его глаза, полные печали, смотрят с надеждой’. Это свойственно и другим тюркским языкам. Например: алт. *Суузы тамчылап турган неме (өлөн) жыдып калбай*. ‘Сено, с которого капает вода, сгниет’ [Байжанова, 2004: 101]; кирг. *Оозу күйгөн үйлөп ичет*. ‘У кого рот обожжен, тот пьет подув’ (Пословица); кум. *Гуьннуь узагына мен лакъыр этип тургъан адам мунда гельди*. ‘Человек, с

которым я беседовал целый день, пришел сюда' [Дмитриев, 1940: 201]; *Мен йорав этмеген ишлер болуп чыкьды*. 'Произошли события, которых я не ожидал'; *Балалары коьп кьуш уя эте*. 'Птица, у которой много птенцов, вьет гнездо' (Пословица); узб. *Алишер јэшэгэн үјда тантаналы рух хүкүм сүрәрді*. 'В доме, в котором жил Алишер, царило торжественное настроение' [Серебренников, Гаджиева, 1986: 280].

В азербайджанском языке активно используется глагол *олмаг*, выполняющий в данном случае роль атрибутивного уточнителя: *Һәр гәфәси бир сәнәт инчиси олан мүһит дәрјасына чуммаг истәјирәм*. 'Хочу окунуться в среду, каждая клетка которой была бы шедевром искусства' [Абдуллаева, 1978: 30]; *Бу күн көрүлмәли олан иши сабаһа гойма*. 'Не откладывай на завтра дело, которое должен сделать сегодня' (Пословица).

В узбекском языке связь определительного предложения с определяемым словом может размыкаться. Проявляется правило сочетаемости разнородных определений, согласно которому к одному определяемому определению располагаются по степени убывания их семантики как постоянных признаков. Например: *Комила индамай Зайнаб тақдим этган ката гул дастани кўкракка босиб трамвай остановкаси томон аста юрди*. 'Камила молча, прижав к груди большой букет цветов, который ей подарила Зайнаб, медленно шла к трамвайной остановке'; *Мен деб турган ажойиб қизиқ мавзулар жуда кўп*. 'Много удивительно интересных тем, о которых я говорила' [Исследования по СГТЯ, 1961: 150].

Определительное предложение узбекского языка также может связываться с определяемым им словом главного предложения отношениями принадлежности. Такую связь иногда называют «перевернутым изафетом». Например: *Зеркиб кўзларини уйқу босаётган кишилар тетикланди*. 'Люди, у которых глаза слипались от скуки (букв. 'их глаза сон закрывший люди'), оживились' [Исследования по СГТЯ, 1961: 150].

Как видим, определительное предложение в татарском и других тюркских языках может располагаться в интерпозиции по отношению к главному

предложению: тат. *Ил башын жіңүле яулар гына караи жітмәслек биеклеккә күтәрә* (Р. Зәйдулла. Хан һәм шагыйрь). ‘Лишь победоносные войны возвышают до бескрайних высот главу государства’; азерб. *Бәлкә мәсәләни биз истәйән вахта гәдәр узатмаг мүмкүн олду*. ‘Может быть, вопрос можно было бы отложить до времени, до которого вы хотите’ [Исследования по СГТЯ, 1961: 166]; узб. *Булар орасида Ризо севган Мехрибон бор эди*. ‘Среди них была Мехрибон, которую любил Ризо’ [Гаджиева, 1983: 11].

Когда в придаточном определительном наличествует союзное слово *кайсы* ‘который’, в главном предложении – соотносительное слово *ул* ‘тот’. Например: тат. *Кайсы бармакны тешләсәң, ул бармак авырта* (Мәкаль). (букв. ‘Который палец укусишь, тот палец болит’). ‘Который палец не укуси – всей руке больно’ (Пословица); карач.-балк. *Къайсы ишни жаратдым эссе да, ол ишни сайладым*. ‘Какая работа мне понравилась, ту работу я и выбрал’ [ГК.-Б.Я, 1976: 544].

Атрибутивным конструкциям свойственна и текстоорганизующая функция. Например: *Зәңгәр күк. Зәңгәр күл. Ап-ак тәнбоеклар*.

Якты күк. Якты күл. Ап-ак тәнбоеклар...

Кай арада ачылырга өлгерде алар?

Тузанлы юл. Бөкре бабай. Капчыклы кыз... Картайган авыл. Тузган скрипка. Камчылы казак. Кай арада күңелгә килде әле алар? (Ф. Гыйльми. Салават күпере). ‘Голубое небо. Голубое озеро. Белые кувшинки.

Ясное небо. Ясное озеро. Белые кувшинки...

Когда это они успели распуститься?

Пыльная дорога. Горбатый дед. Девочка с мешком... Состарившаяся деревня. Старая скрипка. Казак с плеткой. В какой момент это все пришло в голову?’

Как показал анализ фактического материала, атрибутивные конструкции обладают богатой семантикой и характеризуются разнообразием плана выражения.

2.2. Конструкции с атрибутивным значением, осложненным дополнительными значениями

В татарском языке можно выделить следующие семантические модели предложений с атрибутивными отношениями:

1. Предложения с атрибутивно-выделительными отношениями.

В таких сложных предложениях придаточное может распространять именное сочетание с указательными местоимениями. Иногда в таких сочетаниях используется и союз *ки* ‘что’, ‘как’, ‘который’: *Тик менә кеше гомерендә шундый вакытлар була ки, хәтта жәйге кояш та күңел күгендәге болытларны эретеп, багырьнең сызлануын жиңеләйтә алмый икән* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Но в жизни человека бывают такие моменты, что даже летнее солнце не может, оказывается, растопить облака на небе души и облегчить душевную боль’. В других тюркских языках: узб. *Дунёда шундай кишилар бўлади: қандайдир сирли кучга ишонади*. ‘Бывают такие люди на свете: верят в какие-то таинственные силы’ [Абдурахманов, 1960: 61]. В значении указательного местоимения может выступать и слово *бер* ‘один’: *Бер кеше бар: һәр хыялы тормышка аша*. ‘Есть один человек: все мечты сбываются’. В других тюркских языках: узб. *Элнинг бир сўзи бор: ўзинга эҳтиёт бўл*. ‘Есть такое слово народа: будь осторожен к себе’ [Абдурахманов, 1960: 61].

2. Предложения с атрибутивно-временными отношениями.

В таких конструкциях атрибутивная семантика содержит в себе информацию об определенном промежутке времени. Например: *Соңгы көннәрдә, чынлап та, әллә нинди сызлану бар иде синең йөрәгеңдә* (Э. Шәрифиллина). ‘В последние дни, действительно, в твоём сердце была какая-то боль’; *Мин инде кичәге көнемне, кичәге бәхетемне сагынам* (Ф. Бәйрәмова. Болын). ‘Я уже скучаю по своему вчерашнему дню, по своему вчерашнему счастью’; *Үткән көннең билгесе юк, киткән көннең кайтуы юк* (Мәкаль). букв. ‘У прошедшего дня нет отметины, прошедшему дню нет возврата’ (Пословица); *Иртәгесе тавыктан*

бүгөнгө йомырка артык (Мэкаль). букв. ‘Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы’ (Пословица). В других тюркских языках: тур. *Bugünkü tavuk yarınki kazdan iyidir.* (букв. ‘Сегодняшняя курица лучше завтрашнего гуся’). ‘Лучше синица в руках, чем журавль в небе’ (Пословица); *Bugünkü işini yarına bırakma.* ‘Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня’ (Пословица).

3. Предложения с атрибутивно-пространственными отношениями.

В таких предложениях присутствует дополнительное пространственное значение, так как в них содержится указание на место. Например: *Авыл очындагы Галимжан абый йортының тәрәзәсеннән карасаң, кечкенә кирпеч станция бинасы күренә* (Ә. Еники. Бер генә сэгатькә). ‘Если посмотреть из окна дома Галимджана абый, который живет на окраине деревни, можно увидеть здание небольшой кирпичной станции’; *Өйдәге тормыш та әллә ничек көйсезләнеп китте* (Г. Ахунов. Идел кызы). ‘И домашняя жизнь как-то пошла не так’; *Ерактагы туганнан якындагы дус яхшы* (Мэкаль). (букв. ‘Находящийся рядом друг лучше родственника, находящегося далеко’). ‘Ближняя соломка лучше дальнего сенца’ (Пословица); *Йортыңдагы карактан саклана алмассың* (Мэкаль). (букв. ‘От домашнего вора не убережешься’). ‘Домашний вор опаснее чужого’ (Пословица); *Бишектәге бала бишкә төрләнә* (Мэкаль). (букв. ‘Младенец, который в колыбельке, пять раз преобразится’). ‘Младенец, пока станет взрослым, пять раз преобразится’ (Пословица); *Күктәге торнага ышанып, кулдагы чыпчыкны очырма* (Мэкаль). (букв. ‘Не выпусти воробья из рук, понадеявшись на журавля в небе’). ‘За большим погонишься – и малое потеряешь’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Үйдөгү ойду базардагы нарк бузат.* (букв. ‘То, что задумано дома, нарушает цена на базаре’). ‘Домашняя дума дорогой не годится’ (Пословица); *Бешиктеги баланын бек болорун ким билет?* ‘Получится ли из младенца бек, как знать?’ (Пословица); *Көңүлдөгү сырды көз билдирет.* (букв. ‘Тайну, что у тебя в сердце, скажут твои глаза’). ‘Что в сердце варится, то в лице не утаится’ (Пословица); тур. *Evdeki pazar çarşıya uuzamaz.* ‘Домашний торг не подходит для рынка’ (Пословица).

Таким образом, «то, что можно сказать, организует и ограничивает то, что можно мыслить. Язык придает основную форму тем свойствам и признакам, которые разум признает за вещами. Возможность мышления вообще неотрывна от языковой способности, поскольку язык – это структура, несущая значение, а мыслить – значит оперировать знаками языка» [Сараджева, 2003: 151].

В определенном контексте предложение, содержащее атрибутивное отношение, приобретает дополнительные смысловые оттенки. Чаще всего это значения пространства, времени, присоединительности. Таким образом, образуются атрибутивно-пространственные, атрибутивно-временные, атрибутивно-присоединительные значения.

2.3. Прямой и косвенный объекты в системе объектных отношений

В конструкциях, выражающих объектные отношения, указывается на прямой или косвенный объект:

- словосочетание с зависимым словом в форме винительного падежа выражает действие с прямым объектом: *Борынгы йола буенча, шәраб тулы касәне кулына алган кеше жыру айтергә тиеш иде* (Р. Зәйдүлла. Хан һәм шагыйрь). ‘По древней традиции человек, взявший в руки полную вина чашу, должен был спеть песню’; *Намусыңны яшьтән сакла* (Мәкаль). ‘Береги честь смолоду’ (Пословица). В других тюркских языках: башк. *Балалар Салауат һәйкәлен дә, Дуслық монументен дә, Агизел аша һалып яқан яңы күперзе лә, яңы ғына төзөлөп бөткән Спорт һарайын да күреп өлгөрзөләр*. ‘Дети успели осмотреть и памятник Салавату Юлаеву, и монумент Дружбы, и новый мост через Агидель, и только что построенный Дворец спорта’ [ГСБЛЯ, 1981: 409]; к.-калп. *Тауық көргенин шоқыйды, мола билгенин оқыйды*. (букв. ‘Курица виденное клюет, мулла знаемое читает’). ‘Курица клюет то, что видит, а мулла читает то, что знает’ (Пословица); *Мен ислейтуғунымды билемен*. ‘Я знаю то, что должен

делать' [Исследования по СГТЯ, 1961: 115]; каз. *Мен шешемді көріп қайтқым келеді*. 'Мне хочется повидаться с матерью' [Балакаев, 1959: 166]; *Аузын ашса ішеккарны күрінген*. 'Если откроет рот – видны все внутренности' (Пословица); карач.-балк. *Айтылган сёзню мен бек жаратдым*. 'Сказанное слово мне очень понравилось' [ГК.-Б.Я, 1976: 434]; кирг. *Тоону, ташты суу бузат, адамзатты сөз бузат*. 'Горы и камни вода разрушает, а людей – слово' (Пословица); *Қыз башын көтүрдү*. 'Девушка подняла голову'; *Аштын тузун таткан билет*. 'Вкус соли в пище знает тот, кто попробовал' (Пословица); *Жакшыны сөз үлтүрөт, жаманды таяк өлтүрөт*. 'Хорошего слово проймет, а дурного – палка' (Пословица); тур. *iliğini kurutmak* (букв. 'высушить мозг костей') 'выжать все соки'; *Yağmuru yel azdırır, insanı el (sözü) azdırır*. 'Дождь усиливается ветром, человек подстрекается чужим словом' (Пословица); *Parmağını yaranın üstüne basmak*. 'Положить палец на самую рану' (Пословица).

И в текстах орхонских памятников определенный прямой объект выражается существительным в винительном падеже: *Сүсін қоп өлүртім*. 'Разбил много их войск' [Айдаров, 1971: 131].

В редких случаях в татарском языке, как стилистический прием, для выражения объектного отношения вместо формы винительного падежа используется исходный падеж: *Менә улым, балдан кап, майдан кап...* (Ф. Яхин. Ак канатлы бөркет баласы). 'Вот сынок, ешь мед, масло...'; *Касыйм абзый миңа, балдан авыз иттерәм, дигән иде* (Р. Зәйдулла. Кәүсәләрдә кәүсәр суы). 'Касим абзый сказал мне, что даст отведать меда', что для некоторых других тюркских языков является нормой: тур. *O gün üzüntü içinde evimize varıp babam ve annemin mübarek ellerinden öptüm*. 'В тот день в печали я пошел домой и поцеловал за святые руки папу и маму' [Кардашев, 2009: 14].

- Прямой объект может выражаться инфинитивом. Инфинитив в этом значении в татарском языке имеет ограниченное употребление.

Инфинитив в тюркских языках имеет 3 формы: *-мак/-мәк*, *-ырга/-ергә*, *-а/-ә*. Форма *-мак/-мәк* употребляется в азербайджанском, гагаузском, турецком языках; *-ырга/-ергә* – в алтайском, башкирском, татарском, хакасском, якутском

языках; *-а/-ә* – в казахском, каракалпакском, киргизском языках. Например: тат. *Баш кашырга да вакыт юк* (Әйтем). ‘Некогда даже затылок (букв. голову) почесать’ (Поговорка); азерб. *О, нефт геологларына белә сахәләрдән узаглашмагы мәсләһәт көрүр*. ‘Он советует нефтяным геологам быть подальше от таких участков’ [ГАЯ, 1971: 289]; башк. *Өйрәттеләр мине китаптарым Кеше һәм тормошто танырга, Бысқымасқа, дөрләп янырга, Йырымды һәм һине табырга*. ‘Учат меня мои книги, Людей и жизнь понимать, Не тлеть, а бурно пламенеть, Песню свою и тебя найти’ [ГСБЛЯ, 1981: 410]; гаг. *Гүн йаклашармыш каушмаа*. ‘Солнце близилось к закату’ [Покровская, 1978: 35]; карач.-балк. *Окьургъа кетгенден къагъыт алдыкъ*. ‘Мы получили письмо от уехавшего учиться’ [ГК.-Б.Я, 1976: 429]; тур. *Vaşını kaşmaya vakti olmatmak*. ‘Некогда даже затылок (букв. голову) почесать’ (Поговорка).

Как видим, инфинитив в подобных конструкциях приобретает оттенок предметности, эти конструкции ограничены лексически.

- словосочетание с именем в направительном падеже выражает действие с косвенным объектом: *Педагогларга тупас мөгамәләдә* (Р. Батулла. Бию жене кагылган егет). ‘Дерзок по отношению к педагогам’; *Дошманга үлем теләгәнче, үзеңә гомер телә* (Мәкаль). ‘Чем желать врагу гибели, пожелай себе остаться в живых’ (Пословица). В других тюркских языках: к.-калп. *Күлбазар сиңлилериниң мақтаганына қанағатланды*. ‘Күльбазар была удовлетворена тем, что ее хвалят сестры’ [Исследования по СГТЯ, 1961: 116]; каз. *Аузыңа май, астыңа тай!* (букв. ‘Мед с маслом в твои уста, а за хорошую весть жеребенок в придачу’ (Пословица)); карач.-балк. *Аллах манга насып бермей къойгъанды*. ‘Бог мне не дал счастья’ [ГК.-Б.Я, 1976: 421]; кирг. *Жигиттин сөзүнө кара*. ‘Смотри на то, что говорит парень’ (Пословица); *Досуңа сырыңды айтпа: досуңдуң досу бар*. ‘Не говори свою тайну другу: у твоего друга есть свой друг’ (Пословица); кум. *Къуру къолгъа къуш къонмас* (Пословица). ‘На пустую (сухую) руку птица не сядет’; тур. *Ağlatayan çosiğа tete vermezler*. (букв. ‘Неплачущему ребенку соску не дают’). ‘Дитя не плачет – мать не понимает’ (Пословица).

Подобные конструкции находим и в орхонских памятниках [Айдаров, 1971: 131].

Косвенный объект в татарском языке может также выражаться именем в основном падеже в сочетании со следующими послелогоми:

- *белән* 'с': ...*Үги әнисе Бибисара, аның ике кызы шаулап кайнап утырган самавыр янында чәй эчәләр. Ул җибәргән ризыклар белән* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). 'Его мачеха Бибисара и ее две дочери сидят возле самовара и пьют чай. С продуктами, которые он отправил'; *Эш белән генә үзеңнең кем икәнеңне исбат итеп була бу дөньяда* (Р. Вәлиев. Иске сәгать дәресе йөри). 'В этом мире лишь трудом можно доказать, кем ты являешься'; *Ата кешеңә баш бирмәгән бала белән мин башкача сөйләшә белмим!* (М. Хәбибуллин. Атилла). 'Я не умею разговаривать по-другому с ребенком, который не покоряется своему отцу!'; *Атаң белән мактанма, атың белән мактан* (Мәкаль). букв. 'Не козыряй своим отцом, гордись своим именем' (Пословица). В других тюркских языках: азерб. *Онларын бә'зиси Әли илә мубаһисәјә киришир...* 'Некоторые из них вступают в полемику с Али' [ГАЯ, 1971: 289]; кирг. *Башы оорубагандын Кудай менен иши жок.* (букв. 'У кого голова не болит, тому до бога дела нет'). 'Не до бога, когда счастье у порога' (Пословица); *Кабыргам менен кеңешейин.* (букв. 'Я посоветуюсь со своим ребром'). 'Хорошенько обдумаю' (Поговорка); *Айды этек менен калкалай албайсың.* 'Луну полый не сможешь закрыть' (Пословица); тур. *Vaş dil ile tartılır.* 'Голова притягивается за язык' (Пословица); узб. *Далалар пахта билан қопланди.* Поля покрылись хлопком [Сайфуллаев, 1984: 53].

В древнетюркских памятниках: *Інім Күлтегін бірле сөзлешдіміз.* 'Мы переговаривали о делах с моим младшим братом Кюль-тегином' [Айдаров, 1971: 90].

- *турында, хакында* 'о': *Исән кеше яшәү турында уйларга тиеш* (М. Маликова. Арыш тәме). 'Живой человек должен думать о жизни'; *Тик әтисе белән әнисенең бу хакта сөйләшкәннәре истә калмаган* (М. Маликова. Язгы такыялар). 'Но в памяти не сохранились разговоры родителей об этом'; *Җир, күк,*

табигать, кеше турында фәлсәфә кору – бөтенләй кирәксез нәрсә (Р. Вәлиев. Иске сәгать дәрәс йөри). ‘Философствование о земле, небе, природе, человеке – совсем бесполезная вещь’; *Яранныр, чәчәк ата-ата, Синең хакта бер уй уйлады* (Ф. Жамалетдинова. «Бүген минем тәрәзләрем якты...»). ‘Мои герани, расцветая, думали о тебе’. В других тюркских языках: башк. *Был донъяла кеше өс нәмә хақында тырышлық күрһәтергә тейеш: үзенең йәшәү шарттары хақында, кешеләр менән мөнәсәбәте хақында һәм үзенән һуң яқшы иҫтәлек қалдырыу хақында*. ‘В этой жизни человек должен заботиться о трех вещах: об условиях своей жизни, об отношениях с людьми, о том, чтобы оставить о себе добрую память’; *Улар бөтәһе тураһында: һауа торошо, Россиялағы хәлдәр, апаһы Анна, уның ире Марқ, қустыһы Дмитрий, Парижда тороп қалған Надюша хақында ла һөйләштеләр*. ‘Они говорили обо всем: о погоде, положении в России, о сестре Анне, ее муже Марке, младшем брате Дмитрие, и даже о Надюше, оставшейся в Париже’ [ГСБЛЯ, 1981: 411]; туркм. *Баллы хакда язан затларының бары өрән догры*. ‘Все, что написали о Баллы, – истинная правда’; узб. *Сиз ҳақингизда гаплашдик*. ‘Мы разговаривали о вас’.

Ф. А. Ганиев называет имена в основном падеже в сочетании с послелогоми и послеложными словами *белән, турында, хақында* и др. аналитическими падежами [Ганиев, 1970: 74–84]. Послелог и послеложные слова относятся к отдельной части речи, поэтому рассмотрение конструкций с ними в системе падежей, являющейся грамматической категорией, нецелесообразно.

Когда называется лишь часть действия, выражаемого сказуемым, в карачаево-балкарском языке косвенный объект передается именем в форме исходного падежа, тогда как при выражении целого объект был бы в винительном падеже и прямым. Например: *Көгетледен келтир*. ‘Принеси часть имеющихся фруктов’; *Ундан бер*. ‘Дай муки’ (часть целого) и *Көгетлени келтир*. ‘Принеси фрукты’; *Унну бер*. ‘Дай муку’ [ГК.-Б.Я, 1976: 424].

- *тарафыннан/тарафтан* ‘со стороны’. Например: *Табигать тарафыннан бирелгән талант, ди класс житәкчесе* (Р. Батулла. Бию жене кагылган егет). ‘Его классная руководительница говорит, что это талант от природы’; *Аңа табигать*

тарафыннан бирелгән әлеге сәләтләр дә әнә шул бәйсезлекне, ирек сөюне көчәйтәләр төслә иде (М. Вәлиев. Идел яры). ‘Кажется, что эти способности, которыми наделила его сама природа, усиливали эту независимость и свободолюбие’. В других тюркских языках: башк. *Һеззең тарафтан да, миңең тарафтан да бер хаталық эшләнгән икән – тыныс қына бөтөрәйек*. ‘Если и с вашей, и с моей стороны была допущена ошибка, то давайте спокойно будем исправлять ее’ [ГСБЛЯ, 1981: 411];

- *артыннан ‘сверх’, буенча ‘по’, урынына ‘вместо’*: *Икмәк корсак артыннан йөрми* (Мәкаль). ‘Хлеб за брюхом не ходит’ (Пословица); *Ике куян артыннан чапкан, берсеннән дә коры калган* (Мәкаль). ‘За двумя зайцами гнаться, ни одного не поймать’ (Пословица). В других тюркских языках: башк. *Бикмәттең тақдиме буйынса клуб эргәһенә йәшен тартқыс қуйылды*. ‘По предложению Бикмета у клуба был установлен громоотвод’; *Мин һине, қустым, Ақназар урынына үземә ярзамсы итеп алам*. ‘Я тебя, брат, принимаю своим помощником вместо Акназара’ [ГСБЛЯ, 1981: 411];

- *күрә ‘по’*: *Чиләгенә күрә капкачы* (Мәкаль). ‘Какова посуда, такова и крышка’ (Пословица); *Казанына күрә чүмече. букв.* ‘По котлу и поварешка’ (Пословица); *Сүзенә күрә жавабы, сәдакасына күрә савабы* (Мәкаль). ‘Каков привет, таков и ответ; каковы деньги, таков и молебен’ (Пословица); *Кунагына күрә хөрмәте* (Мәкаль). *букв.* ‘Каков гость, такова ему и честь’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Сабаасына карай бишкеги, сакалына карай искеги*. ‘По бурдюку мешалка, по бороде пинцет’ (Пословица); тур. *Balık gölüne göre büyür. букв.* ‘Рыба вырастает по озеру’ (Пословица); *Ayağını yorganına göre uzat. ‘По одежке протягивай ножки’* (Пословица); *Herkesin arşınına göre bez vermezler. ‘Каждому по его аршину ткань не отмерят’* (Пословица).

Как видим, в подобных конструкциях имя существительное употребляется в направительном падеже.

- *башка ‘кроме’*: *Мин – рәссам, ижәттан башка бернәрсәгә ышанмыйм*. ‘Я – художник, ничему кроме творчества не верю’. В других тюркских языках: башк.

Мин композитор, музыканан башқа бер нәмәгә ышанмайым. ‘Я – композитор, кроме музыки ничему не верю’ [ГСБЛЯ, 1981: 411].

В этом случае существительное употребляется в форме исходного падежа.

Объектные отношения складываются и между компонентами СПП (между главным предложением и придаточным дополнительным). Например: *Күңелеңдә нәрсә булса, иртәме-соңмы шуңа ирешәсең икән аны* (Ф. Яхин. Мәхәббәт уены). ‘Оказывается, рано или поздно ты добиваешься того, что у тебя в душе’; *Тик үләсе көнне генә ул, олы кызын чакырып, үлем сәгатте сукканны әйтә* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Лишь в день своей смерти он, позвав старшую дочь, сказал, что настал час его смерти’; *Ни чәчсәң, шуны урырсың* (Мәкаль). ‘Что посеешь, то и пожнешь’ (Пословица); *Ни эшлисәң, шуны ашыйсың* (Мәкаль). ‘Что выработаешь, то и поешь’ (Пословица); *Авызың ни әйтсә, колагың шуны ишетер* (Мәкаль). (букв. ‘Что скажет твой рот, то же услышат и твои уши’). ‘Говоря про чужих, услышишь и про своих’ (Пословица). В других тюркских языках: башк. *Мин дә шул малайзар эшләгәнде эшләй алмаҫ инемме ни?* ‘Неужели и я не смог бы делать то, что делают те мальчики’; *Зөләйха туташ мин уйлагандан да һылыуырақ булып сықты.* ‘Зулейха оказалась красивее, чем я думал’ [ГСБЛЯ, 1981: 457]; карач.-балк. *Къушну баласы уясында не кёрсе, учханында аны этер.* ‘Орленок в полете сделает то, к чему научится в своем гнезде’ (Пословица); *Мен анга ийнаныпма: Хасан иги окъурукъду.* ‘Я уверен в том, что Хасан будет учиться хорошо’ [ГК.-Б.Я, 1976: 545]; узб. *Кимнинг кўнгли тўғри бўлса, у кишининг йўли ҳам тўғри бўлади.* ‘У кого чистая душа, у того (человека) прямая дорога’ [Абдурахманов, 1960: 91].

Компоненты конструкций, выражающих объектные отношения, могут связываться при помощи интонации. Например: *Һәм шул чакта гына ул аңлап алды: яратмаган ул аны* (Р. Зәйдулла. Дару). ‘И только тогда он понял: не любила она его’; *Шуңа куанам: мине урындагы кешеләр (хәзергечә әйтсәк, җитәкчеләр) югалтмадылар* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Радуюсь тому: меня не теряли (замечали мою работу) люди на местах (если сказать по-современному, руководители)’; *Тимерхан абзый исенә төшерде: Җәмил карт*

туксанны узгач та аяк өстендә иде әле (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Тимерхан абзый вспомнил: старик Джамиль и после своего 90-летия был на ногах’.

Прямая речь, введенная в предложение при помощи слова *дип*, выступает в роли дополнительного придаточного предложения, между главным и придаточным предложениями устанавливается объектное отношение. Например: «*Ягудин, атма, биреләбез*», – *дип ялвара стариийлары* (М. Мәһдиев. Бәхилләшү). ‘«Ягудин, не стреляй, сдаемся», – взмолился их старший’. В других тюркских языках: карач.-балк. «*Мен танг жарыгъынчы мында болурма*», – *деп, Ёрюзмек атланып кетди*. ‘Я до рассвета уже буду здесь, – сказал Урузмек и отправился в путь’ [ГК.-Б.Я, 1976: 546].

Таким образом, прямой и косвенный объекты в татарском языке имеют разную структурно-семантическую наполненность.

2.4. Формальная схожесть объектных и пространственных отношений

Для татарского языка характерна формальная схожесть объектных отношений с отношениями пространства. Различить эти отношения можно как по семантике, так и по выражению сказуемого предложения.

Непереходный статичный глагол-сказуемое указывает на то, что имя существительное в направительном падеже – косвенный объект, синтаксическая функция – косвенное дополнение. Неperеходный динамичный глагол-сказуемое свидетельствует о том, что имя существительное в направительном падеже в предложении является обстоятельством места, передается пространственная связь.

Приведем примеры: *Бер казанга ике тәкә башы сыймас* (Мәкаль). *букв.* ‘В один котел не уместятся головы двух баранов’ (Пословица). В других тюркских языках: азерб. *Бу дәфә гыз да она бахды*. ‘На этот раз и девушка посмотрела на

него' [ГАЯ, 1971: 283]; каз. *Қаланың шығыс жағы батыс жағына ұқсамайды*. 'Восточная сторона города не похожа на западную сторону' [Балакаев, 1959: 169]; карач.-балк. *Ол терезеге къарайды*. 'Он смотрит в окно' [ГК.-Б.Я, 1976: 414]; кум. *Сумкасында Маматгъа ошайгъан бир нече сураты да бар эди*. 'В ее сумке было несколько фотографий, похожих на Мамата' [Кардашев, 2009: 10] – объектное отношение. Тат. *Балалар барысы бергә урамга чыгып киттеләр*. 'Все дети вместе ушли на улицу'; кум. *Гъали мен шагъаргъа багъып бараман*. 'Сейчас я направляюсь в сторону города' [Кардашев, 2009: 10] – передается пространственная семантика.

А. М. Меметовым, которым впервые в крымскотатарском языке описаны особенности направительного падежа [Меметов, 2003: 92–93], точно выделены следующие лексико-грамматические значения, выражаемые данным падежом, относящимся к числу пространственных падежей: лицо или предмет, к которому устремлено действие другого предмета/лица; направление в пространстве или во времени; конечный пункт движения; место, где происходит действие; цель, предназначение; средство оплаты; продолжительность во времени действия, события.

При объектных отношениях зависимое слово в винительном падеже выступает прямым дополнением, а сказуемое передается статичным глаголом. Зависимое слово в винительном падеже указывает на пространственность, когда сказуемое выражено динамичным глаголом.

Когда существительное в местно-временном падеже указывает на место, где находится предмет, оно выступает косвенным дополнением, при выражении места совершения действия – обстоятельством места. Например: тат. *Изгелек жирдә ятмас* (Мэкаль). (букв. 'Доброта на земле не лежит'). 'Доброта без награды не останется' (Пословица) (пространственное отношение); азерб. *Китабыны дунән Севдада көрдүм*. 'Вчера я видела твою книгу у Севды'; *Гәнбарин бу сөзләри Варисдә бөјүк бир мараг ојатды*. 'Эти слова Ганбара пробудили у Вариса огромный интерес' [ГАЯ, 1971: 289] (объектное отношение); *Дунән онунла паркда көрүшдүк*. 'Вчера мы с ним встретились в парке'

(пространственное отношение) [ГАЯ, 1971: 284]; карач.-балк. *Дагъыда былада ариян деп бир зат барды*. ‘У них еще есть так называемый айран’ (объектное отношение) [ГК.-Б.Я, 1976: 426]; тур. *Iki baş bir kazanda kaynamaz*. ‘Две головы в одном котле не варятся’ (Пословица); *Iki cambaz bir ipte оунamaz*. ‘Два канатоходца на одном канате не прыгают’ (Пословица) (объектное отношение); *Iki horoz bir çöplükte ölmez*. ‘Два петуха на одной помойке не кукарекают’ (Пословица) (пространственное отношение).

Между сказуемым, выраженным переходным динамичным, переходным или непереходным статичным глаголом, и зависимым компонентом в исходном падеже складываются объектные отношения, когда сказуемое – непереходный динамичный глагол, устанавливается пространственная семантика. Например: тат. *Бер калыптан чыккан* (Мэкаль). (букв. ‘Вышли из-под одной колодки’). ‘Одним миром мазаны’ (Пословица); *Бер рахмат мең баладан коткара* (Мэкаль). (букв. ‘Одно спасибо спасает от тысячи бед’). ‘Велико дело спасибо’ (Пословица); азерб. *Чичэклəрдəн, кўллəрдəн шəклини һəрдү халгын*. ‘Из цветов, из роз соткал портрет твой народ’ [ГАЯ, 1971: 284]; каз. *Аузыннан дүр шашты*. букв. ‘Сыпал драгоценные камни изо рта’; карач.-балк. *Мен Азретден келеме*. ‘Я иду от Азрета’ [ГК.-Б.Я, 1976: 424]; кирг. *Ажал-өлүм кайда жок, ашыккан иштен пайда жок*. ‘Смерть везде есть, от спешки пользы нет’ (Пословица); тур. *Bir kulağından girdi, öbür kulağından çıktı*. ‘В одно ухо вошло, из другого вышло’ (Пословица); *Domuzdan bir kıl çekmek hünerdir*. ‘Сорвать щетинку со свиньи – умение’ (Пословица); узб. *Яхшидан от қолар, ёмондан дод*. ‘От хорошего имя останется, от плохого – вопль’ (Пословица) (объектное отношение); тат. *Алар авылдан килгəннəр*. ‘Они приехали из деревни’; узб. *Улар боғдан чиқдилар*. ‘Они вышли из сада’ (пространственность).

Объектные и пространственные отношения следует различать по содержанию, а не по структуре.

2.5. Основные конструкционные модели пояснительных отношений

Компоненты пояснительной конструкции (поясняющее и поясняемое) в татарском языке соединяются при помощи:

- союзных слов *ягъни* ‘то есть’, *башкача әйткәндә* ‘иначе говоря’, *гомумән* ‘вообще’, *бер сүз белән* ‘одним словом’, *икенче төрле әйткәндә* ‘если сказать по-другому’, *башкача* ‘иначе’, *мәсәлән* ‘например’, *шул исәптән/шул җәмләдән* ‘в том числе’, *хәтта* ‘даже’, *бигрәк тә* ‘особенно’, *аеруча* ‘в особенности’, *аерым алганда* ‘в частности’, которые обогащают значение пояснения разными семантическими, модально-оценочными оттенками. Например: тат. *Картлар үзләреннән үзләре генә картаймай, аларны яшьлә, дөрөсрәге аларның сиңа булган мөнәсәбәте картайма* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Старики не стареют сами по себе, их старит молодежь, точнее их отношение к ним’; узб. *Унинг бир қизиқ одати бор эди, яъни бизнинг уйларимизга кўп қатнар эди*. ‘У него была одна интересная привычка – он часто бывал у нас’ [Абдурахманов, 1960: 51]; тат. *Атилла хан башын күтәрде һәм һәммәсенә дә күз йөртеп чыкты, бигрәк тә илчеләргә игътибар итте* (М. Хәбибуллин. Атилла). ‘Хан Атилла поднял голову и осмотрел всех, особенно обратил внимание на послов’;

- своеобразной, близкой к интонации ожидания, интонации. В подобных БСП вторая часть уточняет, раскрывает, конкретизирует или обобщает содержание первой. Например: *Керсәләр, исләре китте, акыллары таралды: камыр сыны, малай булып, кәжә бәтиләре белән уйнап йөри* (Камыр батыр). ‘Они вошли в дом и замерли от удивления: мальчик из теста играет с козлятами’. Такие примеры встречаются и в других тюркских языках: башк. *Уның донъяһы теүәл: байлық яқшы, тамақ туқ, өс бөтөн, ауырлық күрмәй*. ‘У него все в порядке: состояние хорошее, сыт, обут, трудностей не видит’ [ГСБЛЯ, 1981: 449]; кирг. *Дагы алга карай жылууга эч кандай мүмкүнчүлүк болбоду: ай қараңгы, айлана түнт токой; жол қайсы экендигин билип болбойт*. ‘Продвигаться вперед было невозможно: темная ночь; кругом густой лес; невозможно различить где дорога’.

В последнем примере, помимо пояснительного отношения, присутствует еще и имплицитно выраженная причинная семантика.

Следует отметить, что среди союзных пояснительных конструкций наиболее употребительным являются построения с союзным словом *ягъни* ‘то есть’, которое обеспечивает самое полное выражение тождества. Такое пояснение выполняет коммуникативную функцию разъяснения требующего (с точки зрения говорящего) объяснения компонента. Например: *Миңа бирелгән жәза да шуңа тартым, ягъни мин дә коточкыч рухи газалар кичерергә хөкем ителдем* (А. Тимергалин. Сэнгәтә бакчасында). ‘Данное мне наказание тоже было немного похожим на это, то есть я тоже был приговорен к ужасным душевным страданиям’; *...Сөю идеалдыр ул, ягъни гарәпчә: максады әкъса* (Г. Тукай. Иһтида). ‘Любовь – это, наверное, идеал, то есть по-арабски: наивысшая цель’.

Союзные слова *төгәлрәк әйткәндә* ‘а именно’, *дөрәсрәге* ‘точнее’ конкретизируют, выражают полное тождество объектов: *Картлар үзләреннән үзләре генә картаймый, аларны яшьләр, дөрәсрәге, аларның сиңа булган мөнәсәбәте картапта* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Старики не стареют сами по себе, их старит молодежь, точнее их отношение к ним’; *Көндәлегемне дә вакытым булганда, дөрәсрәге, хәлем булганда гына яза алам* (Р. Галиуллин. Хушыгыз, кешеләр!). ‘И свой дневник я могу заполнять лишь тогда, когда у меня есть время, точнее силы’.

В пояснительных конструкциях с союзными словами *мәсәлән* ‘например’, *аеруча* ‘особенно’, *шул исәптән* ‘в том числе’ содержится семантика включения. В таких примерах пояснение представляет поясняемое не в полном объеме, а играет роль частного в содержании всего предложения. Например: *Кош-кортны бик сөчән иде, аеруча карлыгач белән күгәрченнәрне бик кадерли иде* (Г. Ибраһимов. Тирән тамырлар). ‘Он очень любил всяких птиц, особенно ему нравились ласточки и голуби’. В других тюркских языках: кум. *Сиз, онунчу классны охувчулары, айрокъда яхшы охумагъа тарыкъсыз*. ‘Вы, учащиеся десятого класса, должны особенно хорошо учиться’.

Слово *мәсәләң* ‘например’ вводит в предложение приведенный в пояснение чего-нибудь пример, образец. Например: *Мондый изге эшнең үз вакыты да булгандыр бит, мәсәләң, яшьлек чагы...* (Г. Минский. Канәфер чәчәге). ‘У такого святого дела, должно быть, было свое время, например, время молодости...’

Союзное слово *аерым алганда* ‘в частности’ используется для подчеркивания чего-нибудь отдельного, частного. Например: *Барлык жыйелган халык, аерым алганда яшьләр, әлеге тәкъдимне шатланып кабул итте.* ‘Собравшийся народ, в частности молодежь, с радостью приняла это предложение’.

Союзное слово *шул исәптән* ‘в том числе’ имеет семантику присоединения. Например: *Барлык жыйелган халык, шул исәптән яшьләр дә, әлеге тәкъдимне шатланып кабул итте.* ‘Собравшийся народ, в том числе и молодежь, с радостью приняла это предложение’.

В этом же значении используется конструкция *ул санда / шул санда* ‘в том числе’: карач.-балк *Былайдагъылагъа, ол санда сизге да, ашыкъмазгъа керекди.* ‘Всем здешним, в том числе и вам, не нужно (не следует) торопиться’ [ГК.-Б.Я, 1976: 480].

Союзное слово *бигрәк тә* ‘особенно’ употребляется, когда поясняющий компонент представляет особый, наиболее важный пример. Например: *Алар, бигрәк тә әнкәй, кәңдәлек тормышта һәрдаим очрап торган һәртөрле мәсәләләрдә әткәйне үзенең алыштыргысыз киңәшчесе итә белде* (Ф. Яхин. Иделем акчарлагы). ‘Они, особенно мама, сумела сделать отца своим незаменимым советчиком в различных вопросах, постоянно возникающих в повседневной жизни’; *Ышан сүзенә, бигрәк тә – үз күзеңә* (Мәкаль). (букв. ‘Верь чужим речам, особенно – своим очам’). ‘Не верь чужим речам, а верь своим очам’ (Пословица).

Союзное слово *хәтта* ‘даже’ выделяет частный признак как неожиданное обстоятельство. Например: *Саллар әкрән генә, хәтта күзгә күренмәс дәрәжәдә әкрәнлек белән кузгала* (Г. Ахунов. Идел кызы). ‘Плоты медленно, что даже не разглядеть, начинают двигаться’; *Гуннарда өйләнешү, сөешү, гомумән, ирекле иде,*

кияүгә чыгу да хәтта (М. Хәбибуллин. Атилла). ‘У гунов женитьба, любовь, вообще, было свободным, даже замужество’; *Зарифны тагын үртәде, хәтта чәнчеп тә алды бу сүзләр* (Г. Минский. Канәфер чәчәге). ‘Зарифа снова задела, даже укололи эти слова’.

При пояснительных отношениях в предложении с определенной коммуникативно-прагматической целью вводится более детальная, более конкретная информация по сравнению с фактами, представленными поясняемым компонентом.

Компонентам пояснительной конструкции характерен грамматический параллелизм. Пояснение дублирует синтаксическую роль поясняемого.

Поясняющий компонент может пояснять как отдельное слово в предложении, так и полностью само предложение. Например, в следующих примерах поясняются отдельные слова: *Маңгаенда аның уч төбедәй генә ак табы – йолдызы бар* (Н. Фәттах. Ител суы ака торур). ‘У него на лбу есть маленькое белое пятно – звездочка’. В других тюркских языках: гаг. *Чожук ертеси гүнү гидий гене ораи, о аажа*. ‘Парень на следующий день идет снова туда, к тому дереву’ [Покровская, 1978: 46]; к.-калп. *Биз, от оратугын машина айдап атырган балалар, Дәниярды биришии рет көрдик* (Ч. Айтматов). ‘Мы, работавшие на сенокосилках парни, впервые увидели Данияра’; кум. *Фольклор – халкыны авуз яратывчулугъу – гертилей де, чебер адабиятны анасы йимик зат*. ‘Фольклор – устное народное творчество, – действительно, как мать художественной литературы’ [Агаева, 2010: 12].

В нижепоследующих примерах поясняется полностью предложение. Как показал анализ собранных нами примеров, иногда в этом случае поясняющий компонент выходит за рамки основного предложения и оформляется в виде отдельного самостоятельного предложения. Например: *Бая гына янғын ураган агачның уты хәзер бөтенләй күренми иде диярлек. Дөрөсрәге, һәммә тараф куе яңгыр пыяласы артында калды* (Ф. Яхин. Ак канатлы бөркет баласы). ‘Сейчас уже почти не было видно пламени, еще совсем недавно горевшего дерева. Точнее все вокруг осталось за стеклом сильного дождя’; *Әмма бу гаиләгә дә бәхет иңде*.

Ачыграк итеп айткәндә, бәхетсезлек бәхет китерде (М. Маликова. Арыш тәме).
 ‘Но и в эту семью пришло счастье. Точнее сказать, несчастье принесло счастье’.

С помощью поясняющего компонента воссоздается целая ситуация. Таким образом, в пояснении содержится имплицитная информация, которая, в свою очередь, обладает различной семантической наполненностью. Например:

- Пояснение пространственных либо временных координат событий: *Әле күптән түгел генә, моннан ике ел элек, Әминнәрнең өенә ярты чакрымлап ераклыкта иде ул* (К. Әмири. Югалган малай). ‘Еще совсем недавно, два года тому назад, это находилось на расстоянии примерно полкилометра от дома Амина’. В других тюркских языках: гаг. *Бурда, стеновозлук одасында, генчләр йазыләрлар, оннары кутлээрлар*. ‘Здесь, в зале бракосочетания, молодые расписываются, их поздравляют’ [Покровская, 1978: 46]; карач.-балк. *Былайда, Асандырланы межгитни аллында, бир аз кьарт олтурунду*. ‘Здесь, во дворе медресе Асандыровых, сидят несколько стариков’ [ГК.-Б.Я, 1976: 472].
- Добавление к исходной новой информации, которая не дублирует предыдущую (при этом актуализируется признак или обстоятельство действия): *Кайсы көннәрдә, бигрәк тә кояшлы, тын иртәләрдә, ниндидер кошларның матур гына сайраган авазлары яңгырый* (Ә. Касыймов. Гомер ике килми). ‘В некоторые дни, особенно в солнечные, тихие утры, слышатся звуки пения каких-то птиц’. В других тюркских языках: гаг. *Гелер о. Атлы гелер, ики киши да – ики салдат та – йаннарында*. ‘Приезжает он. Приезжает верхом, а два человека – два солдата – у него с двух сторон’ [Покровская, 1978: 44].
- Пояснение может указывать на конкретное лицо: *Фатыйма анабыз көннәр буге, атналар буге, зарыгып, сөөкле кешедән – очучыдан аваз көттө* (Ә. Баянов. Канатлы көймә). ‘Наша тетя Фатима целыми днями, неделями с нетерпением ждала вестей от своего любимого человека – летчика’; гаг. *Бен ону йүредежәм, дәрмиш, бу чождуу, аужилаа*. ‘Я его

обучу, говорит, этого мальчика, охотничьему делу’ [Покровская, 1978: 45].

- Поясняющий компонент может содержать индивидуализацию, которая выражается через имя собственное: *Аңа, – Хәтирәгә, – карата нинди ихтирамлы, нинди ягымлы иде бит алар* (М. Галәү. Мөһажирләр). ‘А какими уважительными, какими добрыми были они по отношению к ней – к Хатире’; *Хәзер алар өчесе дә – Әнвәр дә, киленебез Зөлфә дә, нәни оныгыбыз Рәшиит тә – теге якта йоклап яталар* (Э. Касыймов. Гомер ике килми). ‘Сейчас они все трое – и Анвар, и наша сноха Зульфа, и наш маленький внук Рашид – спят в той комнате’; *Фатыйма апаны, күпләрнең сөекле артисткасын, һәр жәрдә һәркайчан таныш булмаган кешеләр дә танып, исәнләшергә, елмаеп сәлам бирергә ашыгалар* (Ә. Баянов. Канатлы көймә). ‘Тетю Фатиму, многими любимую актрису, всегда везде узнают, даже незнакомцы спешат поздороваться с ней, улыбнуться’. В других тюркских языках: гаг. *Бир да баарэр комшуйкасына – бабу Катинкайа*. ‘И сразу кричит своей соседке, бабке Катинке’ [Покровская, 1978: 45]; кум. *Полкну командири – полковник Сулимов – мени обзюню ягъына чакъырды*. Командир полка – полковник Сулимов – пригласил меня к себе [Агаева, 2010: 12].
- В качестве пояснения может выступать более употребительное название, синоним слова: *Шуңа куанам: мине урындагы кешеләр (жәитәкчеләр) югалтмадылар* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Радуюсь тому: меня не теряли люди на местах (руководители)’; *Ул башы белән гарепкә (көнбатышка) таба ята* (С. Шакир. Үлемнән көчлерәк). ‘Он лежит головой в сторону запада (к западу)’. В последнем примере в качестве поясняемого и поясняющего компонентов использованы устаревший и современный варианты одного и того же слова.
- Поясняющий компонент может вводиться для выражения максимальной точности, с целью корректировки: *Жәйге, дөрөсрәге көзге, каникулдан*

соң Айзирәк Энҗия белән бергә яшәмәде, фатирдан чыкты (М. Маликова. Арыш тәме). ‘После летних, точнее осенних, каникул Айзиряк не жила вместе с Энжией, съехала из квартиры’; *Картлар мал-мөлкәтне бүләргә керештеләр. Дөрөсрәге, үзенә кирәкмәгән әйберләрне генә биргән Вафаны җөпләп кенә тордылар* (М. Галәү. Болганчык еллар). ‘Старики начали делить имущество. Точнее они лишь поддерживали Вафу, который давал только ненужные ему самому вещи’; *Кичен, кояш баеганчы ук, Гөлнара Рәшитовнаны клубка ияртеп алып барырга дип, күрше кызы Зәринә керде* (Ф. Яхин. Мөгаллимә кыз). ‘Вечером, еще до захода солнца, для того, чтобы вместе пойти в клуб с Гульнаррой Рашитовной, зашла соседка Зарина’.

- Пояснение через сопоставление: *Аннары кеше кулыннан килгәнчә хезмәт, иҗәт итә, балалар үстерә, мал-мөлкәт туплый – ягъни чирек гасыр буе дөнъяның дилбегәсен ул үз кулында тота* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Потом человек по мере своих сил и возможностей трудится, созидает, растит детей, накапливает имущество – то есть на протяжении четверти века он держит в своих руках вожжи мира’; *...Изге, шәфкатьле анабыз – мәрхәмәтле җир җылыый* (Г. Тукай. Көзге жыллар). ‘...Плачет наша святая, великодушная мать – милосердная земля’.

Важную роль в пояснительных отношениях играет порядок компонентов. Позиция частей пояснительной конструкции обладает грамматическим значением. Порядок компонентов в таких конструкциях строго фиксирован и характеризуется обязательной постпозицией зависимого слова.

2.6. Поясняющая функция присоединительных конструкций

Поясняющий компонент может быть оформлен в виде присоединительной конструкции: *Бу мэлдэ Афанасий бөтөнлэй бүтэн нэрсэ турында уйлый башлаган иде. Дөресрәге, ул моны бик тә ачык итеп уйлап өлгөргән иде инде* (Н. Акмал. Шәкүр). ‘К тому времени Афанасий уже начал думать совсем о другом. Точнее он уже успел тщательно все продумать’.

Следует отметить, что в таких примерах наблюдается наложение пояснительных и других отношений. Например: *Күн очракта туры сүз – ачы агу, ялган – шифалы дару ул. Бигрәк тә йөрәк ярасына!* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘В большинстве случаев правда – горький яд, а ложь – целительное лекарство. Особенно на сердечную рану!’; *Безнең илдә фатир алу беркайчан да эңиңел булмады. Бигрәк тә эш кешесенә* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘В нашей стране приобретение квартиры никогда не было легким, особенно рабочему народу’. В этих случаях посредством пояснений вводятся недостающие в основных предложениях объект и субъект действия.

В примерах *Кешеләр үзләренә киңәшче эзләүчән. Бигрәк тә тормышларының катлаулы чакларында* (Ф. Яхин. Иделем акчарлагы). ‘Людям свойственно искать себе советчиков. Особенно в моменты непростых жизненных событий’; *Илгизәр өчен газәплә кәңнәр әнисен эңирләгәч башланды. Бигрәк тә әтисе икенче «әни» алып кайткач* (Н. Хәсәнов. Кичеккән күке моңы). ‘Скорбные дни для Ильгизара начались после похорон матери. Особенно после того, как его отец привел в дом другую «маму»’ между присоединительной конструкцией и основным предложением устанавливаются и пояснительные, и временные отношения.

В примере *Пикникта сине дә катнаша дигәч, шуны ачыклау сылтавы белән сезгә кереп чыгарга булдым. Дөресен әйткәндә, ул елларда гел сине күрәсе, бергә буласы килеп кенә тора иде* (Г. Минский. Канәфер чәчәге). ‘Когда сказали, что на пикнике будешь и ты, я под предлогом уточнения решила заглянуть к вам. По

правде говоря, в те годы все время хотелось видеть тебя, быть с тобой рядом' выражаются пояснительные и каузальные отношения.

В следующем примере темпоральная семантика поясняется посредством нескольких присоединительных конструкций: *Рэхэт кояшлы, хуш исле, сагындырган, тансык яз башында. Көчле, куәтле, биеп торган чагыңда. Парта арасында бөрешеп утыра-утыра алэҗып беткән яшь тәнең хәрәкәт сорап торганда* (Л. Ихсанова. Шомырт чәчәкләре ак кына...). 'Хорошо в начале солнечной, ароматной, желанной, долгожданной весны. Когда ты полон сил, энергия жизни бьет из тебя ключом. Когда твое молодое тело, уже уставшее сидеть за партой, просит движения'.

В лингвистике считается, «что основной смысловой функцией присоединения является функция добавочного сообщения. Некоторые исследователи усматривают при присоединительной связи не только функцию добавочного сообщения, но и функцию выделения существенного, важного с точки зрения автора» [Бачиева, 2007: 25].

Присоединительные конструкции образуются в связи с коммуникативной потребностью говорящего в передаче дополнительной информации. Таким образом, любая присоединительная конструкция несет в себе пояснительную семантику. Передача различных значений с помощью присоединенных синтагм в татарском языке изучена Ф. С. Сафиуллиной [Сафиуллина, 1978].

Выводы по главе 2

Исследование древнетюркских текстов показало, что сочетания, выражающие атрибутивность, встречаются еще в языке тюркских рунических памятников.

В системе атрибутивных отношений татарского языка разделяются атрибутивно-субстантивные, атрибутивно-определятельные и атрибутивно-обстоятельственные значения.

Проведенное исследование подтвердило известное положение о том, что для репрезентации атрибутивных отношений наиболее часто употребляется синтаксическая модель «прилагательное+существительное».

Во многих лингвистических исследованиях отмечается передача атрибутивных отношений прилагательными на *-лы*, которые выражают обладание предметом, свойством, качеством. Это значение формы *-лы* считается самым древним и продуктивным в современном татарском языке. Семантика обладания формы *-лы* была широко распространена еще в древних тюркских памятниках (например, словарь Махмуда Кашгарского).

Интересно отметить, что аффикс *-сыз* в составе относительного прилагательного-определяющего слова в атрибутивных словосочетаниях в различных фонетических модификациях используется во многих тюркских языках, кроме алтайского, тувинского, хакасского, шорского и якутского. Одним из способов выражения определяющего слова в атрибутивных конструкциях является причастие на *-ган*, которое изначально было общетюркским, однако в огузских языках его вытеснело причастие на *-мыш*.

В некоторых тюркских языках атрибутивная семантика, передаваемая формой второго типа изафета, может быть оформлена без аффиксов, что недопустимо для татарского языка. Например: карач.-балк. *терек бутакъ* (букв. 'дерево ветка') 'ветка дерева', *от жарыкъ* (букв. 'огонь свет') 'свет огня', кум.

кьумукъ тиль (букв. ‘кумык язык’) ‘кумыкский язык’, узб. *қўл соат* (букв. ‘рука часы’) ‘ручные часы’, *тиш чўтка* (букв. ‘зуб щетка’) ‘зубная щетка’.

Как показал анализ собранного языкового материала, в определенном контексте предложения, содержащие атрибутивную семантику, приобретают дополнительные смысловые оттенки, образуя атрибутивно-пространственные, атрибутивно-временные, атрибутивно-присоединительные отношения.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что объектные отношения в татарском языке формально схожи с пространственными отношениями. Различить эти отношения можно как по семантике, так и по выражению сказуемого предложения.

Непереходный статичный глагол-сказуемое указывает на то, что имя существительное в направительном падеже – косвенный объект, синтаксическая функция – косвенное дополнение. Неperеходный динамичный глагол-сказуемое свидетельствует о том, что имя существительное в направительном падеже в предложении является обстоятельством места, передается пространственная связь. При объектных отношениях зависимое слово в винительном падеже выступает прямым дополнением, а сказуемое передается статичным глаголом. Зависимое слово в винительном падеже указывает на пространственность, когда сказуемое выражено динамичным глаголом. Когда существительное в местно-временном падеже указывает на место, где находится предмет, оно выступает косвенным дополнением, при выражении места совершения действия – обстоятельством места. Между сказуемым, выраженным переходным динамичным, переходным или непереходным статичным глаголом, и зависимым компонентом в исходном падеже складываются объектные отношения, когда сказуемое – непереходный динамичный глагол, устанавливается пространственная семантика.

Анализ пояснительных отношений показал, что в пояснении содержится имплицитная информация, которая обладает различной семантической наполненностью.

Позиция компонентов пояснительной конструкции имеет грамматический смысл, является строго фиксированной и характеризуется обязательной постпозицией зависимого слова.

Поясняющий компонент может быть оформлен в виде присоединительной конструкции. Поскольку возникновение присоединительных конструкций сводится к коммуникативной потребности говорящего в сообщении дополнительной информации, пояснительная семантика содержится в каждой присоединительной конструкции.

ГЛАВА 3.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МОТИВИРОВОЧНОГО ХАРАКТЕРА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Логико-смысловые значения обстоятельственных отношений

Обстоятельственные отношения сложные и многоплановые. В языкознании традиционно к обстоятельственным относятся логико-смысловые значения времени, места, цели, причины и следствия, условия, уступки. Однако в лингвистической литературе встречается и широкое понимание обстоятельственности (например, исследования Н. А. Андрамоновой [Андрамонова, 1977]).

Типы обстоятельственных (релятивных) отношений выражаются средствами и простого, и сложного предложения. Более адекватной для них являются СПП, поскольку для всех типов обстоятельственных отношений характерна двучленность строения. Компоненты СПП развернуто представляют события действительности, а средства связи частей сложного предложения в большинстве случаев служат и для выражения отношений между ними. Таким образом, сущность обстоятельственных отношений наиболее полно раскрывают обстоятельственные придаточные предложения, и поэтому представляется целесообразным рассмотреть принятой в грамматике классификации подобных конструкций.

СПП с придаточными времени, цели, причины и придаточными условными встречаются и в орхонских текстах, относящихся к памятникам древнетюркской письменности VIII века [Айдаров, 1971: 260].

В «Татарской грамматике» академик М. З. Закиев выделяет следующие типы обстоятельственных придаточных предложений в татарском языке:

придаточные предложения времени, места, образа действия, меры и степени, причины, цели, условия и уступки [Закиев, 1995].

И в других тюркских языках представляется примерно такой же состав обстоятельственных придаточных предложений. Например, в азербайджанском языке выделяются придаточные времени, места, образа действия, сравнения, меры и степени, причины, следствия, цели, условия, уступительные [ГАЯ, 1971]. (В труде З. И. Будаговой: придаточные времени, места, меры и степени, причины, цели, образа действия, следствия, сравнения, условия, присоединительные, противительно-уступительные придаточные [Будагова, 1982]). В башкирском языке – придаточные времени, места, причины, следствия, цели, образа действия, меры и степени, сравнения, условия, придаточное уступительное [ГСБЛЯ, 1981]. В гагаузском языке представляются придаточные времени, места, цели, причины, следствия, образа действия, сравнения, меры или степени, условия, уступки [Гайдаржи, 1981]. В карачаево-балкарском языке выделяются придаточные места, причины, следствия, образа действия, времени, цели, сравнения, повторяемости, условные и уступительные придаточные предложения [ГК.-Б.Я, 1976]. В узбекском языке – придаточные времени, причины, следствия, условия, уступительные (в узбекском языке кроме вышеназванных выделяются обобщающие уступительные придаточные предложения, которые выражают обобщающие определительно-объяснительные, локативные и временные отношения, также условно-временные предложения) [Кононов, 1960].

Таким образом, традиционная классификация СПП строится на характере придаточной части. Тем не менее необходимо обратить внимание на следующий момент: обстоятельственные отношения имплицитно могут складываться и между компонентами ССП и БСП.

Значения обстоятельственных отношений, являющихся внутренними связями явлений, выявляются посредством логического анализа семантического содержания предложения/контекста. Часто наблюдается переплетение в одной конструкции нескольких смысловых отношений, выявляются синкретичные значения, и формальные показатели не могут служить способом разграничения

разных семантико-синтаксических отношений. Помимо этого, одни и те же средства связи употребляются для передачи нескольких значений, одна и та же семантика выражается разными формальными средствами. Следовательно, средства связи не могут быть маркерами отдельных семантико-синтаксических отношений. «Содержание, передаваемое формальными средствами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации. Говорящий может выразить одно и то же смысловое содержание разными средствами, которые отличаются друг от друга с точки зрения интерпретации смыслового инварианта» [Теория функциональной грамматики, 1987: 24].

Типам обстоятельственных отношений, которые являются функционально-семантическими категориями, свойственна смысловая вариативность. Нам представляется целесообразным разделить обстоятельственные отношения на отношения мотивировочного характера и ситуативного плана. Основанием для такого разделения выступает мотивированность следствия, которое выражается главной частью, действием, названным в придаточной части в обстоятельственных отношениях мотивировочного характера. А обстоятельственные отношения ситуативного плана указывают на внешнюю связанность двух явлений.

3.2. Структурно-семантическая общность и специфичность каузальных и целевых отношений

И понятие *цель*, и понятия *причина*, *следствие* относятся к логико-философской категории. В «Философском энциклопедическом словаре» цель трактуется как один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, характеризующий предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации при помощи определенных средств. «Анализ деятельности как целенаправленной предполагает выявление несоответствия

между наличной жизненной ситуацией и целью; осуществление цели является процессом преодоления этого несоответствия» [ФЭС, 1989: 731].

Таким образом, цель является стремлением субъекта действия, ожидаемым результатом определенных действий. А причина порождает другое явление, которое называется следствием, предшествует ему во времени и выступает основой его возникновения. В отличие от причины и следствия, цель всегда направлена на будущее, осуществление конкретной цели требует определенной осознанной деятельности.

Отношения цели выражают обусловленность, при которой одно событие представляется в качестве потенциального результата другого события. Между тем каждое из этих событий содержит основание: в придаточной части одновременно сообщается о стимуле и выражается предполагаемый результат, а в главной содержится информация о предпосылке, которая предопределяет, обеспечивает ожидаемое следствие.

По мнению некоторых исследователей, цель является толкуемым понятием, тогда как причина – нетолкуемым. «Цель толкуется как раз через причину, но с другой стороны, при описании причинной лексики мы не можем обойтись без обращения к ситуации целеполагания» [Богуславская, 2004: 69].

Семантика причины входит в понятие цели. При репрезентации целевых отношений действия выполняются субъектом, поскольку он считает, что определенные действия помогут ему достичь желаемой цели. Понятие цели имеет непосредственную связь с желаниями и действиями говорящего для реализации этих намерений, включает в себя две ситуации, при этом одна из ситуаций выступает в качестве обоснования другой.

Семантика цели, также как причинно-следственная, реализуется на различных синтаксических уровнях. На уровне простого предложения целевые и каузальные отношения репрезентируются при помощи обстоятельств цели и причины.

Сложность разграничения целевых и причинно-следственных отношений в первую очередь связана со способностью одних и тех же средств связи передавать как каузальное, так и целевое значение.

«Выдвижение семантики на первое место в лингвистических исследованиях и осознание главной роли предложения в системе языка привели к повышению интереса к семантике предложения, одним из наименее изученных моментов которой является частое несоответствие между формой и содержанием данной синтаксической единицы» [Николаева, 2008: 3].

В татарском языке и обстоятельства цели, и обстоятельства причины могут выражаться с помощью имен существительных в направительном падеже, зависимых членов, подчиненных главному послелогом *өчен* ‘для’, послеложным словом *дип*.

Целевую и каузальную семантику можно различить с помощью смыслового содержания предложения. Направленность действия на будущее в целевой конструкции и порождаемость одной ситуации другой в причинно-следственном высказывании позволяет различить эти две интерпретации. Далее для сравнения обратимся к конкретным языковым примерам.

Выражение ПСО: ...*Азамат ирнең баласы аз сөйләр дә күп тыңлар, атасы йортка киңәш иткәнгә* (Мәкаль). ‘Ребенок величественного мужчины мало говорит да много слушает, потому что его отец дает советы’ (Пословица). В других тюркских языках: алт. *Бу тўнде дьотконго көп агаиш сынды*. ‘От бури в эту ночь сломалось много деревьев’; *Ол коркыганына (коркуганына) онынъ дьўреги тирстилеп турды*. ‘От страха у него замерло сердце’ [Дыренкова, 1940: 247]. Репрезентация отношений цели: алт. *Өлөнъгө барган*. ‘Поехал за сеном’; *Акчаа (акчага) келдим*. ‘Пришел за деньгами’ [Дыренкова, 1940: 248]; узб. *Мен сувга келдим...* ‘Я пришла за водой’ [Кононов, 1960: 97].

Яратамын быел килгән кышны, Былтыргыдан ерак булган өчен (Ф. Жамалетдинова. Мин яратам быел яуган карны...). ‘Я люблю зиму в этом году за то, что она уже осталась позади’; *Без шәһәргә укыр өчен килдек*. ‘Мы приехали сюда, чтобы учиться’. Как видим, в этих примерах послелог *өчен* связывает с

главным зависимый компонент словосочетания и устанавливает смысловые отношения (*былтыргыдан ерак булган өчен яратам* ‘люблю за то, что она уже осталась позади’ и *укыр өчен килдек* ‘приехали, чтобы учиться’).

В первом предложении говорящий объясняет, почему он любит зиму в этом году – передается ПСО. Во втором примере называется цель приезда в город: приехали, чтобы учиться. Действие направлено на будущее, между обстоятельством и сказуемым устанавливается целевая семантика.

В некоторых целевых конструкциях направленность действия на будущее выражается сказуемым в форме будущего времени. Например: *Богауларны өзеп ташланыр* күк, *Саклар өчен уттан Казанны* (Р. Вәлиев. Музейда янғын). ‘Кажется, что он, сорвав цепи, бросится спасать Казань от огня’; *Гашыйкларны парлап санар өчен Уяндылар Кремль баскычының ташлары* (М. Шабәев. Ай, Казанка һәм гашыйклар). ‘Проснулись камни кремлевской лестницы, чтобы сосчитать влюбленные пары’; *Суын түкмәс өчен, Миңлеасия биш-биш атлый* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Чтобы не пролить воду, Минлеасия идет, словно танцует’.

В сложном предложении, как правило, форму будущего времени принимает сказуемое придаточного предложения цели. Например: *Уллар үстердем, балаларым қарт көнемдә терәк булып диг.* ‘Вырастила сыновей, мол, будут они опорой на старости лет’. В других тюркских языках: башк. *Улдар үстергәйнем, уландарым қарт көнемдә терәк булып тип.* ‘Вырастила сыновей, мол, будут они опорой на старости лет’ [ГСБЛЯ, 1981: 462].

Менә идек һәрбер кыя өчен талаша-талаша (Р. Харис. Югары дөнъя). ‘Мы стремились ввысь, борясь за каждую скалу’ – каузальность; *Батыр үзе өчен туар, кеше өчен үләр* (Мәкаль). ‘Герой рождается для себя, а умирает ради других’ (Пословица) – цель.

Далее рассмотрим употребление подобных предложений на материале других тюркских языков. Алт. (*Адам оору,*) *онынь учун дьянып келдим.* ‘(Мой отец болен,) из-за него я вернулся’. *Менинь учун эдип сал.* ‘Сделай это для меня’ [Дыренкова, 1940: 215]. Как видим, в обоих примерах есть одинаковые средства

связи, тем не менее предложения передают разные смысловые отношения. В первом примере говорящий вернулся по той причине, что его отец болен, т. е. выражается ПСО; во втором – действие, которое направлено на будущее, должно осуществиться ради кого-то (сделай для меня), выражается целевая семантика.

Азерб. *Паша далы гапыја сары отурдузу үчүн ону көрмәди*. ‘Паша не увидел его, так как сидел спиной к двери’ [ГАЯ, 1971: 302] – каузальность; *Трест мүдүри данышмаг үчүн Күлшәнә сөз верди*. ‘Заведующий трестом предоставил слово для выступления Гюльшен’ [ГАЯ, 1971: 303] – цель. Башк. *Қыйыу улдар тыузырғаны өсөн Күккә осоролған ауылдар*. ‘В небо прахом взмечены аулы за то, что породили отважных сынов’ [ГСБЛЯ, 1981: 414] – каузальность; *Кеше донъяны йәмһезләү өсөн түгел, матурлау өсөн йәшәй*. ‘Человек живет для того, чтобы украшать, а не осквернять землю’ [ГСБЛЯ, 1981: 415] – цель. К.-калп. *Көтериүши кранның түсиүи ушын рычагты басты*. ‘Чтобы опустить стрелу подъемного крана, он нажал на рычаг’ [Давлетов, 1989: 19] – цель. Карач.-балк. *Иги ишлегени ючюн Назифатха орден берилгенди*. ‘За хорошую работу Назифат дали орден’ [Алиев, 1972: 196] – каузальность; *Итге арыкълыгын билдирмез ючюн бөрю тюзюн чюйре айландыра эди*. ‘Чтобы не показать собаке свою худобу, волк шерсть свою наизнанку вывернул’ [Алиев, 1972: 198] – цель. Тур. *Param olmadığı için taksii ile geledim* – каузальность; *Görüşmelerin başarılı sonuçlanması için bunlara Bakanlık temsilcisi katılmalıdır* [Щека, 2007: 425, 426] – цель. Туркм. *Ёлдашымызы сыланымыз үчин, биз оны угратмага вокзала гелдик*. ‘Из уважения к товарищу мы пришли на вокзал проводить его’ – каузальность; *Биз Москва окамак үчин гелдик*. ‘Мы приехали в Москву учиться’ [СГРиТЯ, 1977: 82, 83] – цель. Узб. *Мен бу ерлар билан таниш бўлмаганим учун бу дарёнинг қайси дарё эканини ва исмини ҳам билмас эдим*. ‘Так как я не был знаком с этими местами, я не знал, что это за река, и даже не знал ее названия’ [Кононов, 1960: 383] – каузальность; *Бахт қушини ушламоқ учун бахт овига чиқинглар*. ‘Для того чтобы поймать птицу счастья, выходите на охоту за счастьем’ [Кононов, 1960: 303] – цель. Уйг. *У өзиниң соалига жавап бериш үчүн қийнилатти*. ‘Он мучился, ища

ответ на свой вопрос' – каузальность; *У чоңкур тинивалди вә кәтмәк үчүн аста қозғалди*. 'Он глубоко вздохнул и медленно поднялся, готовясь уйти' [Наджиц, 1960: 121] – цель.

Как показывают рассмотренные примеры, при выражении семантики цели послелог *өчен* указывает на осознанную деятельность субъекта, действующего в чьих-то интересах.

Выражение причинно-следственных и целевых отношений при помощи послелога *өчен* встречается еще в орхонских памятниках. Например: *Өзүм қутым бар үчүн қазан олуртым*. 'У меня самого было счастье, поэтому я сел на царство каганом'; *Теңрі йарылқадуқ үчүн*. 'Ради милости бога'; *Түрк будун үчүн түн удыматым*. 'Я ради тюркского народа не спал' [Айдаров, 1971: 89, 115].

Проанализированные выше примеры показывают, что в ПП, содержащих ПСО, в субъектно-предикатной линии располагается следственная часть, а причинная часть выражается обстоятельством причины: *Язмаларымның тәртипсезлеге, көннәрнең төгәл санын куймаганым өчен дә битәрләмәгез* (Р. Галиуллин. Хушыгыз, кешеләр!). 'Не ругайте меня и за неразборчивость моих записей, за то, что не указал точные даты'.

Обстоятельство может выражать цель совершения действия, названного сказуемым: *Йөрәк януларын басар өчен, чыгып киттем Казанга* (Р. Галиуллин. Тимер капка артында). 'Чтобы унять пылающее огнем сердце, я уехал в Казань'; *Юлбарыс баласын тоту өчен, юлбарыс оясына керергә кирәк* (Мәкаль). 'Для того, чтобы поймать тигренка, нужно войти в логово тигра' (Пословица).

В татарском языке одним из способов репрезентации ПСО выступают деепричастные формы. Деепричастия служат для обозначения причины, заключающейся в добавочном, дополнительном действии. Анализ языкового материала показал, что деепричастная форма *-ын/-еп* может передавать и значение цели.

Как показал анализ языкового материала, чаще всего при выражении каузальности деепричастные формы выражают мотивы выполнения процесса,

указывают на физиологическое состояние, эмоционально-психическое настроение, переживания и чувства субъекта действия. Например:

Әмир әтисенә эндәшергә дип калкынган иде дә, аның арган кырыс йөзен күреп, эндәшмәскә булды (Р. Зәйдулла. Кәүсәләрдә кәүсәр суы). ‘Амир хотел было что-то сказать отцу, но увидев его уставшее, суровое лицо, решил не беспокоить’.

Ул, үпкә чире белән җәфаланып, Ялтага дәваланырга киткән иде (И. Сәлахов. Тайгак кичү). ‘Он, измучившись болезнью легких, отправился в Ялту на лечение’.

Өйдәге шау-шуны ишетеп, бүтәннәр дә торды (Ш. Еникеев. Солтангәрәйнең язмышы). ‘Услышав шум в доме, встали и другие’.

Берәү туеп сикерә, берәү туңып сикерә (Мәкаль). (букв. ‘Один прыгает от сытости, а другой от холода’). ‘Кто от жиру бесится, а кто от холода трясется’ (Пословица).

Төтеннән куркып, утка керү (Мәкаль). (букв. ‘Войти в огонь, испугавшись дыма’). ‘От волка бежал да на медведя напал’ (Пословица).

В других тюркских языках:

алт. *Койлор ачына тып, сууга мантажа берген*. ‘Овцы сильно хотели пить, побежали к воде’ [Байжанова, 2004: 73].

к.-калп. *Исинип терисине сыймай үйге кирген Сейилбекти көрүп, Әбди орнынан ушып турды*. ‘Заметив вошедшего в дом разгневанного Сейилбека, Абди вскочил с места’ [Давлетов, 1989: 28].

Решил не беспокоить по той причине, что увидел уставшее, суровое лицо отца; отправился в Ялту, потому что измучился болезнью; все встали, так как слышали шум; прыгает (бесится), потому что сыт, трясется, потому что холодно; вошел в огонь, потому что испугался дыма; побежали к воде, так как сильно хотели пить; увидел разгневанного Сейилбека, поэтому вскочил с места →

описываются причины, в большинстве случаев породившие неосознанные/неконтролируемые следствия.

Такие конструкции могут образовать и сложное предложение. Например: алт. *Кӧкси кадалыжып, ӧндӧйип болбоды*. ‘В груди покалывает, нагнуться не смог’ [Байжанова, 2004: 68].

Таким образом, в подобных случаях выражаются состояние субъекта и причина этого состояния. И. Г. Чередниченко расценивает подобные примеры как предложения эмоционального обоснования [Чередниченко, 1948: 117]. Тем не менее, как справедливо отмечено Н. А. Андрамоновой, «в них содержится не эмоциональное обоснование, а обоснование эмоционального состояния» [Андрамонова, 1977: 90].

«Способность деепричастия передавать осложняющие его семантику причинно-следственные отношения отражает гносеологический процесс вычленения следственных отношений из отношений временной последовательности, а также свидетельствует о тесной связи категории причинности с категорией времени» [Губанов, 2016: 28].

Как показывают проанализированные примеры, при репрезентации каузальной семантики с помощью глагольных конструкций с деепричастным оборотом глаголом выражается событие-следствие, тогда как деепричастием – событие-причина.

При выражении семантики цели действие совершается с конкретной целью, осознанно. Например: *Әнкәй, бәләш пешерергә жыенып, мичкә ягып жибарде* (Р. Вәлиев. Иске сәгать дәрәс йәри). ‘Мать, собравшись делать белиш, затопила печку’; *Әхәт, данлыклы көрәшче турында күбрәк белергә теләп, Жәләй абыйсына сорау арты сорау яудырды* (Р. Галиуллин. Әхәт Батыр). ‘Ахат, желая побольше узнать о знаменитом борце, задавал вопрос за вопросом дяде Джалю’. В других тюркских языках: башк. *Рәшит, Әминәне тынысландырырга теләп, низер әйтте*. ‘Желая успокоить Амину, Рашит что-то сказал ей’ [ГСБЛЯ, 1981: 415].

В вышерассмотренных предложениях выражается определенное намерение субъекта действия: затопила печь с определенной целью; задавал вопросы, чтобы узнать побольше; сказал для того, чтобы успокоить. Необходимо отметить, что здесь в зависимых предикациях используются глаголы 'хотеть' и 'собираться'. Таким образом, важную позицию при выражении целевого значения занимает лексическая семантика зависимой предикации. Дело в том, что значения цели «встроены» в сами эти глаголы (*телэргэ* 'хотеть' и *жыенырга* 'собираться'). Если же говорить о связи между сказуемым и обстоятельством, которое выражается деепричастием, то собственно значение цели она не выражает. Ведь в последнем случае, например, мы должны установить связь между событием 'Рашит что-то сказал' и 'Рашит **хотел** успокоить Амину'. Связь между этими событиями все же именно причинная (хотел, поэтому сказал). Целевые отношения связывают **сказать** и **успокоить**. Связь между двумя событиями выражает не просто маркер-деепричастие, а именно деепричастие глагола 'хотеть'.

«Желание лежит в основе любой целенаправленной деятельности и присутствует в составе всех операций, направленных на достижение результата этой деятельности. Являясь мотивом всех произвольных невынужденных действий субъекта, желание занимает центральное место в системе атрибутов человеческой психики, концепт «желание» используется в качестве семантического множителя... как возможность» [Губанов, 2016: 62].

В татарском языке и придаточные причины, и придаточные цели могут присоединяться к главному предложению при помощи послеложного слова *дип*, послелога *өчен*. Например: (1) *Балалар ач булмасын дип*, (2) *сату өчен икмэк пешерэ, прокатка машина алып кием тегэ, бэйләү бэйли* (Ә. Баянов. Урланган ай). В этом примере зависимое предложение (1), связанное с главным (2) при помощи послеложного слова *дип*, является придаточным цели, поскольку действия, перечисленные во второй предикативной единице, совершаются целенаправленно для достижения названной в первой части сложного предложения цели.

(1) *Житмәсә, берәрсе сарайга килеп кермәгәе дә егетләр хаты укуымны сизмәгәе **dip*** (2) *котым очты* (Г. Мөхәммәтшин. Унсигез яшь). ‘К тому же, я была в ужасе, оттого что кто-нибудь мог войти в сарай и увидеть, как я читаю письмо от парней’. И в этом примере придаточный компонент (1) связан с главным (2) с помощью послеложного слова *dip*, однако между компонентами сложного предложения устанавливается каузальная семантика: была в ужасе, так как боялась, что кто-нибудь войдет и увидит письмо.

Подобные предложения встречаются и в других тюркских языках. Например: карач.-балк. *Мен бери, сен манга бир иги сёз айтырса **деб**, келген эдим.* ‘Я приехал сюда, чтобы ты мне сказал хорошее слово’ [Алиев, 1972: 319]; *Сен юзюлюб кьалырса **деб**, кьарт мени кьошда бир ыйыкьны тутхан эди.* ‘Из-за боязни, что я заболею повторно, старик держал меня неделю’ [Алиев, 1972: 197]. По структуре оба предложения одинаковы: придаточная часть присоединена к главной при помощи послеложного слова *деб*. Однако в первом примере выражена целевая, а во втором – каузальная семантика. К.-калп. *Анаў кунги жумысымның жуўабын алайын **деп** келдим.* ‘Пришел узнать о вашем мнении насчет той моей работы’ [Давлетов, 1989: 20] – цель.

Послеложное слово *деб* выступает в роли целевого и причинного союза в узбекском языке. Например: *Вақт ўтмасин **деб**, болтни устахонада тайёрлатдим;* *Қурбон ота Ўрмонжон ҳали узил-кесил бир гап айтгани йўқ **деб**, Сидиқжонга тасалли берабошлади.* ‘Курбан ата начал утешать Сыдыкджана, так как Урманджан еще не сказал решительного слова’ [Исследования по СГТЯ, 1961: 157].

Послеложное слово *diye* выполняет функцию причинного и целевого союза в турецком языке.

Выражение целевой семантики с помощью *деп* в киргизском языке: *Жаман, жайын айтам **деп**, баарын айтат.* ‘Дурной, желая сказать о своем положении, выболтает все’ (Пословица).

Смысловое отношение между придаточным и главным предложениями, соединенными с помощью послеложного слова *дийип*, в туркменском языке,

«имея оттенок цели, больше тяготеет к причине». Например: *Гарры улы толкунларың бирнәчесини гечирип гойберди-де, берк тутуң дийип, адамлара гыгырды*. ‘Несколько раз старик пропускал большую волну и кричал людям, чтобы они хорошенько взялись за канат’ [СГРиТЯ, 1977: 165].

Как отмечает М. Эрдал, *din (tep)* используется не только при прямой речи, а также в предложениях следствия в языке древнетюркских текстов [Erdal, 2004: 492].

На наш взгляд, в отдельных частных случаях в конструкциях с послеложным словом *din* усматривается не ярко выраженное уступительное значение. Например: кум. *Яз исси деп ятмадым, кыиш сувукъ деп къайтмадым*. ‘Не лежал, хотя (несмотря на то, что) весной жарко; не приехал, потому что (оттого что) зимой холодно’. Вторая часть этого предложения репрезентирует каузальность. В первой части имплицитно выражается уступительное значение, которое выявляется путем анализа смыслового содержания предложения.

Таким образом, при изучении связи между формой и значением во всех случаях необходим наблюдатель, который должен проанализировать смысловое содержание предложения. Тем не менее это не отменяет того, что определенная интерпретация возникает благодаря структуре предложения. Другими словами, носители языка справляются с тем, чтобы понять приводимые предложения определенным образом. Здесь играют роль определенные пресуппозиции, например, априорное – не выражаемое в самом этом предложении – знание о том, что когда жарко, люди больше лежат.

Одним из средств связи частей СПП с аналитическими придаточными являются относительные (союзные) слова *шунуң өчен, монуң өчен* ‘для этого’. *Шунуң өчен*, как правило, используется в СПП с придаточным причины, а *монуң өчен* обычно употребляется в СПП с придаточным цели. Рассмотрим языковые примеры: *Хәким горур гына түгел, гаять үзсүзле дә, теләгәннен жңир ярылса да эшларга саләтле, шунуң өчен берәүлар аны өнәп жңиткермиләр* (М. Әмирханов. Адашу). ‘Хаким не только гордый, но и очень упрямый, способный достичь желаемого несмотря ни на что, за что некоторые его недолюбливают’; гаг. *Кирана*

севмәзмиш бобасыны онун ичин, ани о нек фенаймыш. ‘Кирана потому не любила своего деда, что он был очень плохим человеком’ [Мусаев, 1987: 78]; туркм. *Ягын ягмады, шонун үчин мейданда яз отлары ир гурады.* ‘Весенняя трава в поле рано засохла вследствие того, что не было дождей’ [СГРиТЯ, 1977: 163]; тат. *Монда элек поши күп иде. Аларны усал кешеләр качып-посып ата иде, моның өчен кар төшүен көтәләр* (Г. Мөхәммәтшин. Саумысыз, аккошлар!). ‘Раньше здесь было много лосей. Злые люди охотились на них, для этого ждали, когда выпадет снег’.

В караимском и турецком языках, в отличие от татарского, союз *бунун үчюн*, *bunun için* ‘поэтому’ используется в СПП с придаточным следствия. Например: караим. *Анчах бар ол кёркляр йырчыга эдляр тювюл тувмушларба, да бунун үчюн ол джахлэйт ташлама ол орунларны.* ‘Однако все эти красоты были чужими (неродными) для поэта, поэтому он решает покинуть эти места’; тур. *Son aylarda çok işim vardı, bunun için size mektup yazamadım.* ‘В последние месяцы у меня было очень много работы, поэтому я не смог написать вам письма’ [Щека, 2007: 447].

И в крымскотатарском языке союз *бунынъ ичюн* выражает ПСО: *О санъа мени яманлады, меним акъкъымда чиркин лафлар айтты ве бунынъ ичюн сен оны сөгдинъ, я да бильмейим... бир шамар урдынъ.* ‘Она опорочила меня перед тобой, сказала обо мне нехорошие слова, и поэтому ты ее отругал, или не знаю... ударил’ [Оказ, 2002: 65].

Как уже было отмечено выше, в отличие от каузальной семантики, цель тесно связана с понятиями ‘желать’ и ‘хотеть’, поэтому в большинстве случаев сказуемое придаточного предложения цели принимает форму повелительного наклонения с оттенком пожелания. Например: *Алар, күзләренә кояш нуры төшмәсен дин, кулларын каш өстенә кыйгачлап куйдылар* (Р. Вәлиев. Эт кояшы). ‘Они закрыли лица руками, чтобы солнце не ослепило их глаза’; *Болар барысы да әкият, хатыннар елап тыңласын өчен, шагыйрьләр уйлап тапкан аларны* (Р. Зәйдулла. Дару). ‘Это все вымыслы, это все придумали поэты, чтобы женщины слушали сквозь слезы’; *Жырладым илемне мактап, Жырга бирдем бар көчем,*

Илемнең күге, халкымның Күңеле яктырсын өчен (Г. Зәйнәшева. Нәрсә калдырам?..). ‘В песне своей восхваляла свою страну, все свои силы потратила на это, для того, чтобы всегда над страной было светлое небо, а у моего народа – светлая душа’.

Подобные предложения встречаются и в других тюркских языках: азерб. *Вәли јолдашы илә көрүшсүн дејә ахшам онлара кетди*. ‘Вели вечером пошел к товарищу, чтобы встретиться с ним’ [ГАЯ, 1971: 303]; башк. *Яззарыбыз яқты булһын өсөн, без теләйбез ерзә тыныслық*. ‘Мы хотим мира на земле для того, чтобы наша весна была прекрасной’ [ГСБЛЯ, 1981: 462]; к.-калп. *Әке-шешеси улын Есенгелдидей батыр болсын деп соның атын қойған*. ‘Родители, желая, чтобы их сын стал богатырем, подобным Есенгельды, дали ему это имя’ [Давлетов 1989: 21].

В некоторых случаях и обстоятельства цели выражаются глаголом в желательном или повелительном наклонении. Например: каз. *Кітапты оқиын деп алдым*. ‘Книгу взял, чтобы читать’ [Балакаев, 1959: 191].

М. В. Зайнуллин отмечает, что форма второго лица повелительного наклонения может быть в составе сказуемого придаточного предложения цели и причины в башкирском языке [Зайнуллин, 2000: 140].

Особенно отчетлива связь цели с желанием субъекта действия при трансформации целевых отношений в каузальные как в простом, так и в сложном предложении. Например: *Аның йөзенә кызыллык китермим дип, тырыша-тырыша дәресләремне әзерлим* (Г. Мөхәммәтшин. Гөрләвекләр). ‘Чтобы не заставлять его краснеть, я старательно делаю уроки’. → *Тырыша-тырыша дәресләремне әзерлим, чөнки аның йөзенә кызыллык китерәсем килми*. ‘Я старательно делаю уроки, потому что не хочу заставлять его краснеть’.

В татарском языке возможно присоединение и придаточного причины, и придаточного цели к главному предложению аффиксом направительного падежа. При обозначении придаточного причины действия главного предложения, как правило, форму направительного падежа принимает сказуемое синтетического придаточного предложения, выраженное причастием на *-ган/-гән, -кан/-кән*.

Например: *Елар чакта жырылап юанганга, Урын бирдең миңа түреңнән!* (М. Хөсәен. Тормыш). ‘Я нашел свое место в жизни, поскольку пел, когда хотелось плакать’; *Якты йолдыз уты жылытканга, Изрәгәннар төнге әрәмәләр* (Зөлфәт. Сандугачлар тулы әрәмәләр). ‘Ночные кустарники разомлели, потому что их согрело тепло яркой звезды’; *Кыш көне булганга, агачлар яфраксыз* (Р. Мөхәммәдиев. Кош булып очар идем...). ‘Так как сейчас зима, на деревьях нет листьев’.

При передаче целевого значения форму направительного падежа принимает, как правило, сказуемое придаточного предложения в побудительном наклонении: *Безнең мунча янында, узган-барган машина-трактор бәрәп китмәсенга, зур таш куелган* (З. Хөснияра. Терсәк сугышы). ‘Чтобы не сбили проезжие машины или тракторы, возле нашей бани был поставлен большой камень’.

В «Грамматике азербайджанского языка» отмечается, что некоторые придаточные предложения цели трудно отличаются от придаточных причины. В качестве примера приводятся следующие предложения: *Кәлмишәм ки, бир гәдәр ачыг данышаг*. ‘Я пришел для того, чтобы поговорить начистоту’; *Хошбәхт чаванларсыныз ки, белә дөврдә јашајыб ишләјирсиниз*. ‘Вы счастливая молодежь, что в такую эпоху живете и работаете’ [ГАЯ, 1971: 397]. Как видим, предложения не отличаются друг от друга по структуре. По смысловому содержанию в первом предложении выражается цель, во втором – причина.

Семантика цели может выражаться при помощи послелога *белән* ‘с’. Например: *эш белән килеп китү* – ‘прийти по работе’, *гозер белән мөрәҗҗәгать итү* – ‘обратиться с просьбой’, *сорау белән шалтыратып алу* – ‘позвонить с вопросом’; *Хуҗаны очрату нияте белән тирә-ягыма күз төшереп алдым* (Г. Ахунов. Фатих малае). ‘С целью встретить хозяина, я осмотрелся вокруг себя’.

Этот же послелог служит для выражения ПСО: *Котырган эт һавага карап өрү белән күктә торган айның нуры бетмәс* (Мәкаль). ‘Из-за того что бешеная собака облаивает небо, свет луны не погаснет’ (Пословица); *яшьлеге белән беркатлы* ‘наивная по своей молодости’. В других тюркских языках: туркм.

Диймек, сен яравсызлык билен Ростовда сакланыпсың-да? ‘Так ты задержался в Ростове по болезни?’ [СГРиТЯ, 1977: 84].

Значение цели может выражаться инфинитивом со словом *dip* и без него. Например: *Мин картлык зары тыңларга dip килмәдем* (Г. Минский. Канәфер чәчәге). ‘Я пришел не для того, чтобы выслушивать старческие жалобы’; *Сезне әлеге бәйрәм белән котларга шалтыраттым*. ‘Я позвонил, чтобы поздравить вас с этим праздником’.

Подобные предложения встречаются и в других тюркских языках. Например: башк. *Сәскәле болондарза югерешеп уйнарга, шаярырга, яңы сапқан йәшел бесән өстөндә йоқларга, кистәрен, эштән қайтқандың һуңында, Ымық буйзарын яңғыратып йырларга килделәр*. ‘Приехали, чтобы резвиться, бегая по цветочным полям, баловаться, спать на свежекошенной траве, а по вечерам, вернувшись с работы, петь во весь голос, оглашая берега Ымыка’; *Йәйге ал таң балқып атқанда, Тын тугайзан томан қалққанда, Киттем ил сиктәрен һақларга, Ерзә тыныслықты яқларга*. ‘Когда занималась летняя заря, Когда с долин поднимался туман, Ушел я охранять границы страны, Оберегать мир на земле’; *Закирхановтар гаиләһе, қунақтарзы озатырга тий, ишек алдына сықты*. ‘Семья Закирханова вышла во двор проводить гостей’ [ГСБЛЯ, 1981: 414, 415]; карач.-балк. *Джашла джай джууунургъа Теберди суугъа джюрюйдюле*. ‘Ребята летом ходят купаться на реку Теберду’; *Мен тенглерими кёрюрге деб келгенме*. ‘Я приехал, чтобы повидаться со своими друзьями’ [Алиев, 1972: 197, 198].

В карачаево-балкарском языке в этом случае слово, выражающее цель, может находиться и в постпозиции. Например: *Ишленгенди уллу кёпюр суундан ёте турургъа*. ‘Построен большой мост, чтобы переходить реку’; *Биз бюгюн кьонакъгъа барлыкъбыз Магаметни кёрюрге деб*. ‘Мы сегодня поедem в гости, чтобы повидать Магомета’ [Алиев, 1972: 221].

В старотатарском языке инфинитив выражался формой *-мага/-мәгә*, которая употребляется для передачи целевой семантики в других тюркских языках. Например: азерб. *Гәзәнфәри Бакыја охумага кәндәрмишәм*. ‘Я послал Газанфара в Баку учиться’ [ГАЯ, 1971: 303]; кум. *Салибий Яхсайгъа алгъамгъа*

гетген эди. ‘Салибий выезжал в Аксай на соблезнование’ [Кардашев, 2009: 10]; ног. *Къарт суът ишмеге хабаны къолуна алгъан*. ‘Старик взял кувшин в руки для того, чтобы напиться молока’; *Мен давлукъ етмеге кетейим*. ‘Я ухожу для того, чтобы заниматься разбоем’; *Ана соьйльогъуь бай кетти къумаш акелмеге*. ‘Тот бай ушел для того, чтобы привезти материю’ [Баскаков, 1940: 128]; туркм. *Сени гөрмәге гелдим*. ‘Я пришел повидать тебя’ [Поцелуевский, 1975: 217].

При помощи инфинитива может передаваться и каузальная семантика. Например: кум. *Шу сезлени Анвар масгъарагъа айтпды*. ‘Эти слова Анвар сказал в шутку’ [Кардашев, 2009: 11].

В гагаузском языке компоненты СПП с придаточным цели могут соединяться при помощи сложного союза *аники* ‘чтобы’, который отсутствует в других тюркских языках. Однако подчинительная связь в подобных конструкциях осуществляется не столько союзом, сколько формой желательного-сослагательного наклонения сказуемого придаточного предложения. Например: *Бән зеегленерим гежә-гүндүз, аники прост едәсин беним гунәхларымы*. ‘Я извожу себя день и ночь, чтобы ты простил мои грехи’; *Евин йанында башчайы да о ишләрмиш, хеп чалышырмыш, аники о она ий мейва берекетини версин*. ‘Сад при доме он также обрабатывал, все старался, чтобы он (сад) дал ему хороший урожай плодов’ [Гайдаржи, 1981: 43].

Союз *аники* может иметь значение причинных союзов *чүнкү*, *нечинки*, *зерә* ‘так как’, ‘потому что’ и вводить в предложение придаточное причины. Например: *Су артык чекеттийдди урмаа геери, аники дар көпрү алтындан етиштирәмәзди акмаа*. ‘Вода уже повернула вспять, так как под узким мостом она не успевала стекать’; *О лафедер, аники бән сусэрым*. ‘Он говорит, потому что я молчу’ [Гайдаржи, 1981: 46].

Каузальное значение может выражаться имплицитно. При этом ситуация является неуправляемой, тогда как при целевой семантике – управляемой. К неуправляемым можно отнести, например, ситуации, связанные с природными явлениями, психо-физиологическими состояниями человека: *Көннарнең иң кыска чагы, бик тиз караңгы төште* (Ә. Еники. Йөрәк сере). ‘Дни сейчас короткие,

очень быстро стемнело'; *Мунча эчендә ут юк, дәм караңгы* (З. Хәснийр. Терсәк сугышы). 'В бане нет света, кромешная тьма'.

Подобные предложения встречаются и в других тюркских языках. Например: азерб. *Хәзан кәлди, сојуглар дүшдү*. 'Пришла осень, холода начались' [ГАЯ, 1971: 377]; карач.-балк. *Жауун жауду, бичен жибиди*. 'Пошел дождь, сено промокло'; *Аяз урду, салкыын болду*. 'Подул ветер, стало прохладно' [ГК.-Б.Я, 1976: 522]; *Чыракъ жанды, жарыкъ болду*. 'Лампа зажглась, стало светло'; *Къар жауду, жол учхалауукъ болду*. 'Выпал снег, дорога стала скользкой'; *Къонгуроу зынгырдады, поезд тебреди*. 'Звонок зазвенел, поезд тронулся'; *Къарангы болду, шахар орамларында чыракъла жандыла*. 'Стемнело, в городских улицах зажглись лампочки' [ГК.-Б.Я, 1976: 526]; кум. *Чакъгъа гере гийинмеген, бетинден тер агъылып геле*. 'Он не по погоде одет, с лица течет пот' [Бачиева, 2007: 21]; тур. *Karısı biraz rahatsızlandı, doktor Boğaz havasını tavsiye etti*. 'Его жене немного нездоровилось, врач посоветовал ей поехать на Босфор' [Щека, 2007: 434]; *Açık denizde rüzgar artmış, kotra büsbütün sallanmaya başlamıştı*. 'В открытом море ветер усилился, яхта стала сильно раскачиваться' [Баскаков, 1984: 183].

К неуправляемым ситуациям, которые имплицитно выражают ПСО, также можно отнести описания принятых в обществе правил. Например: *Аларның кайгыруын хатын-кыз читтән генә карап тын торды, хатын-кыз тавышы белән мәрхүмнең рухын рәнжәтергә ярамый иде* (Р. Зәйдулла. Тәңре кылычы). 'Женщины тихо наблюдали со стороны их скорбь, нельзя было обижать дух умершего женскими голосами'.

В азербайджанском языке придаточные предложения цели также могут связываться с главным при помощи интонации: *Мән сәни сечмишәм, амәлә гардаш, көзәл пәјтахтымыз шән олсун*. 'Я тебя избрал, рабочий брат, чтобы прекрасная столица наша ликовала' [ГАЯ, 1971: 398].

Когда описываются события, при которых человек, действуя в интересах других, пренебрегает своими интересами, целевые отношения, как правило, выражаются словами *хакка, хакына* 'ради (кого-то, чего-то)' в значении послелога. Например: *Ул моны безнең хакка эшли*. 'Он это делает ради нас'; *Бергә*

жыйган кузгалакларыбыз, бергә жырлаган жырларыбыз хакына кичер! (Г. Мөхәммәтшин. Күңелдәге таш). ‘Прости во имя спетых вместе песен, ради собранного вместе щавеля’; *Башланган эшнең уңышлы тәмамлануы хакына үзәндә авырлыкларны әсиңәрлек көч таба.* ‘Ради успешного завершения начатого дела находит в себе силы противостоять трудностям’.

С помощью слова *хакына* могут выражаться и объектные отношения. Например: *Шау-шу күп, идея сафлыгы турында чыгышлар – чик-чамасыз, шуның хакына жыелышлар, пленумнар, съездлар* (Ә. Баянов). ‘Шума много, выступлениям о безупречности идеи нет меры, по этому поводу собрания, пленумы, съезды’.

Следует отметить, что предложениям со словом *хакка/хакына* ‘ради’ характерна малая употребительность в языке, это объясняется узостью их семантики.

Цель совершения того или иного действия может выражаться с помощью послелога *була* ‘ради (кого, чего)’. Использование этого послелога для передачи целевого значения в татарском языке в основном характерно разговорному стилю: *Сиңа була гына әйттем.* ‘Сказал только ради тебя’; *Билгеләнгән вакытка барып житәргә була, өйдән иртәрәк чыктым.* ‘Чтобы успеть к назначенному времени, вышел из дома пораньше’; *Үзенең ниятен якын арада тормышка ашырырга була, ул көн-төн эшли.* ‘Чтобы в ближайшее время осуществить задуманное, он работает день и ночь’. В других тюркских языках: каз. *Саган бола келдим.* ‘Пришел ради тебя’.

Четкое разграничение причинно-следственных и целевых отношений наблюдается при репрезентации этих значений при помощи слов *нәтижәсендә* ‘в результате’, *нигезендә* ‘на основании’ (выражают каузальность) и *максатында*, *максаты белән* ‘в целях’, ‘с целью’ (передают целевую семантику). Например: *Умыртка сөяге сыну нәтижәсендә, аның кул һәм аяклары бөтенләй хәрәкәтләндүдән туктады* (Р. Галиуллин. Син елама, абый!). ‘В результате перелома позвоночника его руки и ноги совсем перестали двигаться’; *Урынбасар белән кичәге очрашу нигезендә Миша Михайловны иреккә чыгарганнар иде*

(Ә. Баянов. Урланган ай). ‘На основании вчерашней встречи с заместителем Мишу Михайлова выпустили на свободу’; *Шул вакытта тамаша күрү максатында жыелган һәммә халык Мөнәвирләр капка төбенә якынак килә башладылар* (Ф. Яхин. Жил жигү). ‘В это время народ, собравшийся для того, чтобы увидеть зрелище, начал подходить ближе к воротам Мунавира’.

Подобные примеры в других тюркских языках: башк. *Халықты хезмәтләндереүзе яқшыртыу мақсатында қалаларза ла, ауыл ерзәрендә лә автобустар паркы байтақ тулыландырыласақ*. ‘В целях улучшения обслуживания населения автобусный парк будет существенно пополнен как в городах, так и в сельской местности’ [ГСБЛЯ, 1981: 415]; каз. *Илья Николаевич Симбирскиге күш-білім жұмсау мақсатымен келді*. ‘Илья Николаевич приехал в Симбирск для того, чтобы трудиться’ [Балакаев, 1959: 191]; кр. тат. *Хастаны шеньлендирмек, онынъ гонъюлини алмакъ макъсадында озь омюринде олгъан кулюнчли адиселерни тарифлей*. ‘Чтобы развеселить больного, поднять его дух, рассказывает смешные случаи, произошедшие в его жизни’ [Оказ, 2002: 22]; узб. *У ўқимоқ мақсади билан келди*. ‘Он пришел с целью/для того чтобы учиться’ [Кононов, 1960: 362].

И каузальное, и целевое значение могут быть выражены с помощью присоединительных конструкций. Например: *Ындыр табагы колхозның иң ышанычлы урыны. Анда сакчы булганы өчен түгел, сакчысы Нури карт булган өчен* (Н. Әхмәдиев. Мөнирстан); *Ник чыкмаганлыгын да яхшы беләм: кыз миңа үпкәләгән. Барыйны ияртеп килмәгәнәм өчен* (З. Хәснийяр. Терсәк сугышы). ‘Мне также хорошо известно, почему она не вышла: девушка обиделась на меня. За то что я не взял с собой Барыя’ – в этих предложениях представлены каузальные отношения. В основных предложениях выражается следственная часть, присоединенные конструкции же не только репрезентируют, но и подчеркивают причинный компонент каузальности.

Ә мин ни өчен алтынчы класстан кинәт кенә отличник булып киттем, ни өчен урта мәктәпне медаль белән тәмамладым, беләсеңме? Әниң алдында оятка калмас өчен һәм кеше алдында әниңне оятка калдырмас өчен

(Г. Мөхәммәтшин. Гөрләвекләр). ‘А почему я с шестого класса вдруг стал отличником, почему окончил среднюю школу с медалью, знаешь? Для того чтобы не опозориться перед твоей матерью и не опозорить ее перед людьми’ – в этом предложении между присоединительной конструкцией и основным предложением установлена целевая семантика.

Таким образом, и каузальные, и целевые отношения непосредственно связаны с мыслительной деятельностью человека, формальные показатели не могут служить способом разграничения этих смысловых отношений. Кроме того, ПСО часто репрезентируется имплицитно. В этом случае наличие определенных семантико-синтаксических отношений между синтаксическими единицами выявляется при помощи анализа смыслового содержания предложения либо контекста.

3.3. Структурно-семантическая организация кондициональных конструкций

Кондициональное отношение – семантико-синтаксическое отношение, состоящее из двух компонентов. В кондициональных конструкциях связываются компоненты, указывающие на мысленно допускаемые события. «Условный смысл создается на базе идеи ситуация-1 порождает ситуацию-2, причем ситуация-1 является гипотетичной по отношению к действительности, а следовательно, гипотетичной оказывается и порожденная ею ситуация-2» [Шувалова, 1990: 65].

При кондициональности осуществление/неосуществление события определяется наличием/отсутствием конкретных факторов. Компоненты условных конструкций зависимы и семантически, и синтаксически.

Конструкциям, выражающим кондициональные отношения, характерна богатая семантика. На основе того, насколько условие и его следствие

соответствуют реальной действительности можно выделить следующие семантические оттенки условия:

1. Возможное (реальное) или, по-другому, потенциальное условие. В этом случае осуществление определенного события, по предположению говорящего, является возможным, и это возможное событие порождает другое событие, которое также выступает осуществимым и не противоречащим действительности. Например: *Ашар ризыгы бетмэгэн булса, Накыйбем кайтыр да үзе түләр* (Ө. Гаффар). ‘Если еще не кончились его дни, мой Накип вернется и сам отдаст свой долг’. В других тюркских языках: кум. *Баражакъ болсам, мен шону этермен*. ‘Если я должен буду поехать, то я это сделаю’ [Дмитриев, 1940: 197]; тур. *Vana böyle bir teklif yapsalar, onu hemen reddederdim*. ‘Если б мне сделали такое предложение, я бы его тут же отклонил’ [Щека, 2007: 440].

В турецком языке при выражении сказуемых главного и придаточного предложений формой желательного наклонения при отрицательной форме в главном и употреблении между компонентами энклитики *da/de*, сложное предложение рассматривается как СПП с потенциальным условием. Например: *Ben ağlatıyalım da kimler ağlasın* [Баскаков, 1984: 167].

2. Невозможное (недействительное) или ирреальное условие. В этом случае условие вызывает событие, неосуществление которого уже является известным. При этом условие выступает ситуацией, противоположной существующим фактам. Например: *Бергә булсак, олы яратуның Белер идек тә бит кадерен* (И. Гыйләжев. Булмый икән...). ‘Если бы мы были вместе, знали бы цену большой любви’; *Кайда егыласымны белсәм, салам түшәр идем* (Мэкаль). ‘Если бы знал, где упасть, соломки бы подстелил’ (Пословица). В других тюркских языках: кум. *Бираз да къыздыргъан буса, мен ону къанын къусдурар эдим*. ‘Если бы он немного рассердился, я бы ему пустил кровь!’ [Дмитриев, 1940: 197]; тур. *Eğer o koluma girmeseydi düşecektim; Evde olsaydın görüşecektik; Bunu daha önce söyleseydin sana yardım edebilirdim*. ‘Если бы ты сказал мне раньше, я смог бы тебе помочь’ [Щека, 2007: 440].

Так как условие противоречит имеющимся фактам, следствие тоже мыслится как ирреальное. То, что условие не соответствует действительности, говорящему известно уже заранее.

Следует отметить, что если в предложениях типа *Ул юл күрсәтмәсә, алар адашыр иде*. ‘Если бы он не показал дорогу, они бы заблудились’ выражается ирреальное условие (в этом случае они не заблудились, поскольку он показал им дорогу), то при использовании отрицательной формы и во втором компоненте сложного целого, семантика меняется. Так, в предложении *Ул юл күрсәтмәсә, алар адашмас иде*. ‘Если бы он не показал дорогу, они бы не заблудились’ реализуется не ирреальная условная, а реальная причинно-следственная связь.

Сказуемое придаточного предложения, выражающего ирреальное условие, в киргизском языке обычно дается формой глагола прошедшего времени на *-ган* с вспомогательным словом *болсо*. Важную роль в передаче значения возможности, предположительности играет сочетающееся со сказуемым главного предложения служебное слово *эле*. Например: *Эгер согуш башталбаган болсо, бул боомдун ичине темир жол курулуп калмак эле*. ‘Если бы не началась война, в этом ущелье была бы построена железная дорога’; *Эгер ушул түндү айтып калтырбасам, бул менин мойнумда кечилгис карыз болуп калар эле*. ‘Если бы я не рассказал об этой ночи, на мне остался бы непростимый грех (долг)’ [Скирдов, 1970: 181].

Необходимо отметить, что деление условия на реальные и ирреальные типы производится многими лингвистами. А. Н. Кононовым выделяются три случая условного периода в турецком и узбекском языках: реальный, ирреальный и предположительный [Кононов, 1960]. На реальный и ирреальный типы условно-следственных отношений указываются Н. К. Дмитриевым – в башкирском и А. П. Поцелуевским в туркменском языках [Дмитриев, 1948; Поцелуевский, 1975].

3. Желательное условие. Действие, которое описывается в главной части предложения, является желательным. Условия, которые содержатся в придаточной части, не имеют места в реальной действительности: *Каеш чыбыркы булса, атның каршысына чыгып, колак төбөндө бер генә шартлатып алыр идең*

(М. Мәһдиев. Юлчы! Спартага хәбәр ит...). ‘Если бы был кнут, только один раз щелкнул бы, выйдя навстречу коня’; *Шырпы булса, ичмаса, ут ягар идең* (М. Мәһдиев. Юлчы! Спартага хәбәр ит...). ‘Если бы были спички, хотя бы развели костер’.

4. Нежелательное условие. В этом случае действие, описанное в главной части предложения, является нежелательным: тат. *Аңын югалтса, башы бетәсе* (М. Закир. Канлы болыт). ‘Если он потеряет сознание, то ему придет конец’.

Желательное и нежелательное условия можно объединить в предположительное условие.

Конструкции, в которых выражаются предположительное, реальное и ирреальное условие, встречаются еще в тюркских рунических памятниках. Например: *bir todsar ačsïq ömäs sen*. ‘Стоит [тебе] однажды насытиться (однажды насытившись), ты [уже] не думаешь о голоде’ (предположительное условие); *ol jirgärü barsar türk bodun öltäci sen*. ‘Если [ты], тюркский народ, пойдешь в те земли, ты погибнешь’ (выражается реальное условие); *üzä täñri basmasar asra jir telinmäsär türk bodun iliñin törüñin kem artati [udaçi erti]*. ‘Если бы Небо, что наверху, не давило [на тебя], если бы земля, что внизу, не разверзлась [под тобою], о тюркский народ, кто мог бы погубить твой эль, твое тёрю?!’ (ирреальное условие) [Кононов, 1980: 133].

В татарском языке условные отношения наиболее часто выражаются аффиксом сослагательного наклонения, являющимся основным квалификатором кондициональности во всех стилях. При этом форма *-са/-сә* всегда бывает в составе сказуемого придаточного предложения, не может быть сказуемым главного и завершить предложение: *Ата-ана бердәм булса, балалары күндәм була* (Мәкаль). ‘Если родители живут в согласии, то и дети послушные’ (Пословица). В других тюркских языках: башк. *Юлда төшөрөп қалдырһалар, тағы икенсе поезга эләгеп китер инек*. ‘Если бы нас высадили по пути, мы могли бы устроиться еще на один поезд’ [ГСБЛЯ, 1981: 466]; каз. *Кетем десең, жолың ашык*. ‘Если хочешь уйти, дорога открыта’ (Пословица); караим. *Тынласан катынны, йарык болур цатырда, тынламасан – тунар куйас азбарда*. ‘Если послушаешься жену, будет

светло в шалаше, а если не послушаешься, затмится солнце на дворе’ (Пословица); кирг. *Чыдамың жетсе, сени чоң сыйлык күтөт!* ‘Выдержишь – ждет тебя большая награда!’ [Усенбаева, 1979: 54]; *Жолго чыксаң, жол азыгың мол болсун.* ‘Если выехал в дорогу, пусть путевой провизии у тебя будет много’ (Пословица); кум. *Почтаны ишине тергев берильсе, яман болмас эди.* ‘Было бы не плохо, если бы работе почты было уделено внимание’ [Дмитриев, 1940: 193]; ног. *Сиз тапкъан затты магъа савлай берсенъиз мен къайтарман.* ‘Если вы отдадите мне всю добычу, я возвращусь’ [Баскаков, 1940: 128]; тур. *Okuyorsa onu rahatsız etmeyin.* ‘Если он читает, то не беспокойте его’ [Щека, 2007: 441] и др.

В татарском языке встречаются примеры, в которых придаточное предложение условия находится в интерпозиции. Например: *Толпар, тоягы кызса, канатланып очар* (Мәкаль). ‘Быстрый конь, если нагреется копыто, будет лететь, словно на крыльях’ (Пословица).

Постпозиция придаточного предложения условия, связанного с главным при помощи формы *-са/-сә*, возможна при обратном порядке слов и часто встречается в стихотворной речи. Например: *Гөл серләрен тыңлар идем, чәчәк атса бер гәлем* (С. Сөләйманова. Ач, шигърият, серләренне). ‘Я бы послушала тайны цветов, если бы расцвел один мой цветок’; *Йөгерең үтәр идем юлыңнан, Каршы чыкса сабый чагым Шушы урман буеннан!* (Г. Зәйнәшева. Жәйге урман). ‘Я бы пробежала по твоей дорожке, если б из этого леса вышло навстречу мое детство!’; *Бу жыр сиңа дога булып ятсын, Фәриштәләр илтеп житкерсә* (Ф. Тарханова. Ай өстендә күрәм йөзеңне). ‘Пусть эта песня прозвучит тебе молитвой, если ангелы ее донесут’. В других тюркских языках: кирг. *Каалабайбыз согушту, Душман колун сунбаса* (А. Токомбаев). ‘Мы не желаем войны, если враг сам не нападет на нас’.

Ограничительные частицы *гына/генә, кына/кенә* ‘только’ в кондициональной конструкции выражают единственность названного условия, лишь при котором совершение действия-следствия выступает возможным. Например: *Бөтен коллектив армый-талмый эшләсә генә, мәктәп күзгә күренеп яктыра, күркәм төс ала башлаячак* (Г. Мөхәммәтшин. Сер итеп кенә...). ‘Только

если весь коллектив будет неустанно трудиться, школа начнет заметно преображаться, приобретать красивый вид’.

Положительная и отрицательная условная форма одного и того же глагола с частицей *да* ‘и’ указывает на то, что следствие является неизменным: *Кунак чакырса да, чакырмаса да, Миңжамал ана таба ашларыннан өзелми иде* (Н. Гыйматдинова. Күнел). ‘Приглашает ли гостей или не приглашает, тетя Минжамал все равно всегда готовила угощения’. В других тюркских языках: тур. *O gelse de gelmese de biz gideceğiz (o gelsin gelmesin biz gideceğiz)*. ‘Придет ли он или не придет, мы (все равно) пойдем’ [Джевдет-заде, 1934: 238].

В предложении *Белем алуы авыр булса, тормыш итүе жиңел булып*. ‘Получать знания тяжело, зато в жизни будет легко’ содержится форма кондиционалиса, однако в том значении, как это воспринимается в типологии, отсутствует семантика условия. В этом примере говорящим утверждается, что получать знания тяжело.

Приметы и поверья строятся на условных отношениях, кондициональность составляет их основу. В подобных паремиях сказуемое главного компонента сложного предложения, как правило, выражается инфинитивом. Например: *Баткан урын ачык булмаса, яңгыр булырга* (Сынамыш). ‘Если небо, после захода солнца, не ясное, то быть дождю’ (Примета); *Каз коры жирдә «коенса», салкын булырга* (Сынамыш). ‘Если гуси купаются в земле, то к холодам’ (Примета); *Иделдә күрүн күп булса, иген уңарга* (Сынамыш). ‘Если на Волге много льда, к богатому урожаю’ (Примета); *Үрмәкүч оясында утырса, салкын һәм яңгыр булырга* (Сынамыш). ‘Если паук сидит в своей паутине, к холоду и дождю’ (Примета).

Подобные высказывания можно расценивать как условные суждения, выражающие причинно-следственные отношения.

В татарском и других тюркских языках одновременно с формой *-са* может использоваться союз *әгәр* ‘если’, который выступает лишь вспомогательным средством, усиливающим условную семантику. На возможность одновременного употребления данного союза с условным глаголом в татарском языке указывал

еще Каюм Насыри: «фиғыл шартка гяһән *әгәр* хәрфе һәм тәкәддем кыйладыр» [Насыри, 1975: 75]. В. Н. Хангильдин отмечает, что в подобных конструкциях союз *әгәр* не выражает условного значения [Хангилдин, 1959: 590].

Следует отметить, что факультативный характер использования условных союзов является особенностью многих тюркских языков. Так, в грамматике чувашского языка отмечается, что «условные союзы (*әнчен, эхер, пёр, тӑк*) не развились у чуваш, да и необходимости в них не было, потому что условие выражалось условным деепричастием на *-сассӑн (-сессӑн)*, сокращенно *-сан (-сен)*: *Сулла сумаӑр часах суса тӑрсан, тырӑ лайӑх пулать*. ‘Если летом часто выпадают дожди, то урожай бывает хороший’» [Материалы по ГСЧЯ, 1957: 330].

Далее приведем примеры на употребление союза *әгәр* с *-са/-сә* в условных конструкциях татарского и других тюркских языков: тат. *Әгәр ир акыллы булса, хатын күндәм була* (Мәкаль). ‘Если муж умен, жена уступчива’ (Пословица); *Әгәр ышанмасам кош сүзенә, Яши алмам минут жир йөзедә* (Н. Сафина. Мин ышандым кошка...). ‘Если я не поверю в слова птицы, не смогу жить на земле ни минуты’; *Әгәр атың булса, жиһан кичәрсең* (Мәкаль). ‘Если у тебя будет конь, то сможешь объехать весь мир’ (Пословица); гаг. *Еер алмышсам бишей, еллерим курусун*. ‘Если я что-нибудь взял, пусть мои руки отсохнут’ [Гайдаржи, 1981: 85]; караим. *Эгер ушпу ишим калса файдалыба карайлыкка, бунунба мен борчлу болурм энк бурун үврятүвчюлярия да достларыма*. ‘Если этот мой труд станет полезным караимам, этим я прежде всего обязан моим учителям и друзьям’; *Эгер клейс ичмя, сувдан бөгөврярсин, эгер ачыхсэй, өтмяктян тойарсын*. ‘Если захочешь пить, утолишь жажду водой; если проголодаешься, насытишься хлебом’ [Мусаев, 2003: 330]; кирг. *Эгер жеңгиң келсе, алың жаман экенин ага билгизбе*. ‘Если хочешь победить – не дай ему понять, что тебе плохо’ [Усенбаева, 1979: 57]; кр. тат. *Эгер эр шей онынъ планлаштыргъаны киби олып чыкъса, чанакъ Фикретнен Тевиденинъ башына патлайджакъ*. ‘Если все выйдет, как она запланировала, то тарелка разобьется о головы Фикрета и Тевиде’ [Оказ, 2002: 22]; кум. *Эгер уланыны йыры бузукъ тилде язылган буса, анасы ону охумай*. ‘Если стихи сына написаны плохим языком, мать их не читает’ [Гаджихмедов,

1984: 60]; тур. *Eğer ben paraya elimi sürdümse, ellerim kırılın*. ‘Если я касался этих денег, то пусть у меня отсохнут руки’ [Щека, 2007: 441].

В азербайджанском языке союз *əğər* употребляется и самостоятельно для связи придаточного компонента с главным и указания на кондициональную семантику [ГАЯ, 1971: 400].

Кондициональная связь может осуществляться лишь союзом *эгер* без сочетания с формой условного наклонения в караимском языке. Например: *Эгер баш-йазышы сени кѐп кыйнады, эгер ачы кайгы тохтады ўвюйды, эгер ув хасталых иланлэй байланды... бар теркряк...* ‘Если судьба тебя долго мучила, если горе горькое поселилось в твоём доме, если ядовитая болезнь обвила тебя, как змея, иди скорее...’; *Эгер башында адамнын кагат – адамба талашыр*. букв. ‘Если на голове человека дергает – он будет ссориться с человеком’ [Мусаев, 2003: 329].

Интересно отметить, что выражение кондициональной семантики лишь с помощью данного союза, без формы условного наклонения глагола характерно для структуры ряда памятников тюркских языков [Гаджиева, 1963: 159].

В туркменском языке, «когда в условном значении берется не глагольное, а именное предложение и если при этом вспомогательный глагол опущен», союз *эгер* ‘если’ остается единственным показателем кондициональности [Поцелуевский, 1975: 255].

В некоторых тюркских языках (например, гагаузском, караимском, киргизском) предложение условия с союзом *eer*, *эгер* ‘если’ может быть и в постпозиции: караим. *Бунун ўчюн охувчулардан колабыз борчайтмасха бизни, эгер табулсады бу иштя тюзсюзлюкляр, иш да вахт тюзлятир аларны*. ‘Поэтому мы просим читателей не осуждать нас, если в этом труде найдутся ошибки, дела и время исправят их’ [Мусаев, 2003: 330]; кирг. *Сен кайгырбайсыңбы, мен эгер сага окуя айтсам* (К. Баялинов). ‘Не опечалишься ли ты, если я тебе одно событие расскажу’.

Постпозиция придаточного условия с союзом *əğər* ‘если’ в татарском языке возможна при обратном порядке слов, например, в стихотворной или

экспрессивной речи. Например: *Ата белеге белән адам адам булмас, әгәр үзе белмәсә* (Мәкаль). ‘Человек не будет человеком со знаниями отца, если сам не будет знать’ (Пословица); *Тормыш төбенә тәгәрәячәк иде Фәргать, әгәр үз бахете өчен көрәшмәсә* (Ф. Бәйрәмова. Караболак). ‘Фаргат покотился бы на дно жизни, если бы не стал бороться за свое счастье’.

Главное предложение может предшествовать придаточному условия с союзом *eğer* «для живости речи» в турецком языке. Например: *Bu akşam giderim, eğer bilet alırsam*. ‘Я поеду сегодня вечером, если получу билет’; *Ona tesadüf edebilirdik, eğer bugün gitseydik*. ‘Мы его могли бы встретить, если бы поехали сегодня’ [Джевдет-заде, 1934: 235].

Необходимо отметить, что в турецком языке союз *eğer* имеет относительно свободную позицию в предложении, может находиться в препозиции к придаточному предложению, при стабильной позиции самого условного предложения, предшествующего главному – в постпозиции и интерпозиции.

Иногда в турецком языке придаточные условные могут выноситься после главных предложений с постпозицией союза. Как правило, в таких случаях придаточное предложение оформляется как отдельное и приобретает логический акцент: *Kimseye zararı dokunduğu yok. Bulgar kızlarını hesaba katmazsak eğer*. ‘Никому нет вреда. Если не принимать в расчет болгарских девушек’ [Баскаков, 1984: 166].

В редких случаях придаточные предложения условия, вводимые союзом *eer*, могут находиться и в интерпозиции в гагаузском языке. При этом подчеркивается особая важность условия, заключенного в придаточном предложении. Следует отметить, что такие придаточные предложения условия функционально близки к вставным конструкциям. Например: *Хербир адам, eer истәрсайды саде адам сайылмаа, ләйзым ен илкин намузлу чалышсын*. ‘Каждый человек, если он только хочет считаться человеком, должен прежде всего честно трудиться’; *Бән, eer денеййдим таушамы вакытлан, мутлак кеезлейжейдим*. ‘Я, если бы вовремя заметил зайца, непременно подстрелил бы его’ [Гайдаржи, 1981: 85].

Как уже было сказано выше, в тюркских языках союз *эгәр* (азерб. *әжәр*, башк. *әгәр*, гаг. *eer*, тур. *eğer*, туркм. *эгер*, узб. *агар* и др.) является лишь факультативным, стилистическим средством и легко опускается.

Иногда этот союз (*эгәр*) употребляется вместе с частицей *да/дә, та/тә* ‘и’. Например: *Әгәр дә арага багана булып Энҗия кереп басмаса, бу дуслыкның ахыры ни белән бетәр иде, анысын әйтүе кыен* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Сложно сказать, чем бы закончилась эта дружба, если бы между ними столбом не встала Энҗия’; *Әгәр дә бүтән берәүнең туена чакырсалар, очынып куанган булып иде Бәдретдин...* (Т. Миңнуллин. Тимердән дуга бөгәләр...). ‘Если бы пригласили на свадьбу кого-нибудь другого, Бәдретдин бы очень сильно обрадовался...’. В других тюркских языках: башк. *Әгәр ҙә үз эшемде белеп, тыныс кына йәшәгән булһам, был көнгә лә калмаган булып инем*. ‘Если бы я занимался только своим делом и жил спокойно, не было бы сейчас мне так трудно’ [Зайнуллин, 2000: 239]; кирг. *Егерде адамдар җенүндө ојлосоң, бактылуу болосуң*. ‘Если будешь думать о людях, будешь счастлив’ [Серебренников, Гаджиева, 1986: 288]; туркм. *Эгер-де бир зат болайса, маңа айдың*. ‘Если что случится, скажите мне’ [СГРиТЯ, 1977: 168]; чув. *Эхер те эсир темлескер мар, тўрә ултавсәр ҫын – пирён ёҫ чиперех айһса Һымалла*. ‘Если вы честный человек, не какой-нибудь, то повезет нам’ [Свеклова, 2010: 221].

В грамматике чувашского языка отмечается, что «низовые чувашаи в разговорном языке употребляют татарский союз *эгәр*: *Заклад хуратһа, эхер те кусене Евһн пётём әрәвәнчи чи йста алаһем пёҫерсе хатёрлемен пулһан! – терё пуп ывәлё*. ‘Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода, – сказал попович’ (Гоголь)» [Материалы по ГСЧЯ, 1957: 330].

Архаичными вариантами союза *эгәр* выступают союзы *эгәр-мәгәр, әгәр дә мәгәр* ‘если бы да кабы’, *әгәренки* ‘ежели же’, которые встречаются в художественной литературе. Например: *Борһанов Тимерхан, әгәренки беләсегез килсә, үзен укыта торған укытучылар белән өзлексез бәхәсләшеп тора* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Бурганов Тимерхан, если вы хотите знать, непрерывно спорит со своими учителями’; *Әгәренки инде чак кына*

сабыр итик, уйлашыйк-киңәшик дисез икән, рәхим итегез, җавапны хәзер үк бирмәсәгез дә ярый (М. Хәсәнов. Язгы аҗаган). ‘Если уж хотите немножко подождать, подумать, посоветоваться, то, пожалуйста, можете сразу не отвечать’;
Әгәр дә мәгәр *ризалаша-нитә калсагыз, белегез: әнә кара тайга, чыгам да китәм* (М. Хәсәнов. Язгы аҗаган). ‘Если дадите ваше согласие, знайте: вон черная тайга, возьму и уйду’;
Әгәр дә мәгәр *Җирән кашкам белән беренче килеп, бүләккә синең сөлгене алмасам, исемем Миңлехәйдәр булмасын!* (К. Тимбикова. Сөлге булсын бүләгем!). ‘Если я не приду первым на своем коне и не получу в подарок твое полотенце, пусть меня не зовут Минлехайдаром!’

Кондициональность может выражаться частицей *-мы*, словами *исә* ‘в случае чего-либо’, *икән* ‘раз’, ‘если’, ‘так’. Например: *Кеше йөзен югалттымы, ул үзен-үзе үтерә торган була кытайларда* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘У китайцев, если человек терял свое лицо, он убивал сам себя’;
Тиздән көннәр җылыта башлады, тәрәздән көндөзләрен кояш карады, арканы куеп утырдың исә, бөтен тәнне җылытты (Ш. Еникеев. Солтангәрәйнең язмышы). ‘Вскоре дни начали теплеть, в полдень в окно начало заглядывать солнце, если сесть, подставив спину, греет все тело’;
Зур эшкә тотынгансың икән, барысына да түзәргә кирәк (Ф. Яруллин. Җилкәннәр җилдә сынала). ‘Если ты взялся за серьезное дело, надо все стерпеть’;
Башың яшь икән – күп эш алма (Мәкаль). ‘Если у тебя не хватает опыта, не начинай много дел’ (Пословица);
Кешедә теләк, максат булсын икән – аңа ирешү юлындагы мәшәкатьләр юк нәрсә булып кала (Р. Галиуллин. Ялгызлык). ‘Если у человека есть желание, цель, трудности, возникающие на пути к их достижению, кажутся незначительными’;
Телисез икән – без аларны капка баганасына бәйләп куя, телисез икән – урамга куып чыгара алабыз (Ф. Яруллин. Гөлҗиһан малайлары). ‘Захотите – мы можем привязать их к столбу, захотите – можем выгнать на улицу’.

В следующих предложениях реализуется специфическое значение регулярного возникновения ситуации немедленно после возникновения некоторого условия; оно родственно собственно условному, но не вполне совпадает с ним: тат. *Сәгать алты җиттәме, ул минут та эш белән утырмый...*

(Х. Сарьян. Тукран тәүбәсе). ‘Как только время приближается к шести, он ни минуты не сидит за работой’; *Килеп каптыңмы – адвокат кирәк* (Ф. Яруллин. Гөлжиһан малайлары). ‘Стоит попасться, нужен адвокат’.

Вопросительная частица также присоединяет к главному предложению синтетические придаточные времени. Например: *Көзләр җиттәме, нәкъ безнең яклардагы кебек саргаялар...* (М. Хәсәнов. Язгы аҗаган). ‘С наступлением осени (листья) желтеют точно так же, как и в наших краях’. В других тюркских языках: азерб. *Һава җахшылашдымы, ону евдә сахламаг олмур* [Будагова, 1982: 132]; карач.-балк. *Жаз келди ми, сабанлада эл мюлк ишле башланырыкъдыла*. ‘Как только настанет весна, сразу на полях начнутся сельскохозяйственные работы’; *Декабрь айы җетди ми, кыиш башланды*. ‘Как только пришел декабрь месяц, настала зима’ [ГК.-Б.Я, 1976: 548].

Иногда в предложении с *-мы/-ме* прослеживается и временная, и условная семантика. Например: *Авыл малае кая да булса читкә киттәме, – ул иң әүвәл әнә шул инешен сагына башлы* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Стоит деревенскому парню покинуть родные места, он начинает тосковать в первую очередь по тому ручью’; *Ул белә: уяну белән күзне ачып, тәрәзгә карадыңмы – төш онытыла* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Он знает: если сразу, как проснешься, посмотреть в окно, сон забывается’. В других тюркских языках: азерб. *Һафизин башы агрыдымы, дүнја гадынын көзүндә гараларды. Һафиз күлдүмү гадынын үрәји чичәк кими ачыларды*. ‘Как только заболевает бывало голова Хафиза, весь мир омрачался в глазах женщины. А засмеется бывало Хафиз, сердце женщины раскрывалось словно цветок’ [ГАЯ, 1971: 393].

В некоторых подобных конструкциях усматривается и каузальная семантика. Например: *Укыдыңмы колхоз хисабына – эшлә* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Раз учился за счет колхоза – работай’. (Т. е. работай в колхозе, потому что ты учился за его счет). *Сүз бирергә ашыкма, бирдеңме инде – карышма, ди мәкаль* (М. Хәсәнов. Язгы аҗаган). ‘Как гласит

пословица: не торопись с обещаниями, а раз обещал, не противься'. (Не противься, так как дал слово).

В СПП с *икән*, *исә* может употребляться и союз *әгәр*: *Әгәр ниятең изге икән, минем әткәй-әнкәй белән үзеңә сөйләшергә туры килер* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). 'Если у тебя серьезные намерения, тебе самому придется поговорить с моими родителями'; *Әгәр дә таяныр дустың, киңәшләшер туганың, кул бирер ярдамчең юк икән, һәлакәтең дә шушы булачак* (Ф. Яхин. Ректор әфәнде). 'Если у тебя нет надежного друга, родственника, готового дать совет, помощника, готового протянуть руку, это и будет твоей трагедией'; *Әгәр тели икән, аны бүгеннән үз яныма эшкә чакырам* (М. Насыбуллин. Имтихан). 'Если он этого хочет, то с сегодняшнего же дня приглашаю его к себе на работу'. В других тюркских языках: азерб. *Әкәр нәгд пулунуз јох исә, мән јаг илә дә сөвда едәрәм*. 'Если у вас нет наличных денег, то я согласен и на масло' [Мусаев, 1987: 83].

Если оба сказуемые СП в изъявительном наклонении, событие главной части реально возможно при названном условии. Компоненты СП в подобных примерах связываются словом *исә* 'если, в случае чего-либо': *Жил аз гына көчлерәк исте исә, сүнеп китәрләр сыман* (Ф. Шәфигуллин. Тамгалы бүре). 'Кажется, что если ветер подует немного сильнее, они погаснут'; *Кунак килде исә, өстәлдә самавыр гөжләп утырырга тиеш* (Р. Зәйдулла. Кәүсәләрдә кәүсәр суы). 'Если придет гость, на столе должен кипеть самовар'. В других тюркских языках: карач.-балк. *Къар джауду эсе, суукъ боллукъ болур*. 'Если выпал снег, наверное, будет холодно' [Алиев, 1972: 340].

Иногда в подобных предложениях выражается значение повторяемости, периодичности действия: *Кич житте исә, Зөлхижжәттәй килеп утыра* (Р. Зәйдулла. Йөз тәңкә). 'Как только наступает вечер, приходит бабушка Зульхиджа'. В данном случае действие является повторяющимся изо дня в день.

В татарском языке аффикс *-са/-сә* с вспомогательным глаголом *иде* передает желательную семантику: *Миңжамал ана безне тотып кыйнамаса ярар иде* (Н. Гыйматдинова. Күңел). 'Хоть бы тетя Минжамал не побила нас'. Это

отмечается в грамматиках татарского языка XIX века, например, в труде Каюма Насыри «Әнмүзәж» [Насыри, 1975: 76].

В грамматике турецкого языка отмечается, что «иногда условное наклонение в сопровождении энклитики *da, de* выражает стремление, желание, часто неосуществимое, например: *Tatıl gelse de sayfiyeye gitsek*. ‘Вот если (теперь) наступили бы каникулы, то мы поехали бы на дачу’; *Burada olsa da sizi görse*. ‘О, если бы он был здесь (теперь) и видел бы вас’» [Джевдет-заде, 1934: 238].

Как видим, значение желания, передаваемое в других тюркских языках с помощью условного наклонения и слова *иде*, выражено здесь условной формой с частицей *de*, что характерно для репрезентации уступительности. Форма *-sa da/-se de* выражает придаточное уступительное предложение и в турецком языке. Например: *Firtına durduysa da başımız dönüyordu*. ‘Несмотря на то, что шторм кончился, у нас кружились головы’ [Джевдет-заде, 1934: 238].

В кондициональных конструкциях на имплицитном уровне могут содержаться противительная, каузальная и уступительная семантика. Форма *-ca/-сә* (ранняя условная форма *-cap/-cäp*) еще в текстах древнетюркских памятников используется для передачи и других типов придаточных (времени, причины) [Исследования по СГТЯ, 1961: 215].

Употребление условной формы в разных типах придаточных предложений является общетюркским явлением: гаг. *Kimın başına konarsa o olapек падиша*. ‘На чью голову она опустится, тот будет падишахом’; каз. *Жер негурлым терең жыртылса, өнім согурлым шол және сапалы болады*. ‘Чем глубже будет вспахана земля, тем более богатый и качественный будет урожай’; узб. *Катта кема қаяққа юрса, кичик кема ҳам шу ёққа юради*. ‘Куда большой корабль направляется, туда и маленький корабль идет’ [Исследования по СГТЯ, 1961: 215].

Условное значение передается и союзными словами *юкса* ‘иначе’, *югыйсә* ‘иначе, а не то, а то’, *булмаса* (разг.) ‘в таком случае’, относительными словами *шулай булса, алай булса* ‘тогда, если так, в таком (этом, том) случае’.

Юкса и *югыйсә* являются производными от предикативного слова *юк* ‘нет’, которое служит для обозначения отрицания. Предложения с этими союзными

словами выражают условие, отсутствие которого может привести к обозначенному в главной части следствию. Союзные слова *юкса*, *югыйса* находятся в составе главного компонента СПП. Например: *Кайтыгыз, минем сөюнең Былтыргы бураннары! Югыйса, артык бушанды Күңелнең урамнары* (Р. Гаташ. Чакыру). ‘Вернитесь, прошлогодние бураны моей любви! А не то опустели улицы моей души’; *Техниканы сезгә шул рәвешле генә өйрәтәп була, юкса ул сезнең исегездә калмый* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Обучить вас технике можно лишь таким образом, иначе вы не запомните’, *Ашык-пошык киенеп, атылып-бәрелеп диярлек чыгып йөггерергә тиеш иде, юкса чыннан да тәмам соңаруы бар* (Ф. Яхин. Өчкөнлек гомер). ‘Она должна была, быстренько одевшись, поспешно выйти, иначе могла опоздать’. В других тюркских языках: тур. *Aç gözünü, yoksa açarlar gözünü*. ‘Открой глаза, иначе тебе откроют глаза’ (Пословица).

Условное значение может быть выражено при помощи аффикса отрицательной формы глагола *-ма/-мә*. Подобные примеры часто встречаются в паремиях, однако в них, по нашим наблюдениям, помимо условной, можно усмотреть и каузальную семантику. Например: *Гаепсез аш эзләмә, ач калырсың; гаепсез дус эзләмә, ялгыз калырсың* (Әйтем). ‘Не ищи еды без изъяна, останешься голодным; не ищи друга без пороков, останешься одиноким’ (Поговорка); *Кешене каргама, үзеңә төшәр* (Әйтем). ‘Не проклинай людей, сам будешь проклят’ (Поговорка); *Гайбәт сөйләмә, бәла ирешмәс* (Әйтем). ‘Не сплетничай, не будет горя’ (Поговорка), (*Яшь чакта Күркәмгә ничекләр гашийк булган иде.*) *Куенына кереп йоклама – дөнья бетәр сыман иде* (М. Хәбибуллин. Атилла). ‘(Как он был влюблен в Куркам в молодости.) Казалось, если не проведет с ней ночь, мир рухнет’; *Корыга мактанма – коры калырсың* (Әйтем). ‘Не хвались попусту – останешься ни с чем’ (Поговорка); *Тәрәздән сөяк ташлама, өйгә яшен керер* (Ышану). ‘Не бросай кости из окна, в дом попадет молния’ (Поверье); *Утка төкермә, авызың кутырлар* (Ышану). ‘Не плюй на огонь, огонек выскочит’ (Поверье).

Во-первых, в подобных конструкциях содержится кондициональность, это легко доказать, изменив аффикс отрицательной формы глагола на аффикс условного наклонения, при этом основная семантика предложения остается неизменной: *Гаенсез аш эзләсәң, ач калырсың; гаенсез дус эзләсәң, ялгыз калырсың*. ‘Если ищешь еду без изъяна, останешься голодным; если ищешь друга без пороков, останешься одиноким’; *Гайбәт сөйләсәң, бала ирешер*. ‘Если будешь сплетничать, будет горе’ (или же *Гайбәт сөйләмәсәң, бала ирешмәс*. ‘Если не будешь сплетничать, не будет горя’) и т. д. Во-вторых, между компонентами этих паремий прослеживается каузальная зависимость: например, почему нельзя сплетничать, потому что сплетни – к беде и т. д. Вставка специализированного средства выражения ПСО (например, союза *чөнки* ‘потому что’) между частями компонентов этих предложений не нарушит структуру сложного целого и не приведет к потере логического значения: *Гайбәт сөйләмә, чөнки (гайбәт сөйләсәң) бала ирешер*. ‘Не сплетничай, потому что (если будешь сплетничать) будет горе’ и т. д.

Примеры типа *Нәрсәгә генә тотынма – барысын булдыра идең бит син* (Г. Ахунов. Тимерханнның күргән-кичергәннәре). ‘За что ни возмись, все было тебе под силу’ передают универсальную условно-уступительную семантику. Она может быть отчетливо противопоставлена собственно условной. При условной семантике (если А, то Б) не утверждается, что А или Б имеют место, но говорится, что при истинности А, Б также истинно. При условно-уступительной предполагается, что А в принципе может препятствовать возникновению Б, однако говорящий сообщает, что при любом значении А, Б также наблюдается. В тюркских языках условная и условно-уступительная семантика могут выражаться совпадающими или похожими конструкциями.

В исследовании Л. С. Селендили по синтаксису крымскотатарского языка предложение *Ишни башлама, башласань – ташлама* рассматривается как «элементарное сложносочиненное бессоюзное предложение, построенное на сопоставительно-противительных отношениях с оттенком условности, вносимым 2-й предикативной частью – сложноподчиненным предикативным компонентом

условия, в которой условность передается аффиксом *-са*, присоединенным к глаголу придаточной части (односоставной, инфинитивной, нераспространенной)» [Селендили, 2012: 77].

Условная семантика может передаваться при помощи предикативных слов в форме местно-временного падежа. Например: *Берлек барда тереклек бар* (Мэкаль). ‘Если есть единство, есть и жизнь’ (Пословица); *Югарыда урын барда, тубән утырма* (Мэкаль). ‘Если есть почетное место, не сиди у двери’ (Пословица); *Галим барда телең тый, оста барда кулың тый* (Мэкаль). ‘Перед ученым сдерживай язык, а перед мастером – руки’ (Пословица); *Шонкар юкта ябалак майдан тотар* (Мэкаль). (букв. ‘Где нет сокола, там сова хозяйничает’). ‘Сокол с места, ворона на место’ (Пословица); *Яу юкта батыр күп* (Мэкаль). ‘Когда нет битвы, смелых много’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Малың барда баары дос, малың жокто кана дос?* (букв. ‘Если есть у тебя скот, все друзья, а если нет скота, где друг?’). ‘Денежка в кармане – все друзья с нами’ (Пословица). Подобное средство выражения кондициональности не является продуктивным, в таких конструкциях прослеживается и слабовыраженная временная семантика.

В редких случаях семантику условия может передавать причастная форма. Например: *Ижтиһат иткән (сабыр иткән) – морадына житкән* (Мэкаль). ‘Тот, кто проявляет усердие (проявляет терпение), достигает своей цели’ (Пословица). Т. е. условием достижения цели является усердие либо терпение. Предложение можно трансформировать, при этом семантика останется неизменной: *Ижтиһат итсәң (сабыр итсәң), морадыңа житәрсәң*. ‘Если будешь проявлять усердие (проявлять терпение), достигнешь своей цели’.

Рассмотрим еще подобные примеры: *Кулында китап булганның башында гыйлем булыр* (Мэкаль). ‘У кого в руках книга, в голове – знания’ (Пословица); *Сүз хикмәтен белмәгәннең михнәте күп* (Мэкаль). ‘У человека, который не знает премудрость слова, много страданий’ (Пословица); *Башына төшкән башмакчы булыр* (Мэкаль). ‘Если надо, будешь и башмачником’ (Пословица); *Вәжданы пакь*

булганның йөзе ак (Мәкаль). ‘У кого совесть чиста, у того и лицо ясно’ (Пословица).

Предложения можно трансформировать следующим образом: *Кулында китап булса, башында гыйлем булыр*. ‘Если в руках будет книга, в голове – знания’; *Кеше сүз хикмәтен белмәсә, михнәте күп*. ‘Если человек не знает премудрость слова, у него много страданий’; *Башына төшсә, башмакчы булыр*. ‘Если надо, будет и башмачником’; *Вөжданы пакь булса, йөзе ак*. ‘Если совесть чиста, и лицо ясно’. Или же: *Кулында китап булганлыктан, башында гыйлем булыр*. ‘Оттого что в руках книга, в голове – знания’; *Сүз хикмәтен белмәгәнлектән, кешенең михнәте күп*. ‘Оттого что не знает премудрость слова, у человека много страданий’; *Башына төшкәнлектән, башмакчы булыр*. ‘Оттого что надо, будет и башмачником’; *Вөжданы пакь булганлыктан, йөзе ак*. ‘Оттого что совесть чиста, и лицо ясно’.

В следующих конструкциях с причастной формой преобладает каузальная семантика: *Авыруын яшергән үләр, байлыгын яшергән бөләр* (Мәкаль). ‘Скрывающий болезнь (хворь) умрет, скрывающий богатство разорится’ (Пословица); *Авызы пешкән өрөп капкан* (Мәкаль). *букв.* ‘Кто обжег рот, тот берет предварительно подув’ (Пословица); *Ашыккан ашка пешкән* (Мәкаль). *букв.* ‘Поторопился – супом обжегся’ (Пословица); *Елан чаккан – баудан курыккан* (Мәкаль). *букв.* ‘Кого ужалила змея, тот и веревки боится’ (Пословица); *Эшләргә иренгән – ашарга тилмергән* (Мәкаль). ‘Полениться – хлеба лишиться’ (Пословица); *Коралын тапкан – таш кискән, әмәлен тапкан – су кичкән* (Мәкаль). *букв.* ‘Инструментом можно камень раздробить, а ухищрением – реку переплыть’ (Пословица).

Как показывают проанализированные нами примеры, условная семантика, выраженная причастием, не обладает яркой выраженностью.

Репрезентация значения условия причастной формой на *-ган* характерна и для других тюркских языков. Например: башк. *Буренән курккан – урманга бармаган*. ‘Волков бояться – в лес не ходить’ (Пословица); к.-калп. *Билген тавуп айтады*. ‘Знающий говорит остроумно’ (Пословица); кирг. *Амалын тапкан*

ажалдан кутулат. букв. ‘Кто способ найдет, тот от смерти спасется’ (Пословица); *Алын билбеген* – алек. ‘Тот кто не знает своих сил, мучится’ (Пословица); *Оорусун жашырган өлөт, боорун жашырган бөлүнөт.* ‘Кто болезнь свою скрывает, тот умирает, кто родича скрывает, тот отделяется’ (Пословица); *Оозу күйгөн үйлөп ичет.* ‘У кого рот обожжен, тот пьет подув’ (Пословица); *Ашыккан ашка бышкан.* букв. ‘Поторопился – супом обжегся’ (Пословица); *Карышкырдан корккон токойга барбайт.* ‘Волков бояться – в лес не ходить’ (Пословица); *Кош коенду кууган куру калат.* ‘За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь’ (Пословица); кум. *Талап этген – муратгъа этген.* ‘Тот, кто постарался, добился своей цели’ (Пословица).

Аффикс отрицания *-ми* и модальное слово *икән* ‘оказывается’ в составе сказуемого зависимого предложения обозначают условие, которое является необходимым для выполнения определенного события, а невыполнение названного условия приводит к другому последствию: *Жил исми, яфрак селкенми икән.* букв. ‘Оказывается, ветер не подует – листья не шелохнутся’ (‘Оказывается, нет дыма без огня’).

Условное значение может устанавливаться между однородными сказуемыми, которые противопоставляются. Например: карач.-балк. *Полициягъа барады да – Локъманнга кечигеди. Локъманнга барады да – полициягъа кечигеди.* ‘Идет в полицию – к Локману опаздывает. Идет к Локману – в полицию опаздывает’ [Алиев, 1972: 341].

Для реализации условного отношения (как и каузального, целевого, уступительного) необходимо наличие как минимум двух событий. В связи с этим в полной мере кондициональность проявляется в сложных предложениях. Тем не менее, кондициональная семантика может быть выражена и простыми предложениями. В таких случаях условие, как правило, репрезентируется не с формальной, а семантической стороны. (Необходимо отметить, что условная форма глагола, являющаяся эксплицитным средством выражения кондициональности, может употребляться в простом предложении, при этом слабо указывать на предикативность). Так, семантика условия прослеживается в

конструкциях с аффиксами *-лы* ‘с’ и *-сыз* ‘без’, которые имеют значения наличия и отсутствия чего-либо. Например, предложения тат. *Сезнең ярдамсез ул бу эшне башкарып чыга алмас*. ‘Он не сможет довести до конца это дело без вашей помощи’; *Жилсез яфрак селкенми* (Мәкаль). ‘Без ветра дерево (букв. лист, ветка) не гнется’ (Пословица); *Утсыз төтен булмый* (Мәкаль). ‘Нет дыма без огня’ (Пословица); *Азыклы ат арымас* (Мәкаль). букв. ‘Сытый конь не устанет’ (Пословица); туркм. *Тикенсиз гүл болмаз*. ‘Нет розы без шипов’ (Пословица) понимаются как *Сез ярдам итмәсәгез, ул бу эшне башкарып чыга алмас*. ‘Если вы не поможете, он не сможет довести до конца это дело’; *Жил исмәсә, яфрак селкенми*. ‘Если не подует ветер, дерево (букв. лист, ветка) не прогнется’; *Ут булмаса, төтен булмый*. ‘Если нет огня, нет дыма’; туркм. *Тикен болмаза, гүл болмаз*. ‘Если нет шипов, нет розы’ и др.

Причастие на *-ган* в местно-временном падеже, как правило, передает темпоральность: *Ашаганда колагың селкенсен, эшләгәндә йөрәгең жылкенсен* (Мәкаль); *Ашаганда телсез бул, эшләгәндә өнсез бул* (Мәкаль). ‘Когда ешь, будь немой, когда работаешь – безгласным (букв. беззвучным)’ (Пословица); *Түргә узганда, күзе иренең стенага эленгән сәгатенә төште* (Н. Хәсәнов. Кичеккән күке моңы). ‘Когда она проходила в зал, ей в глаза бросились часы мужа’. В других тюркских языках: кирг. *Темирди кызыганда сок*. ‘Куй железо, пока горячо’ (Пословица).

Хотя форма *-ганда/-гәндә (-канда/-кәндә)* – квалификатор темпоральности, между компонентами, связанными этой формой, может устанавливаться условная семантика. Таким образом, в таких предложениях выражается кондициональность с оттенком семантики времени. При этом слабовыраженный оттенок временного значения почти полностью вытесняется условным: *Кеше үрдәген ашаганда, үз казыңның ботын тот* (Мәкаль). букв. ‘Если у кого-то ешь утку, держи за ногу своего гуся’ (Пословица); *Яңгыр яуганда бала жәл, таи яуганда баш жәл* (Мәкаль). букв. ‘Под дождем жаль ребенка, под камнепадом жаль головы’ (Пословица); *Һәр ыру үз ягын каерганда, илдә иминлек булмый* (Р. Зәйдулла. Хан һәм шагыйрь). ‘Когда (если) каждое племя живет по своим правилам, в стране не

бывает мира’; *Мәхәббәт бер яклы гына икән, сүндерергә дә мөмкин әле. Бер йөрәк ут, икенчесе су булганда, якын бар дөньяны чолгап ала алмый* (Ф. Яруллин. Жилкәннәр жилдә сынала). ‘Если любовь односторонняя, ее можно и потушить. Когда (если) одно сердце огонь, а другое – вода, пламя не может охватить весь мир’.

Предложения можно легко трансформировать: *Кеше үрдәген ашасаң, үз казыңның ботын тот; Яңгыр яуса, бала жәл, таш яуса, баш жәл* и т. д. Для выражения этой семантики можно использовать форму *-ган очракта* ‘в случае’, четче отражающую значение допущения альтернативной ситуации: *Кеше үрдәген ашаган очракта үз казыңның ботын тот; Яңгыр яуган очракта бала жәл, таш яуган очракта, баш жәл* и т. д.

Синонимичным форме *-ган очракта* является сочетание *-ган тәкъдирдә*. В этом случае выражается условие, которое предопределяет следствие. Например: *Яңгыр яуган тәкъдирдә урманга бармыйбыз*. ‘В случае если пойдет дождь, мы не пойдем в лес’. В других тюркских языках: узб. *Ёмғир ёгган тақдирда...* ‘В случае если пойдет дождь...’ [Кононов, 1960: 363].

Форма на *-ганда* может находиться и в составе присоединительной конструкции: *Әзер юлдан атлавы да жиңел икән бит. Бигрәк тә янәшәңдә яхшы әңгәмәдәш булганда*. ‘Оказывается, так легко идти по проложенной людьми тропинке. Особенно когда (если) рядом с тобой есть хороший собеседник’; *Ярата ул шушы ерак чиймә юлын. Бигрәк тә ялгыз барганда* (Л. Ихсанова. Шомырт чәчәкләре ак кына...). ‘Она любит эту дорогу к дальнему роднику. Особенно когда идет одна’.

Приобретение этой формы значения условия можно назвать общетюркской особенностью. В ранних памятниках азербайджанского языка наблюдается синкретизм в форме *-анда* темпоральной и условной семантики. Такие предложения употребляются в татарском и других тюркских языках: *Ит булмаганда, үпкә тансык* (Мәкаль). букв. ‘Когда (если) нет мяса, и легкие желанны’ (Пословица); *Моңлы моңын сөйләгәндә, моңсызның башы авырта* (Мәкаль). ‘Когда говорят о нужде, у беззаботного болит голова’. В других

тюркских языках: кирг. *Тойгондо токтунун эти топурак татыйт*. ‘Если сыт, то мясо ярки имеет привкус глины’ (Пословица); *Бирөө билбегенди бирөө билет*. ‘Если не знает один, знает другой’ (Поговорка).

Таким образом, аффикс *-ганда* репрезентирует отношения, возникающие на стыке двух значений, поэтому может считаться условно-временным. Между тем кондициональность выражается при указании на повторяющиеся события, постоянно действующие явления, а не на единичный временной факт. Если заменить аффикс *-ганда* на аффикс условного наклонения, временная соотнесенность между частями утрачивается: *Гаиләдә үзара хөрмәт булганда, тормыш матур бара*. ‘Когда (если) в семье царит взаимоуважение, жизнь бывает красивой’. → *Гаиләдә үзара хөрмәт булса, тормыш матур бара*. ‘Если в семье царит взаимоуважение, жизнь бывает красивой’.

В единичных случаях в тюркских языках встречается сочетание формы на *-ганда* с союзом *әгәр*. Например: башк. *Әгәр клуб ителгән иҫкә маҫәттә иҫкә алмаганда, аwohl бөтөнләй үзгәрмәгән кевек*. ‘Если не принимать во внимание старую мечеть, в которой открыли клуб, деревня будто и не менялась’ [Серебренников, Гаджиева, 1986: 288].

Иногда в конструкциях с деепричастной формой на *-ын/-ен* прослеживается условная семантика. Например: кирг. *Жалгыз урунуп, турмушту көңтөрө албайсың*. ‘Биться в одиночку – жизни не перевернуть’ [Усенбаева, 1979: 60], т. е. ‘Раз ты один, не можешь изменить жизнь’. Между компонентами также присутствует каузальная зависимость: ты один, поэтому не можешь изменить жизнь.

В татарском языке условное значение выражается и отрицательной формой этого деепричастия (*-мыйча, -мый, -ми*). В этом случае условия, необходимые для осуществления другого действия, заключаются в деепричастной форме. Например: *Үзең шатлана белмиңә, башкаларны сөендерә алмыйсың шул...* (М. Хужин. Кеше күнеле – үзе бер кояш). ‘Невозможно доставлять радость другим, если сам не умеешь радоваться’; *Кол кыенга калмыйча, Хызыр килмәс* (Мәкаль). ‘Пока раб [божий] не останется в безвыходной ситуации, Хызр не

появится’ (Пословица). В других тюркских языках: тур. *Kul darda kalmaуmsа Hızır yetişmez*. ‘Пока раб [божий] не останется в безвыходной ситуации, Хызр не появится’ (Пословица).

Деепричастие на *-гач/-гәч*, *-кач/-кәч*, обычно передающее временное значение, в редких случаях указывает на кондициональность. Например: ...*Теләгәч сынасыннар* (Р. Миңнуллин. *Әнкәйләр тәрбиясе*). ‘Раз хотят, то пусть испытывают (проверяют)’; *Үз күңелеңә ошагач, кеше сүзенә карама* (Мәкаль). ‘Если тебе самому по душе, не слушай, что говорят другие’ (Пословица).

Сочетания *ул очракта*, *шул очракта* ‘в этом случае’, ‘в том случае’ не только подчеркивают условную семантику, но и вносят в конструкцию оттенок временного значения. Например: *Аңа бу эштә тәҗрибәле кеше белән киңәшләшергә кирәк, шул очракта уңыш үзен озак көттермәс*. ‘Ему следует посоветоваться с опытным человеком в этом деле, в этом случае успех не заставит себя долго ждать’.

Эти сочетания употребляются и в непосредственном соседстве с союзом *әгәр* ‘если’ и формой *-са/-сә*. Например: *Әгәр ул бу эштә тәҗрибәле кеше белән киңәшләшсә, шул очракта уңыш үзен озак көттермәс*. ‘Если он посоветуется с опытным человеком в этом деле, в этом случае успех не заставит себя долго ждать’.

Когда перед сочетаниями *ул очракта*, *шул очракта* употребляется частица *хәтта* ‘даже’, подчеркивается большая важность условия, и на соотносительном сочетании делается более сильное логическое ударение. Например: *Бар да алдан билгеләнгән план буенча барса, хәтта шул очракта эшләр киләсе ай башына тәмамланьрга тиеш*. ‘Если все пойдет по заранее намеченному плану, даже в этом случае дела должны завершиться к началу следующего месяца’.

Когда к сочетаниям *ул очракта*, *шул очракта* ‘в этом случае’, ‘в том случае’ присоединяется ограничительная частица *гына/генә/кына/кенә* ‘только’, подчеркивается важность именно этого условия. Например: *Аңа бу эштә тәҗрибәле кеше белән киңәшләшергә кирәк, шул очракта гына уңыш үзен озак*

көттермәс. ‘Ему следует посоветоваться с опытным человеком в этом деле, только в этом случае успех не заставит себя долго ждать’.

Если в кондициональной конструкции используется ограничительная частица *гына/генә/кына/кенә* ‘только’, выражается единственность условия, при выполнении которого возможна реализация ситуации, описанной в главной части. Например: *Ул бу эштә тәҗрибәле кеше белән киңәшләшкәндә генә, уңыш үзен озак көттермәс*. ‘Если только он посоветуется с опытным человеком в этом деле, успех не заставит себя долго ждать’.

Слова *шартта, шарт үтәлгәндә* ‘при условии’ наиболее четко подчеркивают условный характер предложения. Например: *Бар да алдан билгеләнгән план буенча барган шартта, эшләр киләсе ай башына тәмамланьрга тиеш*. ‘При условии, что все пойдет по заранее намеченному плану, дела должны завершиться к началу следующего месяца’.

Модальные слова *ихтимал* ‘возможно’, ‘вероятно’, *һичшиксез* ‘бесспорно’, ‘без (всякого) сомнения’, ‘разумеется’, *мөгаен* ‘наверное’, ‘очевидно’ в кондициональной конструкции могут указывать на степень уверенности в возможности осуществления обусловливаемой ситуации (например, *Бар да алдан билгеләнгән план буенча барса, ихтимал, эшләр киләсе ай башына тәмамланьр*. ‘При условии, что все пойдет по заранее намеченному плану, возможно, дела завершатся к началу следующего месяца’) или же акцентировать субъективный характер заключения, к которому говорящий приходит на основании ситуации, сообщаемой в обусловливающей части. В этом случае модальные слова функционально сближаются с лексемой *димәк* ‘значит’, которая прямо указывает на умозаключение.

Сжатые по своей структуре БСП выражают различные семантико-синтаксические отношения. Как отмечают исследователи, бессоюзное соединение сложных предложений в тюркских языках исторически является исконным [Баскаков, 1983: 195].

Языковеды при изучении условных отношений часто оставляют вне поля зрения передачу кондициональности бессоюзными конструкциями. Между

компонентами таких предложений могут быть и условные связи, которые не оформляются эксплицитно. В этом случае смысловое отношение выявляется соотношением содержания отдельных членов предложения. Приведем примеры: *Вақытың үтте – бәхетең китте* (Мәкаль). букв. ‘Время упустил – счастье потерял’ (Пословица); *Шундый инде, саламга утны бер төртеп кенә әҗибәр, аннары аны сүндерермен дип уйламагыз* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Вот так, стоит лишь поджечь солому, потом и не думайте ее потушить’; *Куалар – барасың!* (Г. Ибраһимов. Кызыл чәчәкләр). ‘Если заставляют, идешь’; *Май салкын – кесә тулы алтын, игенгә туклык, чебенгә юклык* (Сынамыш). букв. ‘Май холодный – карман золотом полный, хлебом богат, мухам смерть’ (Примета). В других тюркских языках: кирг. *Санаасы жок сары сууга семирет*. букв. ‘Беззаботный с простой воды жиреет’ (Пословица); ног. *Ајтарман – меннем кетер*. букв. ‘Скажу – от меня уйдет’ [Баскаков, 1940: 179]; тур. *Öfke gelir göz kızarır, öfke gider yüz kızarır*. букв. ‘Приходит гнев – глаза краснеют, уходит гнев – лицо краснеет’ (Пословица).

С подобными примерами встречаемся и в ранних памятниках азербайджанского языка. Необходимо отметить, что в таких бессоюзных конструкциях наблюдается наложение условной семантики на временную. Например: *Инәк су ичәр, сүд олар. Илан су ичәр, зәһәр олар*. ‘Когда (если) корова пьет воду, молоко бывает, когда (если) змея пьет воду, яд бывает’; *Ай доғар күн динчәләр*. ‘Когда (если) месяц восходит, солнце отдыхает’ [Гаджиева, 1963: 23]. Как правило, подобные примеры встречаются в пословицах и поговорках, содержание которых имеет обобщенный характер.

Такой структурный тип БСП встречается и в других тюркских языках: гаг. *Дам чөкәр дирек истәр, кар йаар күрек истәр*. ‘Хлев кренится – подпорку просит, снег идет – лопату просит’; тур. *At ölür nalı kalır, adam ölür namı kalır*. ‘(Когда) околевает конь – подкова остается, (когда) умирает человек – имя остается’ [Исследования по СГТЯ, 1961: 198].

Анализ языкового материала показал, что при передаче условного значения при помощи БСП в татарском языке сказуемое зависимой (логически) части

может выражаться глаголом повелительного наклонения. При этом в обусловленной части часто употребляется форма будущего времени. Как правило, в этом случае кондициональная семантика принадлежит плану потенциальности, осложняется временным или причинным значением. Например: *Ул музейга барлык сәләтеңне сал, исемең мәңге югалмас* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Приложи все свои способности в этот музей, и твое имя будет жить вечно’; *Белмисез – өйрәтербез, теләмисез – мәжбүр итәрбез!* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Не знаете – научим, не хотите – заставим!’. В других тюркских языках: кирг. *Бул ишти уюштургула – силерди алтынга бөлөйм.* ‘Устройте это дельце – озолочу вас’ [Усенбаева, 1979: 56]; кум. *Аз сейле, кеп тынгла – уялмассан.* ‘Мало разговаривай, много слушай – не придется стесняться’ (Пословица); тур. *Seyrek git sen dostuna, kalksın ayak üstüne.* (букв. ‘Редко ходи к другу, пусть встанет на ноги’) ‘Редкое свидание – приятный гость’ (Пословица); *Tembele iş buyur, sana akıl öğretsin.* ‘Поручи лентяю дело, пусть поучит тебя уму’ (Пословица).

Проанализированные нами примеры показывают, что БСП, репрезентирующие кондициональность, имеют неизменную структуру: в первом компоненте предложения выражается условие, при осуществлении которого может быть реализовано действие, обозначаемое предикатом второго компонента. Причем предикатами в форме изъявительного наклонения передается значение реального условия. Подобные БСП можно легко преобразовать в СПП.

Условные отношения могут складываться между однородными сказуемыми, один из которых выражается глаголом повелительного наклонения. Например: узб. *Тўғри бўлинг – бежаватир бўласиз.* ‘Будьте честным – будете спокойно жить’; *Ўзингга топширилган ишни тугаллаштиришига чалиш – ҳар кимдан «балли» эшитасан.* ‘Старайся выполнить порученную тебе работу – от каждого услышишь «молодец» [Кононов, 1960: 411].

Условная семантика с оттенком результативности может содержаться и между компонентами БСП, сказуемые которых выражено инфинитивом. В таких случаях, как правило, между частями сложного предложения используется слово

димэк ‘значит’. Например: *Яратырга – димэк, үз-үзеңне корбан итәргә.* ‘Любить – значит, жертвовать собой’; *Укырга – димэк, күп белергә.* ‘Читать – значит, много знать’.

Кондициональность в ССП может быть передана при помощи союзного слова *һәрхәлдә* ‘во всяком случае’. В подобных примерах выражается ситуация, реализация которой представляется наиболее возможной среди других имеющихся ситуаций. Например: *Тимербулат карт бу баланың үз улы булуына үзе дә ышана башлады кебек, һәрхәлдә, аның күңелендә шундый хисләр иде* (Ф. Бәйрәмова. Кырык сырт). ‘Кажется, старик Тимербулат и сам начал верить в то, что этот ребенок его собственный сын, во всяком случае, у него на душе были такие чувства’; *Яңгыр туктаган иде, кояш, болыт тоткынлыгыннан котылып, жиргә саран гына нурларын сибә. Һәрхәлдә, кызыйга суык тимәскә тиеш* (Р. Зәйдулла. Ачкыч чыпта астында). ‘Дождь прекратился, солнце, освободившись от плена туч, скупое озаряет землю. Во всяком случае, девчушка не должна простудиться’.

Как видим, ССП с условным значением близки по семантическому содержанию СПП, в них присутствует эксплицитно не оформленная подчинительная связь.

3.4. Семантическая связь между кондициональными и каузальными отношениями

Мнения лингвистов относительно причинно-следственных и условно-следственных отношений неоднозначны. Некоторые лингвисты утверждают, что между условием и следствием устанавливается каузальная связь. «Осуществление условия независимо от воли говорящего автоматически влечет за собой выполнение следствия. Роль говорящего сводится к тому, что он, зная о наличии

объективной закономерности, сообщает о ней слушающему» [Типология условных конструкций, 1998: 28].

К разряду таких предложений, на наш взгляд, можно отнести приметы и поверья. Например: *Каз авызын шакылдатса, рашкы явар* (Сынамыш). ‘Если гуси щелкают клювами – быть граду’ (Примета); *Май салкын булса, ел игенле булыр* (Сынамыш). (букв. ‘Если май будет холодным) Май холодный – год хлебородный’ (Примета).

Аффикс *-са/-сә* может быть в составе конструкций, репрезентирующих каузальность. В ходе проведенного исследования было выявлено, что в большинстве случаев наряду с условной формой, указывая на ПСО, используются дополнительные средства: *Ашаганда телең тешләсәң, димәк, кунак ачыгып килә* (Ышану). ‘Если прикусил язык во время еды, значит, гость придет голодным’ (Поверье); *Бит кычытса, димәк, йөзгә оят килә* (Ышану). ‘Если чешется лицо, значит, тебе будет стыдно’ (Поверье).

В данных примерах слово *димәк* ‘значит’, которое в этих случаях является факультативным, подчеркивает семантику вывода. Тем не менее по логике в вышерассмотренных предложениях формальный показатель кондициональности не указывает на реальное условие, поскольку прикус языка во время еды не может быть условием того, что гость придет голодным, так и чесание лица не является условием того, что тебе будет стыдно.

Слово *димәк* ‘значит’ соотносится с условным предложением, выражающим действие как реальный факт. Каузальное значение в такой конструкции складывается в какой-то степени присутствием данного слова, которое вносит семантику подчеркивания вывода, вытекающего из названной в придаточном компоненте причины.

Конструкция, включающая в себя глагол *бул* ‘быть’, аффикс *-са/-сә* и предикативное слово *кирәк* ‘надо’, выражает ПСО с предположительной причиной: *Бу турыда исенә төшерүем ошамады булса кирәк, картның йөзөндә пәрәвез селкенеп куйды* (Р. Зәйдулла. Сөембикә). ‘Должно быть, ему не понравилось то, что я об этом напомнил, лицо старика вздрогнуло’; *Остроумов*

үзенең алышта өстен чыгачагына аз гына да шикләнми иде **булса кирәк**: майдан уртасына ул ныклы, ышанычлы адымнар белән атлап керде (Р. Галиуллин. Әхәт Батыр). ‘Должно быть, Остроумов нисколько не сомневался в том, что он выйдет из борьбы победителем: он направился в центр арены твердыми, уверенными шагами’; *Олы зәңгәр күзләр дә аны инде күптәннән эзлиләр иде булса кирәк, менә аларның карашлары очрашты...* (Ф. Латыйфи. Аяклы каза). ‘Должно быть, большие голубые глаза тоже уже давно искали его, и вот их взгляды встретились...’

«Предположительное условие не может вызвать реальное следствие» [Назикова, 1974: 78]. В отличие от этого, предположительная причина может привести к реальному следствию. В вышеприведенных предложениях причина является предположительной, а следствие – реальным фактом: *картның йөзедә пәрәвез селкенеп куйды* – ‘лицо старика вздрогнуло’, *майдан уртасына ул ныклы, ышанычлы адымнар белән атлап керде* – ‘он направился в центр арены твердыми, уверенными шагами’, *менә карашлары очрашты* – ‘вот их взгляды встретились’. Проведенный анализ показывает, что достоверность следствия не обусловлена истинностью причины. Говорящий всего лишь сомневается в том, что названная причина породила данное следствие, так как могли быть и другие причины, а описанные в этих примерах являются домыслами говорящего.

В некоторых предложениях содержатся средства выражения и кондициональной, и каузальной семантики. Например: *Бу якты дәнъяга килгәнбез икән, димәк, кирәк булганга туганбыз* (Э. Шәрифиллина). ‘Раз мы пришли на этот белый свет, значит, так было нужно’; *Әгәр дә синең якын кешеләрең бар икән, димәк, син беркайчан да ирекле була алмыйсың* (Р. Вәлиев. Мирас). ‘Если у тебя есть близкие люди, значит, ты никогда не сможешь быть свободным’.

Связь с каузальностью прослеживается, когда обуславливающее событие выступает в качестве основания для того, чтобы сделать определенные умозаключения. Например: *Муллык бар икән, димәк, тырыш* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Раз есть достаток, значит, старательный’; *Сине сакчы саклап йөртә икән, димәк, син зур кеше* (Ф. Яруллин. Гөлжиһан

малайлары). ‘Раз у тебя есть свой телохранитель, значит, ты важный человек’; *Үзе әйтми икән, димәк, сорау да тиеш түгел* (Н. Акмал. Шәкүр). ‘Раз сам не говорит, значит, не надо и спрашивать’.

В некоторых примерах наблюдается условно-следственная семантика. Например: *Миннән башка дүрт апам да бар бит әле. Шулар кияүгә чыга-китә калса дип асрыйбыз без ул хәтле малны* (З. Хөснияр. Терсәк сугышы). ‘У меня есть еще четыре сестры. Столько скотины мы держим на случай, если они выйдут замуж’.

Предложение может содержать в себе и условное значение, и причинно-следственную семантику, которые не выражаются эксплицитно. Например: *Бер эшкә алындың – бар эшкә алындың* (Мәкаль). Данный пример не имеет каких-либо формальных показателей, указывающих на каузальные или кондициональные отношения. Предложение можно интерпретировать двояко: *Бер эшкә алынсаң – бар эшкә алынасың*. ‘Если взялся один раз за дело, берешь на себя все дела’ и *Бер эшкә алындың – димәк, бар эшкә алындың*. ‘Взялся один раз за дело, значит, взял на себя все дела’ (Пословица).

Важную роль в разграничении причинно-следственных и условных отношений играет контекст. Например, предложение *Авылда ут юк икән, яшьләр китап укый алмый, гәзит укый алмый* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘В деревне нет света, молодежь не может читать книги, газеты’ также можно понять неоднозначно: *Авылда ут булмаса, яшьләр китап укый алмый, гәзит укый алмый*. ‘Если в деревне нет света, молодежь не может читать книги, газеты’ и *Авылда ут булмаганга, яшьләр китап укый алмый, гәзит укый алмый*. ‘Молодежь не может читать книги, газеты, потому что в деревне нет света’.

В таких случаях семантика выявляется либо при помощи интонации (непосредственно во время разговора), либо по контексту. В представленном выше примере выражается причинно-следственное отношение, это можно понять по следующему предложению: *Электрны авылларда булдыру шуның өчен дә*

кирәк (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘И поэтому в деревнях нужно электричество’.

Одинаковые средства связи служат для передачи и каузальности, и кондициональности и в других тюркских языках. Например, в гагаузском языке союз *чўнкү* вводит как придаточные причины, так и придаточные условные предложения: *Алатлээр адамнар, чўнкү даа ичиндә башлээр каранлык олмаа*. ‘Спешат люди, так как в лесу уже начинает темнеть’ – выражается каузальность; *Чўнкү гагаузча билерсин, йок не утанасын лафетмәй*. ‘Если знаешь по-гагаузски, (то) нечего тебе стесняться разговаривать (на нем)’ – передается условная семантика [Гайдаржи, 1981: 8, 9].

Придаточные предложения, вводимые союзом *чўнки* и передающие выполненное условие, встречаются в ранних памятниках азербайджанского языка [Гаджиева, 1963: 73].

В «Грамматике карачаево-балкарского языка» как вид сложносочиненных предложений с причинно-следственными отношениями выделяются предложения, выражающие условие–следствие: *Бош турма, артха кьалырбыз*. ‘Не стой, отстанем’; *Сокьма кьобузну, сабийни юятаса*. ‘Не играй на гармонике, разбудишь ребенка’ [ГК.-Б.Я, 1976: 526].

Таким образом, сложности в разграничении разных смысловых отношений связаны в первую очередь с тем, что одинаковые формальные показатели употребляются для репрезентации нескольких значений, и одна и та же семантика способна выражаться разными средствами.

3.5. Смысловые отношения, выражаемые формой условного наклонения глагола

Форма условного наклонения может выражать различные смысловые отношения (Таблица 1).

Предложения с глагольной формой на *-са/-сә* могут использоваться без главного при выражении эмоциональности высказывания в татарском языке. В этом случае, как правило, они реализуются в текстовых модулях типа ‘рассуждение’. Например: *Үз әтисе бит ул аның: улының үле гәүдәсе янында ясин чыга-чыга, күз яшьләрен йота-йота, тавышсыз гына елап утырса... Баһау абыйсы, атларын карарга кирәген онытып, хәсрәтәннән нишләргә белми йөрсә, сабакташлары жыелышып елашсалар?..* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Он же его родной отец: если он будет сидеть и тихо, беззвучно плакать над бездыханным телом своего сына, глотая слезы и читая молитву... Если дядя Бахау будет ходить, не зная что делать от горя и забыв о том, что ему надо ухаживать за лошадьми... Если его одноклассники соберутся и будут плакать...’

Действия, взаимосвязанные аффиксом *-са*, противопоставляются: *Мин кара чәчле булсам, ул аксыл-сары чәчле иде* (Ә.Гадел. Еракта, томаннар артында...). ‘Если я черноволосый, то он был светловолосым’; *Таһирҗан карт дөньяны җаны белән тойса, Баһадур аны акылы белән ача* (Ф. Бәйрәмова. Караболак). ‘Если старик Тагиржан чувствует мир своей душой, Багадур открывает его своим умом’; *Башкалар тамак төбө белән кычкырып ашарга дауласа, бу бала тыныч кына көтөп тора* (Р. Галиуллин. Балам-багалмам). ‘Если другие требуют кушать пронзительным криком, этот ребенок спокойно ждет’; *Эшең авыр булса, ашаган ризыгың татлы булыр* (Мәкаль). (букв. ‘Если работа у тебя тяжелая, еда, которую ты кушаешь, будет сладкой’). ‘Работай до поту, поешь хлеба в охоту’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Бирөө кечерге кечүү таппай жүрсө, бирөө ичерге суу таппай жүрөт*. ‘Если один для переправы брода не находит, другой для питья воды не находит’ (Пословица); *Үйүңдө сүтүң төгүлсө, талаада музоң эмин кетет*. ‘Если в юрте молоко разольется, то в поле теленок высосет’ (Пословица).

Вместо аффикса *-са/-сә* в подобных примерах можно использовать любое специализированное средство передачи противительных отношений. Например: *Мин кара чәчле, ә ул аксыл-сары чәчле иде*. ‘Я черноволосый, а он был

светловолосям’; *Таһиржан карт дөнъяны жаны белән тоя, ә Баһадур аны акылы белән ача*. ‘Старик Тагиржан чувствует мир своей душой, а Багадур открывает его своим умом’; *Башкалар тамак төбе белән кычкырып ашарга даулый, ә бу бала тыныч кына көтеп тора*. ‘Другие требуют кушать пронзительным криком, а этот ребенок спокойно ждет’; *Эшең авыр, ә ашаган ризыгың татлы*. ‘Работа у тебя тяжелая, а еда сладкая’.

Форма *-са/-се* выражает не только условную, но и желательную семантику в туркменском языке. Например: *Көңлим истәр, гезсем дүнийә-әлеми*. (букв. ‘Мое сердце хочет, чтобы я прошел по всему миру’). ‘Мне хочется пройти по всему миру’ [Поцелуевский, 1975: 247].

В туркменском языке иногда предложения с глагольной формой на *-са/-се* из придаточных превращаются в самостоятельные. Это происходит в тех случаях, когда ярко выражен оттенок желания, и необходимость в главном предложении с глаголами ‘хотеть, желать’ отпадает. Например: *Кәшки адам бу дүнийәге гелмесе, геленден соң өмүр сүрсе, өлмесе!* ‘Если бы человек не появлялся в этот мир, а появившись, жил бы и не умирал’ [Поцелуевский, 1975: 248].

Аффикс *-са/-сә* может репрезентировать условно-сопоставительную семантику: *Кочагымда жылы беткән, Үткәндер дисәм язым – Каты ташны эретерлек Бар икән әле назым* (Ф. Яруллин. «Моннан соң беркемне сөймәм...»). ‘Думал (букв. Если говорил), что нет уже тепла в моих объятиях, прошла моя весна; оказывается, есть еще во мне нежность, способная расплавлять твердые камни’.

В редких случаях с помощью формы *-са/-сә* может передаваться отношение обратной обусловленности. Например: *Буш чиләкле алларымнан үтсә, Мәче юлны киссә – шикләну юк...* (Ф. Жамалетдинова. Исән чакта). ‘У меня нет сомнений, даже если (несмотря на то, что) передо мной пройдет человек с пустыми ведрами, дорогу перебежит кот...’

Форма *-са/-сә* употребляется и для передачи экспрессии: *Аның сөйләнүен күрсәң* (Х. Камалов. Куян күзе нигә кызыл?). ‘Если бы ты видел, как он

разговаривает'; *Менә сиңа кирәк булса* (Әйтем). (букв. 'Вот, если тебе надо'). 'Вот тебе на!' (Поговорка).

Аффикс *-са/-сә* передает семантику пренебрежения: *Калсаң кал...* (К. Сибгат. Замана). 'Если хочешь, оставайся'; *Әйтсәң әйтерсең инде*. 'Если скажешь, ну и говори'.

Форма *-са/-сә* может указывать на быстроту действия. Например: *Шаку тавышына ишекне ачсам – анда ике кеше* (Г. Нәбиуллин. Ярдәмчеләр). 'Послышался стук в дверь, я открыл – а там (стоят) двое'; *Йөгерең чыкса – каршысына килә*. 'Выбежал – идет к нему'.

В нижепоследующих предложениях форма *-са* использована лишь в качестве стилистического приема и не выражает условную семантику: *Алга карасаң, офыкның моңсыз чиксезлеге күңелне төшерә* (А. Хәлим. Өч аяклы ат). 'Если посмотришь вперед, беспечная бескрайность горизонта придает уныние'; *Тимерхан үсмер малай чакта колхозның баш хисапчысы Хужа абзыйга ничек ышанып караса, ул өйрәткәннәрне ничек бирелеп башкарса, старшина Макаров әйткәннәрне дә шундый ук тырышлык белән башкара торган булды* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). 'Как доверял Тимерхан главному бухгалтеру колхоза дяде Худжа, еще будучи подростком, как добросовестно выполнял все, чему он его учил, точно с таким же старанием он начал выполнять поручения старшины Макарова'; *Иптәш полковник тынычландырса тынычландыра инде аны...* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). 'Его может успокоить только товарищ полковник...'; *Тәрәздән карасам, күк йөзе чалт аяз* (С. Әдһәмова. Әкият дөнъясына аяк басканда...). 'Посмотрел в окно, а небо такое ясное'. В других тюркских языках: алт. *Олордын көксинен тутса, кичинек жүректери типилдежип турар*. 'Прикоснешься к их груди, их маленькие сердца стучат' [Байжанова, 2004: 70].

В некоторых предложениях с *-са/-сә* синкретично репрезентируются семантика условия и вводности. Придаточное, связанное с главным предложением аффиксом *-са/-сә*, называет условие как попутное замечание, выражающее модальную характеристику действия главного предложения: *Безнең*

авылда, дөресен айтсам, кушаматсыз малай юк (Ә. Гадел. Еракта, томаннар артында...). ‘По правде говоря, в нашей деревне нет мальчика без прозвища’; *Беләсегез килсә, безнең әле шактый вакытыбыз бар*. ‘Если хотите знать, у нас еще есть время’.

В условной форме может содержаться оттенок приказания [Дыренкова, 1941: 178].

В татарском языке с помощью формы *-са/-сә* может выражаться временное значение. Например: тат. *Ата торып, улы сөйләсә – черкенлеге* (Әйтем). ‘Противно, когда при отце говорит сын’ (Поговорка); *Ябага тайны хурлама, язга чыкса ат булыр* (Мәкаль). ‘Не охайвай жеребенка по второму году, летом он уже конем станет’ (Пословица). В других тюркских языках: к.-калп. *Байагы джолда кийатырса, еки баланынь бир күйшүкти сабай джүргенин көреди* [Баскаков, 1956: 88]; карач.-балк. *Алтын көрсө, бериште да жолдон чыгат*. ‘При виде золота и ангел с пути сбился’ (Пословица); кирг. *Хан жылкычысын сууга жиберсе, бээ суунун боюна тууп калган экен*. ‘Когда хан послал табунщика за водой, кобылица ожеребилась около реки’ [Скирдов, 1970: 180].

Сочетание условной формы со словом *кирәк* ‘надо’, ‘нужно’ выражает значение вероятности: тат. *Ул бу турыда белә булса кирәк*. ‘Он, должно быть, знает об этом’; туркм. *Гүллер ачылса гөрөк*. ‘Цветы, должно быть, распустились’ [Поцелуевский, 1975: 249].

Как показывают проанализированные выше примеры, конструкция с формой условного наклонения глагола по значению очень многогранна, исходя от общего смыслового содержания контекста, выражает различные отношения, между обуславливающим и обуславливаемым складываются разные оттенки семантики.

**Значения, выражаемые условной формой *-са/-сә*, в татарском языке и
их процентное соотношение
(1000 примеров)**

Значения, выражаемые условной формой <i>-са/-сә</i>	%	Количество примеров
I. Конструкции с условным значением:		
1. Возможное (реальное) / потенциальное условие	23,1	231
2. Невозможное (недействительное) / ирреальное условие	11,9	119
3. Желательное условие	5,3	53
4. Нежелательное условие	2,1	21
5. Условно-следственная семантика	10,6	106
6. Условно-временная семантика	12,4	124
7. Условно-сопоставительная семантика	3,9	39
II. Желательная семантика	10,2	102
III. Семантика противопоставления	4,2	42
IV. Экспрессивное значение	5,8	58
V. Значение вводности	4,2	42
VI. Семантика вероятности	6,3	63

3.6. Уступительные отношения в системе обстоятельственных отношений мотивировочного характера

Уступительные отношения формируются из двух компонентов: действия, препятствующего осуществлению другого события, и действия, которое совершилось вопреки существовавшему препятствию. Между частями устанавливается противоречие: событие, данное в придаточном компоненте, не выступает основанием для того, чтобы отменить названную в главном компоненте ситуацию. Описанные процессы могут быть одновременными, в этом случае основное действие выступает как постоянный признак субъекта: *Гөлфиянең бабасы дәм суқыр, шулай да ул, ни өчендер, матур келәм кадакланган стенага түгел, якты тәрәзәгә карап утырырга ярата* (Ф. Шәфигуллин. Актәпи). ‘Дед Гульфийи совсем слепой, несмотря на это он почему-то любит смотреть не на стену, на которой висит красивый ковер, а на светлое окно’.

По времени второстепенное действие может происходить раньше основного действия. При этом в предложении может содержаться конкретный маркер, указывающий на предшествование второстепенного действия. Например: *Күп сулар акса да, кайчандыр кемнедер ярата идем дип уйлау рәхәт бит!* (Р. Зәйдулла. Дару). ‘Хотя и утекло много воды, приятно думать о том, что когда-то кого-то любил’.

В предложениях типа тат. *Буран булса да, алар ерак юлга чыкты*. ‘Несмотря на буран, они вышли в дальний путь’; карач.-балк. *Къар джауса да, суукъ туююлдою*. ‘Хотя и выпал снег, но не холодно’ [Алиев, 1972: 206] выражается неестественность сосуществования событий, которые, как правило, несовместимы друг с другом.

Препятствий к осуществлению действия может быть несколько. Например: *Куырса да битне язмыш жиле, Таласа да жанны комсызлар, Түшем белән шуып үргә мендем, Яктырттылар юлны йолдызлар* (М. Хөсәен. Тормыш). ‘Хотя и

обжигали мое лицо ветра судьбы, хотя и терзали мою душу алчные люди, я все двигался вперед, мой путь освещали звезды’.

Значимая роль в репрезентации семантики уступительности принадлежит лексическому наполнению конструкций. «Необходимо выделить грамматикализованные лексические элементы, которые, проникая в структуру сложного предложения, приобретают строевую функцию» [Губанов, 2016: 36].

В качестве средств связи в уступительных конструкциях в татарском языке преобладающей является форма *-са да* (и в простом, и в сложном предложении). Следует отметить, что в этом случае, как правило, выражается реально-уступительная семантика. То есть в уступительном компоненте содержится представляющее собой реальное событие отвергнутое препятствующее основание. Например: *Еллар бик авыр булса да, искиткеч кызык иде. Тамак ач булса да, күңелләр көр иде* (Ә. Гадел. Еракта, томаннар артында...). ‘Хотя годы были очень тяжелыми, было очень интересно. Хотя и были голодными, настроение было приподнятым’; *Өеңә караңгы булгач кайтсаң да, орышучы юк. Сиңа, бияләй югалтсаң да, сүз әйтүче юк* (Ф. Шәфигуллин. Ерактамы, якындамы?). ‘Даже если ты поздно вернешься домой, некому тебя отругать. Даже если ты потеряешь варежки, никто тебе не скажет ни слова’; *Кайтыр вакыт жәйтсә дә, Илгизәрне ниндидер көч монда тотып торды* (Н. Хәсәнов. Кичеккән күке моңы). ‘Несмотря на то что пришло время возвращаться, какая-то сила удерживала Ильгизара здесь’. В других тюркских языках: к.-калп. *Қанша уйқылайып десе де көзи илинбеди*. ‘Сколько он ни старался заснуть, глаза никак не смыкались’ [Давлетов, 1989: 20]; карач.-балк. *Марьям кьарт болса да, ойнагьаны-кюлгени кьалмагьанды*. ‘Хотя Марьям и состарилась, но смех ее и игра не прекратились’ [Алиев, 1972: 206]; кирг. *Кумурска кичинекей болсо да, кайраты тоо аңтарат*. ‘Мал муравей, но сила его горы сворачивает’ (Пословица); кр. тат. *Шеэрден кеткенине даа чокъ олмаса да, чокъ шей деньишкен...* ‘Хотя еще не так давно я уехал из города, многое изменилось...’ [Оказ, 2002: 24]; кум. *Не чагьы башынгьы гоьтерип кьарасангь да, йол оьрге бара эди*. ‘Сколько бы ты ни смотрел, поднявши голову, дорога (все время) шла вверх’ [Дмитриев, 1940: 200];

ног. *Есенеи тамгъа елге ортакъ ким салса да болайакъ*. ‘Есенеи тавро – общее для народа, кто бы ни заклеил им – годится’ [Баскаков, 1940: 128]; тур. *Arkadaşım cevabını biliyorsa da bana söylemiyor*. ‘Хотя мой друг и знает ответ, мне не говорит’ [Щека, 2007: 439]; шор. *Суразань-да, нис саа айтпасныс*. ‘Даже если и спросишь, мы тебе не скажем’ [Дыренкова, 1941: 179].

В туркменском языке эта же семантика передается формой *-се хем*; в узбекском языке – формой *-са ҳам*. Например: туркм. *Мен юваш йөрәп гитсем хем, окува вагтында бардым*. ‘Несмотря на то, что я шел медленно, на занятия пришел вовремя’ [Поцелуевский, 1975: 175]; узб. *Бошингга қилич келса ҳам, тўғри сўзингни айт*. ‘Хотя бы к твоей голове приставили меч, а все равно говори правду’ [Кононов, 1960: 416].

Уступительная конструкция может находиться в интерпозиции. Например: тат. *Дегет лагуны, хажга барып кайтса да, дегет лагуны булып кала* (Мэкаль). (букв. ‘Если даже дегтярница совершит хадж, все равно останется дегтярницей’). ‘Осел остается ослом, хоть осыпь его звездами’ (Пословица).

Интересно отметить, что в редких случаях уступительная семантика образуется лишь при помощи *да/дә*. Например: *Бакыр зур да казан ямыйлар, алтын кечкенә дә түшкә кадыйлар* (Мэкаль). (букв. ‘Хотя медяк большой, им латают котел, хотя золотой мал, его носят на груди’). ‘Мал золотник, да дорог’ (Пословица). В других тюркских языках: тур. *Kardeşiniz geldi de bize uğramadı*. ‘Хотя ваш брат и пришел, но к нам он не заглянул’ [Баскаков, 1984: 169].

В отличие от других тюркских языков, в алтайском языке частица *да* находится перед условной формой глагола: *Нөкөри ичинде ачынып та турза, кожо јанып ийди*. ‘Хотя друг и сердился, вместе (со мной) пошел домой’; *Июнь де болзо, тышкары соок*. ‘Хотя (уже) июнь, на улице прохладно’ [Синтаксическая и лексическая семантика, 1986: 75]; *Асканак тойу да болзо, аштай берди*. ‘Асканак, хотя и был сытым, проголодался’ [Байжанова, 2004: 72].

Уступительная семантика представляется и пословичными высказываниями. Таким конструкциям характерна темпоральная обобщенность, для реализации которой наиболее употребительны формы настоящего и

неопределенного будущего времени. Например: *Буре баласын бүреккә салсаң да, урманга карый* (Мәкаль). ‘Сколько (как) волка не корми, он все в лес смотрит’ (‘Не будет толку ни от волка рощенного, ни от вора прощенного’) (Пословица); *Кара куйның тиресен сабынлап юсаң да агармас* (Мәкаль). (букв. ‘Шкура черной овцы не станет белой, даже если мыть ее с мылом’). ‘Черного кобеля не отмоешь добела’; ‘Коли душа черна, так и мылом не отмоешь’ (Пословица); *Ашыгып ашама, ашыгып сатма, ашыксаң да, насыйбыңнан артык алмассың* (Мәкаль). ‘Не спеши в еде и в продаже, все равно больше того, что суждено, не получишь’ (Пословица); *Бала азар булса да, ана бизәр түгел* (Мәкаль). (букв. ‘Пусть ребенок будет испорченным, мать все равно не откажется от него’). ‘Дитя хоть и хило, да отцу с матерью мило’ (Пословица); *Комсызның үзе туйса да, күзе туймас* (Мәкаль). ‘У жадного глаза завидующие’. (‘Жадное брюхо ест по уху’). (Пословица). В других тюркских языках: азерб. *Даг дага говушмаса да, адам адама говушар*. ‘Хоть гора с горой и не сходится, а человек с человеком сойдется’ (Пословица).

С помощью формального показателя уступительной семантики (*-са да*) может выражаться сравнительное отношение, что наблюдается преимущественно в обобщенных высказываниях, пословицах. Например: *Агач нинди биек булса да, тамыры жирдә* (Мәкаль). (букв. ‘Каким бы высоким ни было дерево, а корни его в земле’). ‘Дерево сильно корнями’ (Пословица); *Жан тартмаса да, кан тарта* (Мәкаль). ‘Нет душевного влечения, но связывают кровные узы’ (Пословица); *Ярлы булса да, күңеле киң* (Мәкаль). букв. ‘Хотя и беден, но великодушен’ (Пословица); *Тау белән тау очрашмаса да, кеше белән кеше очраша* (Мәкаль). ‘Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся’ (Пословица). В других тюркских языках: карач.-балк. *Бичакъ жара сау болса да, жүрек жара сау болмайды*. ‘Если даже ножевая рана заживает, сердечная рана не заживает’ (Пословица); *Къылыч жара сау болса да, сүймеклик жара сау болмаз*. ‘Рана, нанесенная саблей, может зажить, но рана, нанесенная любовью, – нет’ (Пословица) [ГК.-Б.Я, 1976: 436].

Форма *-са да* может передавать семантику вводности. Например: *Ниләр генә дисәгез дә, кешене урын боза, егетләр* (Ф. Садриев. Ак эт бәласе – кара эткә). ‘Что ни говорите, парни, а высокое положение портит человека’.

Уступительные отношения выражаются послелогоми *карамастан, карамый* ‘несмотря на...’, ‘невзирая на...’. Например: *Ара-тирә яшенле явымнарға карамастан, һавалар берьюлы рәхәтләнен, жылынып киттеләр* (Г. Ибраһимов. Тирән тамырлар). ‘Несмотря на периодические грозовые дожди, дни стали теплыми’; *Төннең бик вакытсыз чагы булуга карамый, бала югалу турындагы хәбәр бөтен авылга таралып өлгергән иде* (Г. Галиев. Каракош сыртында). ‘Несмотря на ночное время, весть о пропаже ребенка успела распространиться по всей деревне’. В других тюркских языках: башк. *Һугыш осоронда урын, уқытыусылар етешмәүе менән бәйләнгән зур қыйынлықтарға қарамастан, қала мәктәптәре нормаль эшләне*. ‘Несмотря на большие трудности, испытываемые из-за недостатка в учителях и помещении, городские школы в годы войны работали нормально’ [ГСБЛЯ, 1981: 419]; туркм. *Хованың ыссы боланына гарамаздан, шәхериң көчелеринде адам көпди*. ‘Несмотря на то, что стояла сильная жара, на улицах города было людно’ [СГРиТЯ, 1977: 170].

Как видим, в уступительных конструкциях с *карамастан* выражается категорическое несоответствие между событиями. При этом придаточная часть не может находиться в постпозиции и завершить сложное предложение, как правило, занимает препозицию. В редких случаях встречается интерпозиция придаточного предложения с *карамастан*. Например: *Эт тә, өйдә кешеләр күп булуга карамастан, туп-туры Ибраһимов янына килгән* (М. Насыйбуллин. Имтихан). ‘Собака, несмотря на то, что в доме было много народа, подошла прямо к Ибрагимову’.

Вообще, для СПП с придаточным уступки в татарском языке характерна препозиция придаточной части, реже они допускают и интерпозицию придаточного компонента. Расположение частей, как правило, связано с их коммуникативной нагрузкой. Так, при интерпозитивном расположении придаточного предложения уступительное значение заметно ослабевает, само

придаточное сближается по семантике с вводно-вставочным предложением, в котором заключаются добавочные замечания. Например: *Сакчыларның берсе, дәм караңгы булуга да карамастан, алгарак китте...* (М. Хәсәнов. Язгы ажаган). ‘Один из стражников, несмотря на кромешную тьму, пошел немного вперед’.

В карачаево-балкарском языке уступительность может выражаться формой направительного падежа причастия прошедшего времени с аффиксом *-лыкъ* (как в сложном, так и в простом предложении): *Арыкъ ат къамчи бла ургъанлыкъгъа джортмаз*. ‘Худая лошадь, хоть бей плетью, не бежит’; *Джашы атасындан ёбгелегенликге аны айтханын иги толтурады*. ‘Хотя сын и обижается на отца, но выполняет его волю полностью’ [Алиев, 1972: 204]; *Устала ёлгенликге, усталыкъла къаладыла*. ‘Хотя мастера и умирают, мастерство их остается’; *Джигит шок атылгъанлыкъгъа, кёз къысмаз*. ‘Джигит не закрывает глаза из-за того, что винтовка выстрелит’ [Алиев, 1972: 206]; *Кюн кеч болгъанлыкъгъа, къонакъ атына миниб кетды*. ‘Хотя было поздно, гость, сев на своего коня, уехал’ [Алиев, 1972: 343].

Относительно последнего примера следует отметить, что такая конструкция в татарском языке репрезентирует ПСО: *Көн кич булганга, кунак атына менеп китте*. ‘Так как было поздно, гость, сев на своего коня, уехал’.

Сочетание *бернигә дә карамастан* (карамый) ‘несмотря ни на что’, ‘невзирая ни на что’ указывает на твердую уверенность, глубокое убеждение говорящего в том, что вопреки препятствующим обстоятельствам, событие осуществится, также в таких конструкциях присутствует оттенок сознательного допущения. Например: *Никадәр генә көчле булмасын, бернигә дә карамастан, сүзләр безне барыбер шушы канәфер чәчәкләренә китереп җиткерергә тиеш иде* (Г. Минский. Канәфер чәчәге). ‘Какими бы ни были сильными, несмотря ни на что, наши слова все равно должны были дойти до цветков гвоздики’.

При выражении уступительной семантики сочетанием *шулай да* ‘все же’ подчеркивается, что одна ситуация существует, несмотря на другую препятствующую ситуацию. Например: *Буран инде йомшый төшкән, шулай да тынып җитә алмаган иде әле* (Ш. Еникеев. Солтангәрәйнең язмышы). ‘Буран уже

немного стих, все же еще не закончился'; *Күңелемдә ике катлау, ике дулкын туды, шулай да тыштан сер бирмәскә тырыштым* (Г. Ибраһимов. Кызыл чәчәкләр). 'В моей душе родились два чувства, две волны, все же снаружи я старался не подать вида'; *Әле яктырмаган иде, шулай да ишегалдындагы кар көртләрен шәйләргә була иде* (Р. Зәйдулла. Йөз тәңкә). 'Еще не рассвело, все же можно было заметить во дворе снежные сугробы'; *Кипкән Елга авылдан читтә, юл якын түгел иде, шулай да малайлар ризалаштылар* (Р. Зәйдулла. Салиара – чәчәк исеме). 'Река находилась далеко от деревни, и дорога не была близка, все же мальчишки согласились'; *Бу җимешләр ул чактагы бәһасез ипи кыерчыгына йә бер бәрәңгегә тормый, билгеле, шулай да аларга өстәп юнәлткән рәхмәт хисләрем күңелегезне җылытсын!* (М. Маликова. Арыш тәме). 'Конечно, эти ягоды не стоят бесценной горбушке хлеба или одной картошке тех лет, все же пусть мои чувства благодарности согреют вашу душу'; *Шәһәрчек зур түгел, шулай да анда тормыш кайнап тора* (Р. Галиуллин. Кафе). 'Городок небольшой, все же в нем кипит жизнь'.

При репрезентации уступительных отношений формой побудительного наклонения, значения частей предложения противопоставляются, присутствует оттенок допущения. Недействительное препятствующее основание выступает в качестве предполагаемого факта, поэтому подобные примеры могут рассматриваться как выражающие уступительно-предположительную семантику. Например: *Кояш нурын күпме генә Сипмәсен, Кипмәсен ул сөнеч яше, Кипмәсен* (И. Юзеев. Тамсын ул). 'Сколько бы солнце ни испускало свои лучи, пусть не сохнет слеза счастья'; *Аның бүгенге көне нинди генә авыр булмасын, ул әле иртәгә якты сибеләсенә ышана* (И. Сәлахов. Тайгак кичү). 'Каким бы тяжелым ни был его сегодняшней день, он еще верит в светлость завтрашнего дня'; *Аның янына кайтырга ул күпме генә ашкынмасын, берничек тә форсат тими...* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). 'Сколько бы он ни стремился вернуться к ней, никак не получается', *Ихата нинди генә ямьле, бинасы ничек кенә матур булмасын, эчендәге кешеләргә җан тартмаса, күңел анда ашкынмас иде* (М. Маликова. Арыш тәме). 'Каким бы красивым ни был двор, насколько бы ни

было красивым здание, если душа не лежит к людям, которые там живут, сердце не стремится туда»; *Уянмый ул, – бөтен кеше тавышлансын* (Г. Тукай. Карлыгач). 'Не просыпается, даже если все шумят'. В других тюркских языках: башк. *Дошман қайһы яқтан ғына килеп сықмаһын, уны ике-өс сақрымдан уқ күреп була*. 'Откуда бы ни появлялся враг – его можно увидеть с расстояния двух-трех километров' [ГСБЛЯ, 1981: 467].

М. В. Зайнуллиным отмечается, что «выступая в неимперативной функции, форма 3-го лица повелительного наклонения выполняет роль сказуемого придаточного уступительного предложения в башкирском языке: *Ниндәй генә усал йырткыс осрамаһын, Юлдыбай каушап калмаган*. 'Какой бы зверь не встречался, Юлдыбай не терялся'» [Зайнуллин, 2000: 139–140].

В некоторых предложениях сообщается о совершении действия вопреки повторяемости, продолжительности действий. В таких случаях, как правило, безуспешность попытки реализации события связывается с мерой и степенью проявления предикативного признака, выражается количественно-уступительная семантика. Например: *Утарда күпме генә матавыкланмасыннар, Сары биянең колынын аерып калдыра алмадылар алар* (М. Мәһдиев. Юлчы! Спартага хәбәр ит...). 'Сколько бы они не старались, не смогли оставить жеребенка Желтой кобылы'; *Бүрене нихәтле кадерләсәң дә, урманга карый* (Мәкаль). 'Как (сколько) волка ни корми, а он все в лес смотрит' (Пословица); *Төлке никадәр качса да, барыр җире күрекче кибетендәдер* (Мәкаль). 'Сколько бы лиса ни пряталась, все равно окажется в магазине меховщика' (Пословица); *Суны күпме кайнатсаң да куермас* (Мәкаль). (букв. 'Сколько не кипят воду, она не загустеет'). 'Из одной воды суп не сварить' (Пословица); *Ничә чәйнәсәң дә, бер балык башы* (Мәкаль). (букв. 'Сколько ни жуй – все голова той же рыбы'). 'Сколько ни говори, все одно и то же' (Пословица).

Событие-следствие может быть совершено вопреки пространственным обстоятельствам, выражая уступительность с пространственной семантикой: *Кеше, кайда ғына тормасын, туган җирен сагына*. 'Человек, где бы он ни жил, тоскует по родине'.

Если говорящий не отрицает достоверность факта, противоречащего другому факту, осознает возможность наличия и других мнений против второго факта, употребляется сочетание *ничек кенә булмасын* ‘как бы то ни было’. Воздействующая сила препятствующих факторов на следствие в этом случае иногда бывает связана с обобщением. Тем не менее препятствующие обстоятельства являются недейственными для осуществления события-следствия. Подобные примеры можно классифицировать как выражающие усилительно-уступительную семантику, в них также присутствует намерение во что бы то ни стало, наперекор всем трудностям осуществить задуманное. Например: *Ләкин бу вакыйга үзе ничек кенә шатлыклы булмасын, Сафалардан аерылу кайгысы Хәтирәне борчый иде* (М. Галәү. Мөһажирләр). ‘Однако каким бы радостным ни было само это событие, печаль от разлуки с Сафой тревожила Хатиру’.

При использовании в уступительной конструкции слова *барыбер* ‘все равно’ либо подчеркивается значение неизбежности осуществления тех или иных событий, процессов, явлений, либо указывается на возможность одной ситуации, так как субъект действия прикладывает усилия для нейтрализации возникающих препятствий. Например: *Ничә очып, ничә мэтәлсә дә, кеше барыбер сайлый кош юлын* (С. Сөләйманова. «Кеше барыбер кошлар нәселеннән!»). ‘Но сколько бы ни падал, человек все равно выбирает путь птицы’; *Тиздән ун яшь тула үзенә, барыбер ераккарак барырга курка, ташбаиш малай* (Р. Зәйдулла. Йөз тәңкә). ‘Самому скоро исполняется десять лет, а он, мальчик-сорванец, все равно боится уйти далеко’. В других тюркских языках: тур. *Yağmur yağmakla beraber dolaşmağa çıktı*. ‘Он вышел пройтись, хотя идет дождь’ [Щека, 2007: 429].

Уступительные отношения могут выражаться с помощью присоединительных конструкций. Например: *Ә мин барыбер бәхетле! Икебез ике телдә сөйләшсәк тә. Бер дә сөйләшмәсәк тә* (Ф. Бәйрәмова. Болын). ‘А я все равно счастлива. Даже если мы говорим на разных языках. Даже если мы вообще не разговариваем’; *Чит жәбирләр аша үткәндә, янәшәдә генә синең белән туган илеңнең бер жән иясе баруын тою күңелгә ниндидер тынычлык өсти икән. Хәтта ул жән иясе гади генә бер тычкан булса да* (Р. Зәйдулла. Сөембикә).

‘Оказывается, ощущение того, что рядом находится живая душа из твоей родины, когда ты на чужбине, придает душе какое-то спокойствие. Даже если эта живая душа обыкновенная мышь’.

Отрицательная форма глагола, выраженная аффиксом *-ма/-мә*, может передавать уступительную семантику. Например: *Ни генә димә, авыл үзенең сафлыгы, өметләре белән матур* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Что ни говори, деревня прекрасна своей чистотой, своими надеждами’; *Күпме какма, ничек тикләмә, Тайпылмадым туры юлдан мин* (М. Хөсәен. Тормыш). ‘Сколько ни притесняй, как ни пинай, я не сошел с прямого пути’.

Уступительные отношения могут складываться и между компонентами, связанными между собой при помощи вопросительной частицы *-мы/-ме*. Важная роль в подобных конструкциях принадлежит лексическому наполнению компонентов, соотносительности значений составляющих частей. Например: *Яңгыр яваммы, кармы, кояшмы-болытмы, сез шул көнне Сабантуй уздырыгыз!* (М. Мәһдиев. Бәхилләшү). ‘Дождь ли идет, снег ли, солнечно ли, облачно ли – вы проведите в этот день Сабантуй!’

Лексический повтор компонентов также может выражать уступительность. Так, один и тот же глагол, употребляясь в отрицательной и утвердительной форме, передает семантику «возражения под видом согласия». Г. А. Мусатова условно называет подобные конструкции псевдосогласием [Мусатова, 2008: 11]. Приведем примеры: *Күчмә кошлар күккә шигыр яза, Яза алар – Укы-укыма!..* (Х. Әюп. «Су буенда казлар төзәтенә...»). ‘Перелетные птицы пишат на небе стихи, несмотря на то, будешь ты их читать или нет’; *Улларымны бирмим сиңа, котыр-котырма!* (Зөлфәт). ‘Злись, не злись, а сыновей своих я тебе не отдам!’

Повторение условной формы глагола в положительном и отрицательном/повелительном значениях выражает уступительную семантику и в других тюркских языках. Например: туркм. *Вагтыңыз болса-болмаса, сиз шу иши өз вагтында гутармалы*. ‘Есть у вас время или нет, но вы должны закончить эту работу к сроку’; *Хәзир ол гитсе-гитсин, соң онуң өзи гайдып гелер*. ‘Пусть он уходит сейчас, потом сам все равно вернется’ [СГРиТЯ, 1977: 171]; кр. тат. *Не*

кьадар вакъыт **кечсе-кечсин**, Рустем анасынынъ ёкъ экен акъкъындаки фикирге бир заман ишанып оламаз [Арнаутова, 2012: 98]. ‘Пусть пройдет хоть сколько времени, Рустем никогда не сможет поверить в мысль, что его матери больше нет’.

Как известно, в тюркских языках причастие на *-ган* в местно-временном падеже, как правило, выражает временные отношения, иногда передает условную семантику с оттенком темпорального значения. Эта же форма с частицей *да/дә* репрезентирует уступительность: башк. *Байрамда бер күңелһез кеше булганда ла, шатлык тулы булмаясақ*. ‘Когда на празднике будет один единственный невеселый человек, то радость не будет полной’ [ГСБЛЯ, 1981: 467]. В карачаево-балкарском языке эта форма репрезентирует каузальность: *Кёпюр бузулганды да, суудан ёталмайбыз*. ‘Мост поломался, поэтому мы не можем перейти реку’ [ГК.-Б.Я, 1976: 554].

Уступительная семантика может быть выражена с помощью деепричастной формы *-n/-ын/-еп* с частицей *да/дә (та/тә)* и без. Например: *Койма биегәюгә карап, ут күршеләр арасына күләгә ятмады* (М. Хәсәнов. Язгы ажаган). ‘Несмотря на то, что забор стал выше, между соседями не пролегла тень’; *Миллион кеше арасында яшәп тә, жәнымны аңлы алырлык бер кеше очрамавын һәм очрамаячагын да (!) аңлау – үз-үземне мәңгелек ялгызлыкка дучар итү – мине кешеләрдән читләштерә* (Ф. Бәйрәмова. Болын). ‘Осознание того, что несмотря на то, что живу среди миллионов людей, не встретился и не встретится единственный человек, способный понять мою душу, обречение себя на вечное одиночество – отчуждает меня от людей’; *Бер бәхетең булмаса, Кытайга барып та, чәй эчә алмассың* (Мәкаль). (букв. ‘Если не везет, даже если поедешь в Китай, не сможешь попробовать чая’). ‘Без счастья и в лес по грибы не ходи’ (Пословица).

Уступительное значение выражается и с помощью союза *хәлбуки* ‘однако’, ‘между тем’, ‘тогда как’, ‘в то время как’, который носит сугубо книжную стилистическую окраску. Например: *Барысы, сөнечле чырай чыгарып, карага төренделәр. Хәлбуки, болгарлар кара төсне үзләре бик өнәп бетерми иде*

(Р. Зэйдулла. Тимер Буга). ‘Все с радостными лицами облачились в черную одежду. Тогда как сами болгары недолюбливали черный цвет’.

В чувашском языке, в отличие от других тюркских языков, в качестве уступительных союзов используются частицы *пулин те*, *пулсан та* в значении ‘пусть’, ‘несмотря на...’, ‘хотя’ и союз *хуть*, *хуть те*, которые почти всегда употребляются вместе с условно-временным деепричастием на *-сассӑн* (*-сессӑн*) в сокращенном виде на *-сан* (*-сен*). Например: *Ҷанталӑк кӑркунне енне сулӑннӑ пулсан та (пулин те), хӗвел ӑшиӑн пӑхса ачашлать*. ‘Хотя наступала осень, солнце не переставало нежно пригревать’; *Хуть те мӑн каласан та, эпӗ Хӗветюҫа качча илместӗп*. ‘Что бы ни говорили, а я на Феодосье не женюсь’ [Материалы по ГСЧЯ, 1957: 329].

ФСП уступительности имеет центр, в который входят синтаксические единицы с максимальным составом дифференциальных признаков, и периферию, которая включает синтаксические явления с неярко выраженными либо отсутствующими дифференциальными признаками и с признаками, характерными и другим грамматическим категориям.

«Микрополе реально-уступительного значения занимает центральное место в семантической структуре поля уступительности. Ближе к центру располагается микрополе уступительно-предположительного значения, на периферии находится микрополе усилительно-уступительного значения» [Мусатова, 2008: 12].

Некоторые исследователи как особый вид синтаксических структур рассматривают уступительно-противительные конструкции. Уступительные отношения основаны на противопоставлении событий, и этим они близки к противительным отношениям. «Однако в сложноподчиненном предложении, в отличие от сложносочиненных с противительными союзами, противопоставляются факты, логически связанные между собой как причина и следствие» [Гайдаржи, 1981: 91].

По мнению других исследователей, «в придаточном уступительном предложении излагается условие, противоположное результату, излагаемому в главном предложении» [Баскаков, 1984: 168]. Таким образом, и здесь отмечается

присутствие противительной семантики между компонентами сложного предложения. Именно поэтому в СПП с придаточными уступки иногда имеют место элементы, которые свойственны противительным предложениям. Так, параллельно с формой *-са да* могут употребляться и противительные союзы, которые усиливают значение несоответствия частей уступительной конструкции, подчеркивают противоречие между явлениями. Противительные союзы в подобных конструкциях являются факультативными, и их опущение не сказывается на основной семантике предложения.

Следует отметить, что некоторые исследователи считали нормой употребление противительных союзов в уступительных конструкциях (например, труды Ф. И. Буслаева, Н. И. Греча).

Сочетание противительного союза и уступительной формы выражает резкое противопоставление явлений. Например: *Мәгәр машинага утырып йөрү теләге эчләребездән йөзләребезгә чыгып, дөрләп-ялкынланып торса да, безне күрмәмешкә салыша* (Ф. Шәфигуллин. Ерык авызлы энекәшем). ‘Несмотря на то, что наше желание прокатиться на машине видно по нашим лицам, делает вид, что не замечает нас’; *Халык аның сүзләреннән эчен тотып көлә, аларга карап Приск та көлә, гәрчә шамакайның ни турыда сөйләгән аңламаса да* (М. Хәбибуллин. Атилла). ‘От его слов народ падает со смеху, смеется и Приск, хотя и не понимает, о чем говорит шут’. В других тюркских языках: башк. *Гәрсә қулы зәғиф булһа ла, бындай зур һуғыштарзан йәне қайтыу уның өсөн бик зур бәхет күренә ине*. ‘Хотя его рука искалечена, он считает большим счастьем для себя свое возвращение с тяжелых войн’ [ГСБЛЯ, 1981: 467]; туркм. *Ол оларда айратын бир хөвесгәрлик дуйгусыны сызмаса-да, эмма оларың икиси-де оны гең галдырарды*. ‘Хотя он не питал к ним особенной симпатии, но оба они удивляли его’; *Бизиң спортсменлеримиз хер нәче биринжчилиги алжак болуп чалышсалар-да, эмма олар башармадылар*. ‘Как ни старались наши спортсмены завоевать первенство, однако это им не удалось’ [СГРиТЯ, 1977: 172]; узб. *Гарчи унинг бу хатосини халқ кечирган бўлса ҳам, у ўз-ўзини асло кечирмас эди*. ‘Хотя народ и простил ему эту ошибку, он сам себе никогда ничего не прощал’ [Кононов, 1960: 416].

Как показывают вышерассмотренные примеры, противительные союзы в составе уступительных конструкций служат для подчеркивания семантики несоответствия, противоположности результата ожидаемому следствию. При этом необходимо отметить факультативность противительных коррелятов в подобных предложениях, так как они могут быть опущены без ущерба для смыслового содержания конструкций и не входят в состав структурно обязательных элементов предложения.

В туркменском языке для выражения уступительной семантики противительный союз может использоваться и самостоятельно без уступительной формы [Поцелуевский, 1975: 261].

В кумыкском языке встречаются примеры, в которых уступительная форма употреблена в сочетании с условным союзом *эгер*: *Эгер сени булан гетежек болса да, юрегиндеги шо туюн чечилип битмежек*. ‘Если он и решит поехать с тобой, все равно камень с души не спадет’ [Гаджихмедов, 1984: 61].

В крымскотатарском языке союз *эгер* и частица *де* со сказуемым придаточной части в условном наклонении *-са/-се* могут употребляться в сочетании с частицей *биле*. Частицы *биле* и *да/де* очень близки по значению, однако предложение с *биле*, в отличие от предложения с *да/де*, более ярко выражает семантику противительности. Например: *Эгер де Сарвар онынънен якъынлашмакъны туюнсе биле, о буны япалмаз эди*. ‘Даже если Сарвар и подумал сблизиться с ней, он не смог бы этого сделать’ [Арнаутова, 2012: 99].

Тем не менее, следует отметить, что все же по семантике подобные предложения являются сложноподчиненными. Анализ языкового материала показал, что если замена послелога *карамастан* ‘несмотря на...’ на сочинительный союз *лэкин* ‘но’ возможна во всех случаях, то замена союза *лэкин* на послелог *карамастан* возможна не всегда. Например: *Вакыт инде соң булуга карамастан, кояш баешы тарафында шэфэкъ хаман кызарып тора эле* (С. Сабилов. Мистер тавык). ‘Несмотря на то, что уже поздно, на западе видны отблески заката’. → *Вакыт инде соң, лэкин кояш баешы тарафында шэфэкъ хаман кызарып тора эле*. ‘Уже поздно, но на западе видны отблески заката’. Как

видим, замена *карамастан* на *лэкин* не привела к потере общей семантики предложения.

Кар салкын иде, лэкин баланың кечкенә генә йөрәгендә зур шатлык жылысы бар иде бу кышкы кичтә (Н. Дәүли. Кар нинди жылы). ‘Снег был холодным, но в этот зимний вечер в маленьком сердечке ребенка было тепло большой радости’.

↗ *Кар салкын булуга карамастан, баланың кечкенә генә йөрәгендә зур шатлык жылысы бар иде бу кышкы кичтә*. ‘Несмотря на то, что снег был холодным, в этот зимний вечер в маленьком сердечке ребенка было тепло большой радости’. В результате замены *лэкин* на *карамастан* происходит нарушение логического смысла предложения, так как радость в сердце ребенка не может зависеть от холода снега.

Как видим, возможности замены *лэкин* на *карамастан* ограничены. Из этого можно сделать вывод, что семантика послелого *карамастан* шире семантики союза *лэкин*.

В турецком языке, когда придаточное уступительное предложение вводится союзом *gerçi* ‘хотя’, между придаточным и главным предложениями могут употребляться противительные союзы *fakat*, *ama*, *lakin* ‘но’, ‘однако’: *Gerçi şimdiye kadar görüşemedik, fakat sizi giyaben tanıyorum*. ‘Хотя до этого времени не виделись, но все же я знаю вас заочно’ [Щека, 2007: 446]; *Gerçi daha bir kaç saatimiz var, ama öğle yemeğimizi hava alanında yiyeceğiz*. ‘Хотя у нас есть несколько часов времени, но мы пообедаем на аэродроме’ [Баскаков, 1984: 168].

В гагаузском языке встречаются случаи одновременного употребления союзов *макар ки* и *ама*: *Макар ки дшилм уста, ама тестерейи бән кулланэрым ислә*. ‘Хотя я и не плотник, но пилой владею хорошо’ [Гайдаржи, 1981: 91].

В исследовании З. И. Будаговой в азербайджанском языке как отдельный вид придаточных обстоятельственных предложений выделяется противительно-уступительное придаточное. Такое предложение связывается с главным при помощи формы условного наклонения и частицы *да/дә*; в начале придаточного может употребляться союз *һәрчәнд* ‘хотя’, а в главном предложении – союзы *лакин* ‘однако’, *амма*, *анчаг* ‘но’: *Дәрс гуртармышдыса да о һәлә кәлиб*

чыхмамышды. ‘Хотя урок закончился, он еще не появился’; *Һәрчәнд бөјүкләрә «билмирсән» демәк биәдәбликдир, амма мән дејәчәјәм*. ‘Хотя говорить старшим «не знаешь» неприлично, но я скажу’ [Будагова, 1982: 134].

Уступительные отношения отличаются от противительных тем, что при выражении уступительности противопоставляющиеся факты логически взаимосвязаны, тогда как при противительности противопоставление фактов имеет свободный характер.

В «Общей грамматике турецко-татарского языка» А. Казем-Бека союз *мәгәр* отмечается как условный: «Союзъ *меҕерь* есть условный и означает: ‘не иначе какъ’, ‘развь’. Например, *Эски әдеть кесильмезь меҕерь заһметь иле*. ‘Старый обычай исчезает не иначе, как с трудом’. Он также употребляется в смысле ‘случайно’, ‘однажды’» [Казем-Бек, 1846: 334].

В этом же своем труде А. Казем-Бек выделяет союз *әгерче-*, который, по его мнению, состоит из условного союза *ә’ерь* (*әгәр* – ‘если’) и из частицы *че* ‘что’ и означает ‘хотя’, ‘несмотря на то, что’, ‘когда даже’: «*Әгерче-зейдъ акыллы имъ дии заннь идерсе*. ‘Хотя зейд считает себя умным...’» [Казем-Бек, 1846: 336].

В азербайджанском языке союзу *гәрчә* ‘хотя’ соответствует союз *һәрчәнд*, который связывает придаточное предложение с главным: *Һәрчәнд зәһмәт сәнә дүшүр, кәрәк багышлајасан*. ‘Хотя нагрузка падает на тебя, однако ты должен извинить’ [ГАЯ, 1971: 401]. Как видим, данный союз употребляется самостоятельно, без формы *-са да*.

В гагаузском языке уступительные придаточные предложения с союзом *макар ки/макар ани* указывают на факт, который противоречит содержанию главного предложения; занимают и препозицию, и постпозицию. Например: *Макар ки хава серинжәйди, олан хич дишди гшимни...* ‘Хотя погода была довольно прохладная, парень не был одет’; *Бән таныдым сени, достум, макар ки далланмышын*. ‘Я узнал тебя, мой друг, хотя ты и разветвился’ [Гайдаржи, 1981: 90].

Придаточные с этим союзом встречаются и в интерпозиции: *Чожужжак-пармажык, макар ани кўчўк, нек шивик хем ширетмиш*. ‘Мальчик с пальчик, даром что мал, был очень ловок и хитер’ [Гайдаржи, 1981: 91].

Уступительную семантику могут передавать и БСП. В первом компоненте подобных конструкций имеется сообщение об условии, во втором компоненте сообщается о том, что осуществляется вопреки названному условию: *Эт өрер – буре йөрер* (Мэкаль). букв. ‘Собака лает – волк гуляет’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Ит үрөт – кербен жүрөт*. ‘Собака лает – караван идет’ (Пословица); тур. *İt ürür – kervan yürür*. ‘Собака лает – караван идет’ (Пословица). Семантика уступки в подобных БСП передается соотношением сказуемых, специфическим строением компонентов предложения.

Уступительные отношения можно разделить на реально-уступительные (например, *Олтанлы булса да, киез итекларебез да бар барын* (Р. Хафизова. Сөөнечле хэбэр). ‘Хотя и подшитые, у нас есть валенки’) и предположительно-уступительные (например, *Эндәшсәң дә жавап бирмәс* (Ф. Шәфигуллин. Хыянәт). ‘Даже если обратишься к нему, не ответит’). В реально-уступительных конструкциях отвергнутое препятствующее явление представляется как реальный факт действительности, а в предположительно-уступительных предложениях – как мыслимое, нереализованное. По мнению говорящего, ситуация 1 скорее всего не произойдет, а в том случае, если и произойдет, то ее действие будет ослаблено ситуацией 2. Например: *Ул бу хакта әйтмәс, әйтсә дә* (1), *берни эшләмәс* (2). ‘Он об этом не скажет, даже если и скажет, то ничего не сделает’.

Семантика уступительности в пословицах и поговорках носит характер обобщенного высказывания. Например: *Эт белән эзләсәң дә таба алмассың* (Мэкаль). ‘Не сыщешь, даже если будешь искать с собакой’ (Пословица); *Акчаны юлда тапсаң да санап ал* (Мэкаль). (букв. ‘Деньги, если даже найдешь их на дороге, пересчитай’). ‘Деньги счет любят’ (Пословица); *Еланның, теше йомшак булса да, эче зәһәр* (Мэкаль). букв. ‘Хотя у змеи зубы и мягкие, но внутри них – яд’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Жыландын сырты жумшак болсо да, ичи заар*. ‘Хотя снаружи змея и мягка, да внутри – яд’ (Пословица).

Интересным представляется следующий пример, в котором нет каких-либо специализированных средств формального выражения уступительных отношений, содержится аффикс кондициональности, тем не менее, в предложении передается семантика уступительности: (1) *...Ашлык белән шыплап тулган кузов брезент белән нык капланган*, (2) *яңгыр-фалән яуса*, (3) *тамчысы да үтәрлек түгел* (Р. Зәйдулла. Сөембикә). ‘Кузов, заполненный зерном, очень прочно покрыт брезентом, если будут дожди, и капелька не сможет попасть’.

Между 1 и 3 предложениями устанавливается эксплицитно невыраженная каузальная связь: *ашлык белән шыплап тулган кузов брезент белән нык капланганлыктан, тамчысы да үтәрлек түгел* – ‘так как кузов, заполненный зерном, очень прочно покрыт брезентом, и капелька не сможет попасть’. Сказуемое 2 предложения выражено условной формой глагола, которая связывает данное придаточное предложение с главным (3). Однако, несмотря на наличие формального показателя условности, предложение понимается как *яңгыр-фалән яуса да, тамчысы да үтәрлек түгел* – ‘даже если (хотя) и будут дожди, и капелька не сможет попасть’. Данная семантика выводится из общего содержания сложного целого, к такому выводу приходим и благодаря 1 предложению.

Для СПП с придаточными уступки свойственно совмещение ориентаций непосредственно на момент речи и другой сообщаемый факт, выбор временного плана которого во многом зависит от однократности либо многократности действий. Как правило, в уступительных конструкциях выражаются хронологические отношения одновременности и следования. Между тем, отношения следования формально часто выражаются одним временным планом.

Как видим, в уступительных конструкциях присутствует дополнительная причинная сема, которая логически отменила бы вытекающее следствие, тем не менее, этого не произошло. Таким образом, следствие выступает полной противоположностью ожидаемого.

Проведенный анализ позволил выявить, что уступительные отношения базируются на противопоставлении, формируются на основе каузальных, противительных, кондициональных значений. Возникающая между ожидаемым

следствием и фактическим результатом семантическая связь порождает уступительность. Уступительные отношения наиболее сложные и логически многоступенчатые среди других типов обстоятельственных отношений мотивировочного характера, поскольку при их репрезентации присутствует и промежуточное звено, которое, в отличие от исходного и результативного, находится в поле имплицитного.

Выводы по главе 3

В результате исследования обстоятельственных отношений выявлено, что они наиболее сложные и многоплановые в сравнении с другими типами смысловых отношений. Обстоятельственные отношения могут выражаться средствами как простого, так и сложного предложения. Более развернуто их представляют сложноподчиненные предложения, имплицитно они могут складываться и между компонентами ССП и БСП.

Было установлено, что в татарском языке распространены случаи синкретизма семантики, следовательно, несоответствия формальной и содержательной сторон многих типов обстоятельственных конструкций.

Исходя из мотивированности следствия, выраженного главной частью, действием, указанным в зависимой, в системе обстоятельственных отношений были выделены отношения мотивировочного характера: каузальные, целевые, кондициональные и уступительные.

Пространственные и темпоральные отношения, указывающие на внешнюю связанность явлений, были объединены в обстоятельственные отношения ситуативного плана.

Анализ фактического материала выявил, что семантика причины входит в понятие цели, которое имеет непосредственную связь с желаниями и действиями субъекта для реализации определенных намерений, включает в себя две ситуации, при этом одна из ситуаций выступает в качестве обоснования другой.

Обзор древнетюркских письменных памятников показал, что конструкции, выражающие предположительное, реальное и ирреальное условие, встречаются еще в тюркских рунических текстах. Основным квалификатором кондициональности в татарском языке является форма сослагательного наклонения глагола *-са/-сә*, которая, помимо условных, способна репрезентировать различные смысловые отношения.

Одним из способов выражения кондициональных отношений в татарском языке является сочетание формы *-са* с союзом *эгәр* ‘если’, который выступает лишь вспомогательным средством, усиливающим условную семантику. Как показал анализ языкового материала, в некоторых тюркских языках, например, в азербайджанском, караимском, туркменском, в кондициональных конструкциях данный союз может употребляться и самостоятельно, без сочетания с формой условного наклонения.

В татарском языке постпозиция придаточного условия с союзом *эгәр* ‘если’ возможна лишь при обратном порядке слов. А в некоторых тюркских языках, например, гагаузском, караимском, киргизском, предложение условия с этим союзом может находиться и в постпозиции: кирг. *Сен кайгырбайсыңбы, мен эгер сага окуя айтсам* (К. Баялинов). ‘Не опечалишься ли ты, если я тебе одно событие расскажу’.

Наиболее активно используемым средством связи в уступительных конструкциях в татарском языке является форма *-са да*. В отличие от других тюркских языков, в алтайском языке частица *да* находится перед условной формой глагола: *Июнь де болзо, тышкары соок*. ‘Хотя (уже) июнь, на улице прохладно’. В туркменском языке эта же семантика передается формой *-се хем*, в узбекском языке – формой *-са ҳам*.

В отличие от татарского языка, в кумыкском языке встречаются примеры, в которых уступительная форма употреблена в сочетании с условным союзом *эгер*.

Интересно отметить, что в крымскотатарском языке союз *эгер* и частица *де* со сказуемым придаточной части в условном наклонении *-са/-се* могут употребляться в сочетании с частицей *биле*. Частицы *биле* и *да/де* очень близки по значению, однако предложение с *биле*, в отличие от предложения с *да/де*, более ярко выражает семантику противительности.

В исследовании доказано, что при передаче уступительных отношений исходное и результирующее звенья репрезентируются эксплицитно, а промежуточное звено находится в поле имплицитного, именно поэтому они

являются наиболее сложными и логически многоступенчатыми в системе обстоятельственных отношений мотивировочного характера.

ГЛАВА 4.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СИТУАТИВНОГО ПЛАНА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. Семантико-репрезентативные особенности временных отношений

Время одномерно, необратимо и асимметрично, все события происходят от прошлого к будущему [ФЭС, 1989: 101].

Пространственно-временные свойства характерны для всех явлений в мире и языке. Как отмечает В. С. Храковский, «Р. О. Якобсон прав, полагая, что уступительная, условная и причинная связь возможны лишь при наличии таксисных отношений, которые однако являются фоновыми» [Храковский, 2003: 33].

Семантика одновременности и разновременности является ядром поля таксиса. Разновременность означает, что одно событие происходит раньше другого, и оно завершается до того, как начинается второе. Действие может прекращаться естественным путем (непрерываемое предшествование) или в результате влияния другого процесса (прерываемое предшествование). При прерываемом предшествовании действие завершается под воздействием второго действия: *Ләкин жыр башлануга, көйчеләр тынып калгандай иттеләр* (М. Хәбибуллин. Атилла). ‘Однако как только началась песня, музыканты словно притихли’.

При непрерываемом предшествовании одно действие происходит после естественного завершения другого. События могут следовать друг за другом без временного интервала или через некоторое время: *Тукай сәке кырыена килеп утыруга, сул яктагы тар гына чаршау ачылып, асылмалы лампа тоткан хатын килеп чыкты* (И. Нуруллин. Ике Апуш). ‘Как только Тукай присел на край нар,

приоткрылась узенькая занавеска, которая была слева, и появилась женщина с навесной лампой в руках’.

Отношение одновременности выражает осуществление действий в рамках одного и того же временного отрезка: *Ул мәктәптән өйгә кайтканда, юл буе бертуктаусыз кар яуды*. ‘Когда он возвращался из школы домой, всю дорогу непрерывно шел снег’.

Иногда события ограничиваются временным отрезком, осуществляются в рамках определенного временного предела. В таких предложениях четко обозначаются начало и конец действия. Названный отрезок времени рассматривается как промежуток, в течение которого выполняется действие, при этом данный временной отрезок полностью заполняется действием. Например: *Язын каен жыләге пешкәннән башлап, көзен чикләвек җитешкәнче авыл малае урманнан кайтып керми* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘С ранней весны до поздней осени деревенский мальчишка не возвращается из леса’; *Пычкылар чыжлаган, балталар тукылдаган тавыш иртә таңнан караңгы төшкәнче авыл урамнарын яңгыратып торды...* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Звуки пилы, топора оглашали деревенские улицы с раннего утра до самого вечера...’. В других тюркских языках: алт. *Үч конок оорыган*. ‘Проболел три дня’; каз. *Жұмыс таңнан кешке дейін*. ‘Работа с утра до вечера’; шор. *Эртенненъ карагыы (карагыга) тӧӧнче куштар кӧглешчалар*. ‘С утра до ночи (до темноты) птички поют’ [Дыренкова, 1941: 235].

В некоторых примерах обозначается только одна временная граница процесса (начало или конец). В таких случаях протяженность процесса четко не маркируется, так как промежуток времени не определяется полностью: *Декабрь азагына кадәр кар ятмады* (М. Хәсәнов. Язгы ажаган). ‘До конца декабря земля не покрылась снегом’; *Хәнифә аны өйлә җиткәнче сабыр гына көтте* (Г. Ахунов. Идел кызы). ‘Ханифа терпеливо ждала его до обеда’; *Бәйрәм итү кояш баеганчы дәвам итте* (М. Хәбибуллин. Атилла). ‘Празднование продолжилось до заката солнца’; *Чәй кайнаганчы, Лотфулла бабай Солтангәрәйнең туңган аяк-кулларын бертуктаусыз кар белән ышкыды*

(Ш. Еникеев. Солтангэрэйнэң язмышы). ‘До того, как вскипел чайник, дед Лутфулла непрерывно растирал обмороженные руки и ноги Султангирея снегом’; *Бикэ бизэнгәнче, туй беткән* (Мәкаль). ‘Пока барыня прихорашивалась, свадьба прошла’ (Пословица). В других тюркских языках: каз. *Қоғамдық қабылдау сағат 9-дан басталады*. ‘Прием граждан – с 9 часов’; кирг. *Ойчул оюна жеткиче, тобокечил барып келиптир*. ‘Пока думающий додумался, рискующий уж побывал и вернулся’ (Пословица); *Таз таранганча, той таркайт*. ‘Пока паршивый чешется, пир окончится’ (Пословица); кр. тат. *1937 сенесине кьадар о мында чалышты...* ‘До 1937 года он работал здесь...’ [Селендили, 2012: 183]; тур. *Çocuklar akşama kadar okulda idiler*. ‘Дети до вечера были в школе’ [Кардашев, 2009: 18]; шор. *Тань чарылганче узубыстым*. ‘Проспал до рассвета’ [Дыренкова, 1941: 162].

Деепричастие на *-қунча*, соответствующее современной форме *-ганчы/-канчы* и выражающее предел во времени (‘до тех пор пока...’), встречается в древнетюркских памятниках всего один раз: *буз-қунча* ‘пока он не победил (их)’ [Кондратьев, 1970: 44].

В функциональной грамматике указывается на ФСП длительности и ФСП кратности. При этом длительность определяется как более частная языковая категория, относящаяся к сфере аспектуальности [Теория функциональной грамматики, 1987: 98]. Действительно, иногда процесс продолжается на протяжении длительного временного отрезка: *Нәкъ шул көннәрдә тәүлекләр буе, өзми-куймый, яңгырлар явып торган иде* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Как раз в те дни непрерывно, на протяжении суток шли дожди’; *Атна буе инде буран котыра* (Р. Хафизова. Сөнечле хәбәр). ‘Уже на протяжении целой недели бушует метель’. В других тюркских языках: кр. тат. *Инсаров бутюн гедже юкьлап оламады...* ‘Инсаров не спал всю ночь...’ [Селендили, 2012: 221]; тур. *Yirmi dört saat gözlerim ölü gibi kapalı yanaklarımdan yaşlar durmadan aktı*. ‘На протяжении суток глаза у меня были закрыты, как у мертвеца, по моим щекам не переставая текли слезы’ [Баскаков, 1984: 148]; туркм. *Конференция бирнәче гүн довам этди*. ‘Конференция длилась несколько дней’; *Биз машин билен бирнәче*

хенделәп гитдик. ‘Мы ехали на машине на протяжении нескольких недель’ [СГРиТЯ, 1977: 78].

Временные отношения в татарском и других тюркских языках часто передаются с помощью послелогов и послеложных слов (Таблица 2).

На протяженность и регулярный повтор процесса указывает послелог *саен* ‘каждый раз’: тат. *Ел саен жәй көне авылда ял итә.* ‘Каждый год летом отдыхает в деревне’; алт. *Ол келген сайын чөрчөк куучындаар болды.* ‘Каждый раз, как он приходит (с каждым приходом) он рассказывает сказку’ [Дыренкова, 1940: 216].

Послелог *саен* может указывать на действие, совершающееся одновременно и в течение всего времени осуществления другого процесса: *Күңелләрем, көннәр үткән саен, Жилпенәләр туган ягыма* (Х. Туфан). ‘Моя душа, с прохождением дней, стремится в родные края’; ...*Иртә таңда керфек каккан саен, Яшим бит! дип, мең кат сөенгән!..* (Ф. Жамалетдинова. Күкләренән төшмә!). ‘Каждое утро, открыв глаза, радовался, что живет’.

В древнетюркском языке *сауи* в конструкциях с пространственной и темпоральной семантикой выражает значение ‘каждый’ [Erdal, 2004: 475].

Послелог *буе* ‘в продолжение’, ‘на протяжении’, ‘в течение’ (каз. *бойы*, кр. тат. *бою*, якут. *быһа* и др.) указывает на продолжительность процесса во временном отрезке: *Гомере буе кемнедер көтөп яшәде ул* (А. Гыйләжев. Жомга көн, кич белән...). ‘Она всю жизнь ждала кого-то’; *Кыш буе халыкны жәфа чиктергән бөтен авырлыкны, авыруларны, шик-шөбһәне шушы ташу сулары алып китә дип уйлый халык* (Ф. Сафин. Гөлжиһан). ‘По мнению народа, все тяжести, болезни, сомнения, мучавшие людей на протяжении всей зимы, унесет с собой весеннее половодье’. В других тюркских языках: каз. *Біз күні бойы боранмен алыстық.* ‘Мы на протяжении целого дня боролись с пургой’ [Балакаев, 1959: 88]; кр. тат. *Бу фикирде мантыкъ олгъаны ичюн, о онынъ анъына ойле синъди ве ойле темеллешти ки, онъа ёл бою раатлыкъ бермеди.* ‘Из-за того, что в этой мысли была логика, она вошла (букв. впиталась) в его память и настолько углубилась, что не дала покоя в течение пути’ [Оказ, 2002: 57]; якут. *Командир*

тууну *быһа утуйбата*. Командир в течение всей ночи не спал [ГСЯЛЯ, 1982: 423].

Послелогои *кадәр* (кр. тат. *кьадар*, тур. *kadar*, узб. *қадар*, уйг. *қадәр*), *чаклы*, *хәтле* ‘до’ указывают на предел действия во времени. Например: *Тәхет ягындагы мәҗлес-табын караңгы төшкәнчегә кадәр* сузылды (М. Хәбибуллин. Атилла). ‘Застолье у престола затянулось до вечера’; *Моңарчы утырышка чаклы, гадәттә, Сәлим Сәлмәнович кичтән, йә иртән, эшкә яки өйгә шалтыратып, хәл белешә торган иде* (Ә. Баянов). ‘До этого, как правило, до заседания Салим Салманович или вечером, или утром, позвонив на работу либо домой, справлялся о делах’; *Гаффа карчык иртән кояш чыкканчыга хәтле аңына килә алмады* (С. Шәмси. Табигатьнең газиз баласы). ‘Старуха Гаффа не смогла прийти в сознание до восхода солнца’. В других тюркских языках: тур. *Köprüden geçinceye kadar* ауға дауи демек. ‘До перехода через мост и медведя дядей назовешь’ (Пословица); уйг. *Бу жылга қадәр Полат йеккә ишләйтти*. ‘До этого года Пулат работал единолично’ [Наджип, 1960: 120].

В значении послелогов *кадәр*, *чаклы* ‘до’, обозначая предел действия во времени, может употребляться и послелог *тикле/тиклем*: тат. ...*Тимерхан абзый аны шушы көнгә тикле күңелендә саклый* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘...Тимерхан абый до сегодняшнего дня хранит его в своей душе’; башк. *Ике айга тиклем қаранылар*. ‘Содержали до двух месяцев’ [Исследования по ГСБЯ, 1979: 85].

Значение послелогов *кадәр*, *чаклы* передает также форма направительного падежа и аффикса *-ча/-чә*. Например: *Иртәдән кичкәчә көтдем*. ‘С утра до вечера ждал’ [Насыйри, 1975: 129]; *Караңгы көзгәчә, ничә кат арылса да, ялны белмәдек, эшләдек тә эшләдек* (Ф. Яхин. Гармунчы малай). ‘Несмотря на сильную усталость, работали, не зная отдыха, до поздней осени’.

В туркменском языке значение ‘до’ выражается послелогом *ченли*: *Гиҗәң бир вагтына ченли мени гойбермәге небислери агырды*. ‘До ночи они меня не отпускали, жалели’; *Ики доган индики душушыга ченли хошлашды*. ‘Два брата попрощались до следующей встречи’ [СГРиТЯ, 1977: 75].

В турецком языке послелог *kadar* используется и в значении ‘пока’. Например: *Akıllı köprü arayınca **kadar** deli suyu geçer*. ‘Пока умный ищет мост, дурак реку переплывет’ (Пословица); *Akıllı düşününceye **kadar** deli oğlunu evlendirir*. ‘Пока умный думает, глупый сына женит’ (Пословица); *Kalın incelineye **kadar** ince kopar*. ‘Пока толстое истончится, тонкое порвется’ (Пословица).

С помощью послелога *кадәр* выражается и пространственная семантика. Например: тат. *Диңгез портына **кадәр** озын юлны рәхәтләнеп жәяүләп килдем* (Г. Минский. Канәфер чәчәге). ‘Длинный путь до морского порта я с удовольствием прошел пешком’; тур. *Cehenneme **kadar** yolu var*. ‘У него дорога до самого ада’ (Поговорка).

В казахском языке послелог *қарай* ‘к’ с именами, обозначающими темпоральное значение, указывает на направление события во времени. Например: *күзге **қарай*** ‘к осени’ [Балакаев, 1959: 93].

Этот послелог встречается и в башкирском языке. Например: *Таңға **қарай** борсола башланы*. ‘К утру начал беспокоиться’ [Исследования по ГСБЯ, 1979: 85].

Послелог *каршы* ‘к’, ‘на’, ‘в’ (башк. *қаршы*, гаг. *каршы*, каз. *қарсы*) обозначает приближение во времени. Например: *Ул безгә төнгә **каршы** ерак юлга чыкмаска киңәш итте*. ‘Он посоветовал нам не выходить в дальний путь на ночь глядя’.

Послелог *таман*, *жуық* в казахском языке указывают на приближение времени или приближение процесса во времени. Например: *таңға **жуық** ояну* – ‘проснуться к утру’, *кешке **таман** келу* – ‘приехать к вечеру’.

В татарском и некоторых других тюркских языках это значение передается послелогом *таба/табан*. Например: *Көзгә **таба**, Габбасның жанына борчу салып, яучылар килә башлады* (Г. Ахунов. Идел кызы). ‘К осени, беспокоя душу Габбаса, начали приезжать сваты’. В других тюркских языках: башк. *Кискә **табан** қунақтар қайтырға йыйындылар*. ‘К вечеру гости стали собираться домой’ [Исследования по ГСБЯ, 1979: 85]; кум. *Экинниге **таба** Абдуллатип де, мен де*

къаршылашдыкъ. ‘Ближе к послеобеденному времени Абдулатип и я встретились’ [Кардашев, 2009: 11].

Послелог *борын* ‘прежде чем’, ‘до’ (к.-калп. *бурун*, каз. *бұрын*, карач.-балк. *бурун*, ног. *бурун*, туркм. *бурун*, узб. *бурун* и др.) выражает предшествующий другим событиям отрезок времени: *Икенче көнне, таң атар-атмас борын, Күрән бинең капка төбенә Утташ кам килеп эжитте* (Н. Фэттах. Ител суы ака торур). ‘На следующий день, прежде чем рассвело, к воротам Курана би уже пришел Утташ кам’; *Сикермәс борын һоп димә* (Мәкаль). букв. ‘Не говори гоп, пока не перепрыгнешь’ (Пословица); *Куяңны үтермәс борын тиресен сатмыйлар* (Мәкаль). (букв. ‘Пока заяц не убит, его шкуру не продают’). ‘Делить шкуру неубитого медведя’ (Пословица). В других тюркских языках: туркм. *Башымыза өлүм гелмезден бурун, гелиң...* ‘Прежде, чем смерть нас настигнет (букв. придет на нашу голову), пойдете...’ [Поцелуевский, 1975: 260].

Послелог *элек*, наречие *элгәре* ‘за’, ‘тому назад’, слово *әүвәл* ‘за’ в значении послеложного слова указывают на предшествующий временной отрезок. Например: *Әнисенең бертуган апасы, моннан ел ярым элек параличланып, урын өстенә яткан иде* (З. Хөснияр. Терсәк сугышы). ‘Полтора года тому назад родную сестру ее матери парализовало, и она была прикована к постели’; *Анамны хәтерли алмыйм: гомерем яшь ярымга эжитмәстән элек, аны кабер алган...* (Г. Ибраһимов. Көтүчеләр). ‘Свою мать я не помню: она умерла до того, как мне исполнилось полтора года’; *Әүвәл күреш, аннан сораш* (Мәкаль). ‘Сперва поздоровайся, потом расспрашивай’ (Пословица). В других тюркских языках: азерб. *Зәлзәләдән бир саат әввәл бу евләрин биринин пәнчәрәси габагында орта јашларында бир гадын әјләшмишиди*. ‘За час до землетрясения перед окном одного из этих домов сидела женщина средних лет’ [Абдуллаева, 1978: 35]; башк. *Хәл қатмарланып китмәс элек, Дон Хуан тоқсайын сисеп күрһәтһен*. ‘Пока дела не осложнились, пусть Дон Хуан развяжет свой мешок и покажет, что там внутри’ [ГСБЛЯ, 1981: 459]; тур. *Sahibinden evvel ahıra girme*. (букв. ‘Не входи в конюшню прежде хозяина’). ‘Вперед батьки в пекло не лезь’ (Пословица).

Элек используется как наречие в самостоятельном значении. Например: ...*Кульязмалар күмелгәннәр элек Кеше белән бергә кабергә...* (Зөлфәт). ‘Раньше рукописи хоронились вместе с человеком в могилу’.

Соң, артыннан ‘после’, ‘за’ (азерб. *сонра*, алт. *соондо*, гаг. *сора*, каз. *соң*, карач-балк. *сора (сонгра)*, кирг. *соң*, кр. тат. *сонъ*, кум. *сонгъ*, ног. *сонъ*, тур. *sonra*, туркм. *соң*, узб. *сўнг*) передают семантику следования событий друг за другом: *Докладтан соң фикер алышулар китте* (М. Мәдиев. Бәхилләшү). ‘После доклада начались обсуждения’; *Төштән соң көн бик тиз үзгәреп китте...* (Г. Нәбиуллин. Ярдәмчеләр). ‘После обеда погода очень скоро переменилась...’. В других тюркских языках: к.-калп. *Асқар Оралдың бас ийзеуинен соң Байманға қарады*. ‘После того как Орал подтвердила кивком, Аскар посмотрел на Баймана’ [Давлетов, 1989: 19]; кирг. *Кыңыр иш кырк жылдан соң да билинет*. (букв. ‘Кривда и через сорок лет вскроется’). ‘Все тайное становится явным’ (Пословица); кр. тат. *Эмиль кеткен сонъ, Гульнар тюшюнджеге далды*. ‘После ухода Эмиля Гульнар погрузилась в размышления’ [Оказ, 2002: 12]; кум. *Арба сынган сонг ёлну герсетгенлер кеп болур*. букв. ‘После поломки телеги показывающих дорогу бывает много’ (Пословица); тур. *Bayramdan sonra şekiri nide?* (букв. ‘Зачем мне сахар после праздника?’) ‘После драки кулаками не машут’ (Пословица); *Balık ile misafir üç gün sonra kokmaya başlar*. букв. ‘Рыба и гость через три дня начинают портиться’ (Пословица); *Balık ağa girdikten sonra akli başına gelir*. ‘После того как рыба попадет в сеть, в ее голову придет ум’ (Пословица); *At çalındıktan sonra ahırın kapısını karamak*. букв. ‘Когда коня свели, поздно запирать денник’ (Пословица).

Эту же семантику в уйгурском, казахском, киргизском языках может передавать послелог *кейин (кейін)/кийин*. Например: кирг. *Төө кыядан өтүп кеткенден кийин*. (букв. ‘После того, как верблюд прошел через косогор’). ‘После драки кулаками не машут’ (Пословица); *Көсөөнүн акылы түштөн кийин*. ‘Безбородого ум после полудня’ (Пословица); *Мурун чыккан кулактан кийин чыккан мүйүз озгун*. букв. ‘Рога, появившиеся после, опережают уши, которые

появились раньше’ (Пословица); уйг. *Үч күндин кейин келиң*. ‘Приходите через три дня’ [Наджиб, 1960: 120].

В узбекском языке послелогои *кейин*, *сўнг* указывают на следование действий друг за другом: *ишоратидан кейин* ‘после его знака’ [Кононов, 1960: 311].

В туркменском языке зависимое предложение с *соң* ‘после’ может передавать не темпоральную, а каузальную семантику. Сказуемое придаточного предложения при этом может выступать в усеченном виде. Например: *Огладан жогоап эшидилмәнсоң Хезрет сөвдалашмага башлады*. ‘Так как от мальчика не слышно ответа, Хезрет начал торговаться’ [СГРиТЯ, 1977: 162].

В грамматике татарского языка К. Насыри «Әнмүзәж» *соң* рассматривается как наречие места, но приведенное в качестве примера предложение *Өйләдән соң кил*. ‘Приходи после полудня’ [Насыри, 1975: 193] репрезентирует темпоральность.

В текстах древнетюркских памятников в значении послелога *соң* употребляется послелог *кисре* ‘затем’, ‘после’: *Ол қан йоқ болтуқда кисре ел йитми* [Айдаров, 1971: 260].

В якутском языке значение ‘после’ передается послелогом *кэnnэ*. Например: *Үлэ кэnnэ эргийэн Үөрэ-көтө көрсөллөр*. ‘Вернувшись после работы, они радостно встречаются’ [ГСЯЛЯ, 1982: 422].

Послелог *бирле* ‘с’ (азерб. *бәри*, алт. *бери*, башк. *бирле*, гаг. *беери*, каз. *бері*, карач.-балк. *бери*, кирг. *бери*, кр. тат. *берли*, кум. *берли*, тур. *berі*, туркм. *бәри*, узб. *бери*, шор. *пеере* и др.) или обозначает начальный момент процесса, или выражает совершение процесса в течение определенного временного отрезка: *Дөнья яралганнан бирле сулар кая таба аккан булса, быел яз да сулар шул бер якка юналделәр* (Н. Фәттах. Ител суы ака торур). ‘В каком направлении текли воды с зарождения мира, и этой весной воды направились в этом же направлении’; *Сугыштан кайтканнан бирле әтисенең балалары белән иркенләп, жайлап сөйләшкәне булмады* (Ф. Сафин. Гөлжиһан). ‘С тех пор как вернулся с войны, отец ни разу не разговаривал со своими детьми по душам’; *Әнисе алардан киткәннән бирле, Илшат менә инде бер ел әтисе белән эшкә йөри башлады* (Р. Зәйдулла.

Кәүсәләрдә кәүсәр суы). ‘С тех пор как мать от них ушла, Ильшат вот уже один год ходит с отцом на работу’; *Нух заманыннан бирле* (калган) (Әйтем). букв. ‘Еще со времен Ноя (осталось)’ (Поговорка). В других тюркских языках: алт. *Онон ло бери Чага чек тымый берген*. ‘С тех пор Чага совсем притих’ [Байжанова, 2004: 93]; башк. *хин қайтқандан бирле* ‘с тех пор как ты вернулся’ [ГСБЛЯ, 1981: 459]; карач.-балк. *биз шахаргъа келгенли бери* ‘с тех пор как мы переехали в город’ [Алиев, 1972: 332]; кр. тат. *сабадан берли* ‘начиная с утра’; тур. *Asıl konuşan Hasan’dı, altı aydan beri susan Hasan*. букв. ‘Оригинально говорящим был Хасан, который вот уже шесть месяцев молчал’ [Кардашев, 2009: 15]; туркм. *сен гиделиң бәри* ‘с тех пор как ты ушел’ [Поцелуевский, 1975: 174]; узб. *уч кундан бери* ‘в течение трех дней’ [Кононов, 1960: 312]; шор. *кечегиденъ неере* ‘со вчерашнего дня’ [Дыренкова, 1941: 235].

Слова *эчендә* ‘в течение’, ‘за’, *алдында* ‘до’, ‘перед’, *уртасында* ‘посреди’, ‘среди’, ‘в середине’ в значении послелого могут передавать временное значение. Например: *Бер ай эчендә Нурия эч пошудан ябыгып, олыгаеп киткәндәй булды* (Г. Ахунов. Идел кызы). ‘За один месяц Нурия словно похудела и постарела от душевного беспокойства’; *Бер жәй эчендә ул сизелерлек үскән*. ‘За одно лето он заметно подрос’; *Төн уртасында ишек каккан тавыш ишетелде*. ‘Посреди ночи слышался стук в дверь’.

Алдында, *алдыннан*, *алда* ‘перед’, ‘раньше’, ‘до’ выражают предшествование одного действия другому: алт. *Барар алдында бис айдарыбыс*. ‘Перед тем как уйти, мы скажем’ [Дыренкова, 1940: 114]; башк. *һуғыш сығыр алдыннан* ‘перед началом войны’ [ГСБЛЯ, 1981: 459]; карач.-балк. *къазауат башланьрны аллында* ‘перед началом войны’ [Алиев, 1972: 188]; узб. *машинага ўтириши олдида* ‘перед тем как сесть в машину’ [Кононов, 1960: 315].

Уртасында ‘в середине’, *эчендә* ‘в течение’ обозначают отрезок времени, в пределах которого осуществляется процесс: *Төн урталарында кунаклар кайту ягына кузгала башладылар* (Н. Фәттах. Ител суы ака торур). ‘Примерно в полночь гости начали собираться домой’. В других тюркских языках: алт. *Түн ортозында*

салкын келди. ‘В полночь подул ветер’ [Дыренкова, 1940: 119]; каз. *екі ай ішінде* – ‘в течение двух месяцев’.

Слово *арада* ‘в’, ‘за’, ‘в течение’ в значении послелого, маркируя значение ограничительной одновременности, обозначает временной отрезок, в пределах которого осуществляется процесс: *Мин солдатта автомат асып чабып йөргән арада, сез монда бик нык алга киткәнсездер инде* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Вы, наверное, тут очень сильно ушли вперед (прошли много тем), пока я бегал в армии с автоматом’.

Послелог *белән* ‘с’ (к.-калп. *менен*, карач.-балк. *бла*, кирг. *менен*, кум. *билен*, ног. *мынан/ман*, узб. *билан*) указывает на совершение действия главного компонента сразу, как только завершится или наступит действие придаточного предложения/второстепенного члена. М. С. Азисова называет такое следование контактным, которое отличается «отсутствием временного интервала между ситуациями: опорная ситуация следует за зависимой сразу же после ее естественного завершения» [Азисова, 2004: 14]. Например: *Язгы кояш кичкә авышу белән, тамаклары карлыгып беткән кешеләр кайтырга жыена башладылар* (Н. Фәттах. Ител суы ака торур). ‘Как только весеннее солнце приблизилось к закату, люди с охрипшими голосами начали собираться домой’; *Иргали, тәбәнәк ишектән иелеп керү белән, барысын да берьюлы саламладе* (М. Хәсәнов. Язгы ажаган). ‘Иргали, как только наклонившись вошел в низкую дверь, поприветствовал всех сразу’. В других тюркских языках: к.-калп. *Апрель баслану менен, күн жылыды*. ‘Как только начался апрель, дни потеплели’; карач.-балк. *Мен айтхан бла (айтханым бла) сен кетип кьаласа*. ‘Как только я скажу, ты сразу уходишь’; *Окьугъанынг бла ангылап кьоярыкъса*. ‘Как только прочтешь, сразу поймешь’ [ГК.-Б.Я, 1976: 453].

Наличие в таких сочетаниях частицы *ук/үк* ‘же’ усиливает семантику моментальности последующего процесса, указывает на быстрое, в некоторых примерах внезапное следование. Например: *Әнисе, кайтып керү белән үк, нигә кеше кош-кортларын рәнжәтеп йөрисең, дип кыздырды* (К. Әмири. Югалган малай). ‘Сразу же, как только вернулась, мама начала его ругать’.

В древнетюркском языке конструкция с *birlä* означает, что действие главного предложения следует за действием придаточного через очень короткий временной интервал [Erdal, 2004: 475]. При выражении темпоральной семантики *birlä* переводится как ‘вскоре после этого’ [Erdal, 2004: 314].

Послелог *белән* может использоваться и для выражения времени совершения действия. Например: ...*Төлке Тимер Болгарга таң белән килеп җитте* (Р. Зәйдулла. Тимер Буга). ‘Тимур прибыл в Булгары рано утром’ (букв. ‘с зарей’).

Краткий промежуток времени между двумя действиями в турецком языке выражается формой на *dik* в сочетании с послелогом *gibi* (‘как только’, ‘лишь только’, ‘едва’, ‘когда’). Например: *Ben sokağa çıktığım gibi (anda) yağmur başladı*. ‘Едва (когда) я вышел на улицу, как (там) начался дождь’ [Джевдет-заде, 1934: 246].

Послелог *чакта/чагында* ‘когда’, ‘при’, *заманда* ‘когда’, ‘при’ в значении послелога обозначают время совершения действия. Следует отметить, что в этом случае выражается частичная одновременность явлений. Например: *Сабый чакта кулым пешкәннән соң, Ялкыннардан җаным шомлана* (Ф. Жамалетдинова. Май шәфәгы). ‘После того, как в детстве я обожгла руку, моя душа боится пламени’; *Мин беренче курста чакта татарча укый иде* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Когда я был на первом курсе, он читал на татарском языке’; *Уральскида чагында Габдулланың да иң сөеп уйный торган уеннарыннан берсе иде бу* (И. Нуруллин. Ике Апуш). ‘Когда жил в Уральске, эта игра была одной из любимых игр Габдуллы’; *Шундый өметләр, шундый уйлар белән янып, рәхәтләнеп, шатланып, шаулашып эшләп йөргән заманда, көпә-көндөз һәммә халык яланда уракта чакта, патшадан фәрман килеп төшә* (Г. Ибраһимов. Кызыл чәчәкләр). ‘Когда все оживленно, с удовольствием работали с такими радостными надеждами, мыслями, днем, когда все были на жатве, от царя приходит указ’.

Эту же семантику передают слова *мәлдә, барында* ‘когда’, ‘к тому времени’: *Шул мәлдә бәкәленнән читкә очкан ниндидер аксыл нәрсә күзгә чалынды* (А. Хәлим. Өч аяклы ат). ‘В тот миг в глаза бросилась какая-то беловатая вещь,

полетевшая в сторону»; *Бу малда Афанасий бөтенләй бүтән нәрсә турында уйлый башлаган иде* (Н. Акмал. Шәкүр). ‘К тому времени Афанасий уже начал думать совсем о другом’; *Күк капусы ачылган малга туры килү* (Әйтем). (букв. ‘Застать ворота счастья открытыми’). ‘Настал звездный час’ (Поговорка).

В татарском и других тюркских языках активно употребляются наречия времени. Например: *Язын аны армиягә алдылар* (Р. Вәлиев. Иске сәгать дәресе йөри). ‘Весной его призвали в армию’; *Габбас мулланың күңеле тыныч түгел иде был* (Г. Ахунов. Идел кызы). ‘В этом году душа Габбаса муллы была неспокойна’. В других тюркских языках: азерб. *Белә ки ишләјирсән, кеч-тез сән дә уста олачагсан*. ‘С таким усердием рано или поздно и ты станешь мастером’ [ГАЯ, 1971: 298]; карач.-балк. *Кёче малла джылы бауларында джатадыла*. ‘Ночью скот отдыхает в теплых помещениях’; *Бурунгу джыл кыиш аман кыиш эди*. ‘В позапрошлом году зима была плохой’ [Алиев, 1972: 188]; кирг. *Бүгүн конок, эртең жонок*. букв. ‘Сегодня гость, завтра – проваливай’ (Пословица); кр. тат. *Бугунь Решат Ай-Петри яйлясына чыкмагъа истеди ве ойле де япты*. ‘Сегодня Решат захотел подняться на гору Ай-Петри и (следовательно) так сделал’ [Оказ, 2002: 65]; кум. *Бугюн булан битипкълмай*. ‘Жизнь не кончается сегодняшним днем’; тур. *Gündüz külâhli, gece silahli*. ‘Днем с колпаком, ночью с ружьем’ (Пословица); уйг. *Бурун йәккә ишләйттуқ, әнди көпчүлүк биллә ишлейдиган болдуқ*. ‘Раньше мы работали отдельно (единолично), теперь большинство стало работать совместно’ [Наджип, 1960: 120].

Для выражения темпоральности активно используются числительные: *2009 елда университетка укырга керде*. ‘В 2009 году поступила в университет’. В других тюркских языках: каз. *Біз 1934-ші жылы институтты бітірдік*. ‘Мы окончили институт в 1934 году’ [Балакаев, 1959: 188]; шор. *Палам сегизинде школаа парар*. ‘Ребенок (мой) с 8 лет пойдет в школу’ [Дубровская, 2011].

Утвердительная и отрицательная форма причастия в будущем времени передает прерываемое другим процессом действие. Например: *Ат туктар-туктамас, Карим арбадан сикереп төште*. ‘Лошадь не успела остановиться, как Карим выпрыгнул из телеги’.

Эта же форма выражает:

- начальный момент действия основного сказуемого: *Ул авылга жџитџр-жџитмџс, кџчле яңгыр ява башлады*. ‘Как только он дошел до деревни, начался сильный дождь’;

- очень быстрое следование событий. Например: тур. *Düşman hücumu kalkar kalkmaz ateşe başladık*. ‘Как только противник поднялся в атаку, мы открыли огонь’ [Щека, 2007: 416]. Подобные случаи расцениваются М. С. Азисовой как «конструкции опережающего следования: зависимая ситуация не успевает завершиться, начинается опорная ситуация» [Азисова, 2004: 14].

В азербайджанском языке возможно выражение сказуемого придаточного времени сочетанием утвердительной и отрицательной формы глагола в прошедшем времени [Будагова, 1982: 132].

Деепричастия на *-ып, -гач* указывают на совершение действий друг за другом, передается неопределенное следование, так как временной интервал между событиями не дифференцируется. Деепричастие обозначает предшествующее действие, временной интервал между событиями определяется либо по контексту, либо по наличию лексико-грамматических конкретизаторов: *Укудан кайткач, дџреслџремне эзерлим*. ‘После учебы делаю уроки’; *Ишектџн кергџч – кџрек уза, тџргџ менгџч – холык уза* (Мџкаль). (букв. ‘Вошел в двери – проходит мех, сел в красном углу – проходит характер’). ‘Встречают по одежке, провожают по уму’ (Пословица); *Корт чакмыйча, бал булмас* (Мџкаль). (букв. ‘Пока пчела не ужалит, меду не будет’). ‘Не погнетши пчел, меду не едать’ (Пословица). В других тюркских языках: шор. *Кинодаң келип, узира чадыбысқам*. ‘Придя из кино, я лег спать’ [Дубровская, 2011].

Усилительные частицы *ук/үк ‘же’, да/дџ, та/тџ ‘и, также, тоже’* в конструкциях с деепричастием *-гач/-гџч, -кџч/-кџч* усиливают значение быстроты, внезапности, моментальности второго действия, выражают семантику быстрого следования. Например: *Яссы чырайлы дала кешесен Тџлке Тимџр иленнџн килгџч үк кџргџн иде* (Р. Зџйдулла. Тимџр Буга). ‘Широколицого степного человека Тимур увидел сразу, как приехал из своей страны’.

Аффикс *-ганда*, форма *-ган арада* ‘когда’ передают значение совпадения границ процессов: *Алсуланып кояш баеганда, дымсу салкын эжил исте* (Р. Мөхәммәдиев. Ак кыялар турында хыял). ‘Когда садилось солнце, подул влажный холодный ветерок’; *Тайгак юллардан атлаганда, синең киңәшләрең мохтаж идем* (Н. Хәсәнов. Кичеккән күке моңы). ‘Когда я шел по скользкой дорожке, я нуждался в твоих советах’. В других тюркских языках: кирг. *Бир көргөндө, тон сыйлуу, таанышканда, бой сыйлуу*. ‘С первого взгляда одета почетна, когда познакомятся, сам почетен’ (Пословица).

Иногда временное значение, репрезентированное аффиксом *-ганда/-гәндә*, переплетается с семантикой пространства: *урманга биш чакрымнар калганда* ‘когда до леса оставалось километров пять’.

Аффикс *-ганда/-гәндә* в составе сказуемого придаточного может выражать причину осуществления события главного предложения. Например: *Барысы да сөйләгәндә, ул гына дәшмичә кала алмады*. ‘Когда все рассказывали, только он не мог промолчать’.

Придаточные времени могут выражаться формой местного падежа от формы на *dik* в турецком языке: *O buraya geldikte ben burada degildim*. ‘Когда он пришел сюда, меня здесь не было’ [Джевдет-заде, 1934: 245].

Временная семантика способна передаваться и присоединительными конструкциями: *Ә безнең ярты юлда өзелде ул бәхет. Тормыш корабындагы хыял жылкәннәрен киереп алга барган чакта* (Ә. Шәрифиллина). ‘А наше счастье оборвалось на полпути. Когда мы плыли вперед на корабле жизни, были полны надежд’.

Помимо слова *вакыт* ‘время’ для выражения темпоральности широко используются слова *минут* ‘минута’, *мизгел* ‘миг’, *көн* ‘день’, *сәгать* ‘час’, *момент* ‘момент’, *период* ‘период’ и т. п. Например: *Һәм менә ул күңеле моңсу сагыш белән тулган яки бер дә сәбәпсез эче пошкан минутларда тәрәздән тимер юл буена карап торырга гадәтләнде* (Ә. Еники. Бер генә сәгатькә). ‘И вот он в минуты наполнения души печальной тоской или в минуты, когда без всякой причины не находил себе места, привык смотреть из окна в сторону железной

дороги’; *Матурлык туйда кирәк, акыл (мәхәббәт) көн дә кирәк* (Мәкаль). (букв. ‘Красота нужна на свадьбе, а ум (любовь) повседневно’). ‘Краса приглядится, а ум вперед пригодится’ (Пословица); *Сентябрьдә син дә бер, мин дә бер* (Мәкаль). (букв. ‘В сентябре и я, и ты – все равны’). ‘В осень и у вороны копна, не только у тетерева’ (Пословица); *Майның яме күке белән* (Мәкаль). ‘Май красен кукушкой’ (Пословица); *Көз гамен яз уйла* (Мәкаль). букв. ‘О проблемах осени думай весной’ (Пословица); *Кыш көне арбаңны, жәй көне чанаңны әзерлә* (Мәкаль). ‘Готовь сани летом, а телегу зимой’ (Пословица).

Как показал анализ собранного нами языкового материала, временная семантика может быть выражена с помощью сопоставлений, характерных для данного контекста. Например: *Кунакның ит пешәрлек вакыт сузылган сүзләрен Бирем әкә бик аз бүлдерүләр белән, тирән дикъкәть эчендә акылына салып утырды, аннан соң ашыкмый үзе сүз башлады* (Г. Ибраһимов. Казакъ кызы). ‘Бирем ака выслушал слова гостя, растянувшиеся на время, достаточное для того, чтобы сварилось мясо, с большим вниманием, практически не перебивая, затем, не торопясь, начал говорить сам’. В этом предложении с помощью сочетания *ит пешәрлек вакыт* – ‘время, достаточное для того, чтобы сварилось мясо’, выражается долгое действие. А в следующем примере, наоборот, выражается быстрота действия: *Бер самавыр кайнарлык вакыт үтмәгәндер, йортка балачага жыела башлады* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘Наверное, не прошло время, достаточное для того, чтобы вскипел самовар, как в дом начала собираться детвора’.

Предложения, содержащие темпоральные отношения, могут стоять в самом начале текста. В этом случае они задают временной фон для всего последующего изложения. Данный способ повествования является типичным для сказок, так как абсолютное их большинство начинается именно с фиксации места и времени сказочных событий. Например: *Борын-борын заманда, кәжә команда, әби-бабай тумас борын, әти белән икәү генә торган чагында, бар иде бер карт белән карчык* (Камыр батыр – татарская народная сказка). ‘Давным-давно, когда козел был командиром, бабушка и дедушка еще не родились, когда мы жили только

вдвоем с папой, были старик со старухой’; *Борын-борын заманда, кәжә команда, саескан сотник, бака плотник булган заманда яшәгән, ди, бер патша* (Тәмәке янчыгы – татарская народная сказка). ‘Давным-давно, когда козел был командиром, сорока – сотником, лягушка – плотником, жил один царь’; *Борын-борын заманда, песнәк дисәтник, карга үрәтник, саескан сотник булып торган чакларда булган икән, ди, бер егет* (Дию патша – татарская народная сказка). ‘Давным-давно, во времена, когда синица была десятником, ворона – урядником, сорока – сотником, был один парень’.

Фиксация в самом начале текста места и времени событий свойственна не только татарским сказкам, а вообще этому жанру. Интересные примеры обнаружались в ногайских народных сказках: *Борын-борын заманда, канатсыз кошлар очканда, яфраксыз агачлар жимеш биргәндә, сусыз казан кайнаганда, төтенсез учак ягылганда, Төлке белән Бүдәнә дус булганнар, ди* (Төлке һәм Бүдәнә – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). ‘Давным-давно, когда бескрылые птицы летали, деревья без листьев давали плоды, казан кипел без воды, очаг топился без дыма, говорят, Лиса и Перепел были друзьями’; *Балалы өй бәхетле, баласыз өй хәсрәтле заманда, атага охшап ул, анага охшап кыз туганда, жиде көнлек бураннан соң аяз көннәр туганда, куркак кеше батыр булганда, батыр кеше куркак булганда...* (Аучының төпчек улына кыз ярәшүе – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). ‘Во времена, когда дом с детьми был счастливым, дом без детей был печальным, когда сын родился похожим на отца, дочь рождалась похожей на мать, когда после семидневных буранов наступали ясные дни, когда трусливый человек был храбрым, храбрый человек был трусливым...’; *Борын-борын заманда, хан кызы казый заманда, сыерчык сихерче заманда, бозда бодай үскәндә, тауда тары үскәндә, капчык авызы киез заманда, карга авызы мөгез заманда, карт белән карчык яшәгән* (Туймас карчык – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). ‘Давным-давно, во времена, когда ханская дочка была судьей, во времена, когда скворец был колдуном, когда пшеница росла на льду, а пшено – на горе, во

времена, когда мешок был из шерсти, во времена, когда вместо рта у вороны был рог, жили старик и старуха’.

Таким образом, темпоральная семантика в начале текста задает временной фон для всего повествования.

4.2. Каузально-темпоральный синкретизм

Как уже было сказано выше, темпоральность может осложняться каузальными, целевыми, кондициональными, уступительными отношениями.

Как отмечает тюрколог Н. А. Баскаков, «категории причины и следствия в предложении с развитыми членами могут рассматриваться как действие или состояние предмета, следующее одно за другим. Таким образом, зависимость причины и следствия сводится к временной зависимости, т. е. последовательности...» [Баскаков, 1975: 230].

Поскольку причина является порождающим фактором, по времени она предшествует следствию. Как показал анализ собранного нами языкового материала, даже если причина предшествует следствию, в большинстве случаев сказуемые и придаточного, и главного компонента имеют одинаковую временную форму. Это связано с продолжением действия причины и после наступления следствия: (1) *Лилия дустының өмет тулы карашын күрде*, (2) *шуңа күрә ул аның гозерен кире кага алмады*. ‘Лилия увидела глаза подруги, полные надежды, поэтому она не смогла ей отказать’.

В этом предложении сказуемые придаточного (1) и главного (2) компонента имеют одинаковую временную форму (определенное прошедшее время). Реальная последовательность событий, т. е. совершение причины (1) раньше следствия (2) выявляется по семантике.

Из этого следует, что ПСО определяются смысловой наполненностью предложения/контекста. Несмотря на выражение сказуемых компонентов СП

одинаковой временной формой, как правило, причина предшествует следствию. В других тюркских языках: Например: азерб. *Хэзан кэлди, сојуглар дүшдү*. ‘Пришла осень, холода начались’ [ГАЯ, 1971: 377]; гаг. *Нижя (насыл) йаады илк йаамур, хавалар йысынды*. ‘Как (только) прошел первый дождь, погода потеплела’ [Гайдаржи, 1981: 70]; карач.-балк. *Къургъакъсыб тургъан джерге кючлю джангурла джаудула да, сабанла джангыдан кёгердиле*. ‘На сухую землю выпали обильные дожди, и посевы зазеленели вновь’ [Алиев, 1972: 271].

В вышерассмотренных примерах, несмотря на одинаковые временные формы сказуемых, выражаются последовательные события: в первых частях содержатся действия-причины, а во вторых – действия-следствия.

Сказуемые компонентов СП имеют одинаковую временную форму, когда следствие возникает с началом действия причины. Последовательность процессов выражается смысловым содержанием частей предложения. Например: *Узып барганда, өстэлгэ кагылды да ваза төшеп ватылды*. ‘Когда проходила мимо, задела стол, и ваза разбилась’. В других тюркских языках: карач.-балк. *Джел урду да, терекледен алмала акъдыла*. ‘Подул ветер, и с деревьев упали яблоки’ [Алиев, 1972: 278].

Как показал анализ собранного языкового материала, несмотря на одинаковую временную форму сказуемых СП, события происходят друг за другом. Использование одинаковой формы связано с продолжением проявления действия главного предложения и после начала действия придаточного.

Иногда следование причины и следствия друг за другом обозначается разными временными формами сказуемых СП: (1) *Ул инде үткәннәргә карамый*, (2) *чөнки барысы да узганда калган*. ‘Он уже не оглядывается назад, потому что все осталось в прошлом’. Сказуемое главного предложения (1) – в настоящем времени, сказуемое придаточного (2) имеет форму прошедшего результативного времени.

В редких случаях возможно сочетание форм прошедшего/настоящего времени в главном предложении с формами будущего времени в придаточном: *Дөресен айтсалар, аларга үпкәләячәкләр, шуның өчен кызлар бу хакта сөйләмәскә*

тырышалар. ‘Если скажут правду, на них обидятся, поэтому девочки стараются не говорить об этом’. Подобное сочетание форм времени считается возможным при выражении уверенности говорящего в совершении или не совершении действия.

Следствие может возникнуть одновременно с причиной. «Причина во времени предшествует следствию, но вместе с тем существует более или менее длительная стадия, когда причина и следствие сосуществуют вместе...» [ФЭС, 1989: 511]. Это репрезентируется в языке следующим образом: *Сине кўрдем – куанды кўзлар, сине кўрдем – жыр сузды телем, сине кўрдем – уйнады йөрәк*. ‘Я увидел тебя – обрадовались глаза, увидел тебя – сердце мое запело, увидел тебя – взволновался’. В других тюркских языках: узб. *Сени кўрдим, қувонди кўзлар. Сени кўрдим, жўр урди дилим. Сени кўрдим, ўйнади юрак*. ‘Я увидел тебя – обрадовались глаза. Я увидел тебя – сердце мое запело. Я увидел тебя – взволновался’ [Кононов, 1960: 411].

Деепричастия могут указывать на одновременность действий в каузально-темпоральной конструкции. Например: *Гаделсезлекне кўреп шаккатам*. ‘Удивляюсь, видя несправедливость’.

Взаимоотношения темпоральности и каузальности осложняются еще тем, что форма деепричастия *-гач*, с помощью которой придаточное времени присоединяется к главному предложению, может связывать придаточное причины и главное предложение. Эта форма всегда указывает на ПСО, если в составе глагольной формы (деепричастия) имеется аффикс отрицания: *Мәкерле уйларың булмагач, башкалардан да түбәнлек кәтмисең*. ‘Поскольку у самого нет дурных намерений, и от других не ждешь низости’.

Эта особенность формы деепричастия *-гач/-гәч, -кач/-кәч* отмечается и в «Татарской грамматике» М. З. Закиевым: «Значение времени часто переходит в отношение причины» [Татар грамматикасы, 2017: 364].

В некоторых примерах, несмотря на утвердительную форму деепричастия, выражается каузальность. Например: *Бүген якшәмбе көн булгач, баскыч*

мәйданчыклары жыештырылмаган... (З. Хәснийр. Терсәк сугышы). ‘Так как сегодня выходной день, лестничные площадки не убраны’.

Если в предыдущих примерах при помощи формы *-гач/-гәч*, *-кач/-кәч* репрезентируется только причинно-следственная семантика, то в следующих предложениях наблюдаются и каузальные, и временные отношения. Например: *Мин күзләремне ачкач, барысы да жиңел сулап куйдылар* (З. Хәснийр. Терсәк сугышы). ‘Я открыл глаза, поэтому все облегченно вздохнули’ или ‘После того, как я открыл глаза, все облегченно вздохнули’. В других тюркских языках: башк. *Йылгыр йәш һыбайлылар өстәлгәс, эскадрон йәнә теремкәнәп китте*. ‘Эскадрон оживился, потому что прибыли молодые кавалеристы’ [ГСБЛЯ, 1981: 460] или ‘Эскадрон оживился после того, как прибыли молодые кавалеристы’.

Одно из свойств каузальных отношений – временная асимметрия. Во времени причина либо предшествует, либо одновременна со следствием, а следствие никогда не может происходить раньше своей причины [Философский словарь, 2003: 463].

«Синкретизм (интерпликатность) каузальных структур свидетельствует о достаточной гибкости этих единиц, проявляющейся в способности соответствующих структур совмещать в себе несколько различных функций, что позволяет им передавать разнообразие явлений действительности. Синкретизм служит естественным регулятором отношений плана выражения и плана содержания, когда между ними наблюдаются сдвиги динамического характера. Проблема синкретизма связана с проблемой асимметрии языкового знака, которую можно рассматривать как «фундаментальный фактор языка» [Губанов, 2016: 11–12].

Как видим, каузальные отношения тесно связаны с темпоральными отношениями. При этом следует помнить, что временные отношения являются внешней связью, а причинно-следственные – внутренней зависимостью компонентов.

4.3. Синкретичная кондиционально-темпоральная семантика

Мнения лингвистов относительно конструкций, которые совмещают в себе условную и временную семантику, неоднозначны. Языковедами подобные модели рассматриваются в рамках либо условных, либо временных отношений, лишь некоторыми в системе СПП выделяются условно-временные предложения.

Например, в узбекском языке как вид придаточного рассматривается условно-временное предложение: *Агар бунга Узумсой сувлари ҳам кўшилса, у вақтда сув миқдори яна ўн марта кўпайиши кутилади.* ‘Когда к этому присоединится еще и вода Узум-сая, тогда можно ожидать, что количество воды увеличится еще в десять раз’ [Кононов, 1960: 418].

Очень часто наблюдаются случаи синкретизма темпоральных и кондициональных значений. Событие в главной части условной конструкции во времени может происходить после события, описанного в зависимом компоненте.

В некоторых случаях подобная семантика передается формой будущего времени сказуемого главного компонента. Например: *Кайгылы кайгысын сөйләсә, кайгысызның башы авыртыр* (Мәкаль). букв. ‘Если озабоченный говорит о своей заботе, у беззаботного болит голова’ (Пословица); *Кызыксынып укый калсагыз, барысына да үзегез төшенерсез* (Р. Галиуллин. Хушыгыз, кешеләр!). ‘Если (когда) заинтересуетесь и начнете читать, сами все поймете’; *Күргән газәпләримни яза башласам, дәфтәр битләре генә җитмәс* (Р. Галиуллин. Хушыгыз, кешеләр!). ‘Если я начну записывать все свои страдания, не хватит и страниц тетради’; *Бала яман булса, ата-анасына оят булыр* (Мәкаль). ‘Дурной ребенок – позор родителей’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Мээнетиң катуу болсо, татканың таттуу болор* (Пословица). букв. ‘Если труд твой тяжел, то пища твоя будет сладкой’; *Ата-энеңди сыйласаң, өз балаңдан жакшылык көрөсүң.* букв. ‘Если будешь уважать своих родителей, увидишь добро от своих детей’ (Пословица); *Жортуп жүрсөң, жол өнөр.* ‘Если будешь быстро

ехать, дорога не поддается (путь увеличится)’ (Пословица); тур. *Ayak gitmese el getirmez*. ‘Нога не пойдет, рука не принесет’ (Пословица).

В вышерассмотренных примерах еще не совершенные события мыслятся как возможные, четко прослеживается временная последовательность событий. Между тем точно неизвестно, произойдет или нет названное в придаточном предложении событие.

При выражении с помощью условной формы периодической связи событий наблюдается пересечение значений условия и времени. При этом отношение между явлениями носит абстрактно временной характер. Например: *Кич йокларга ятса да, иртэн торса да күз алдында, елмаеп, күрше егете Фэргатъ басып тора* (Ф. Бэйрэмова. Караболак). ‘И вечером, когда ложится, и утром, когда встает, перед ее глазами, улыбаясь, стоит соседский парень Фаргат’; ...*Көз житсэ, яфрак та өзелэ* (Ф. Жамалетдинова. Бөре). ‘С приходом осени и листья опадают’.

Синкретичное по своей природе условно-временное значение структурно закрепилось в паремиологической системе. В поговорках и обобщенных высказываниях наблюдается абстрактно временной характер взаимоотношений компонентов кондициональной конструкции. Например: *Азрак сөйләсәң, күбрәк ишетерсең* (Мэкаль). ‘Меньше будешь говорить – больше услышишь’ (Пословица); *Баш исән (сау) булса, бүрек табылыр* (Мэкаль). ‘Была бы цела голова, а шапка найдется’ (Пословица); *Аты булса, йөгәне (ияре) табылыр* (Мэкаль). *букв.* ‘Была бы лошадь, а уздечка найдется’ (Пословица); *Акыллы хаталанса, үзен гаепләр, акылсыз хаталанса, юлдашын гаепләр* (Мэкаль). (*букв.* ‘Если умный допустит ошибку, себя упрекает, если глупый допустит ошибку, спутника своего упрекает’). ‘Умный грешит, да поправить спешит’ (Пословица). В других тюркских языках: караим. *Басмаса ат айакны, тартарс арабаны*. ‘Когда (если) лошадь не тянет повозку, ты сам потянешь ее’ [Мусаев, 2003: 332]; карач.-балк. *Акылдуу ката кетирсе, өзүн жемелейт; акылсыз ката кетирсе, жолдошун жемелейт*. (*букв.* ‘Если умный допустит ошибку, себя упрекает, если глупый допустит ошибку, спутника своего упрекает’). ‘Умный грешит, да поправить спешит’ (Пословица); кирг. *Башына тартса – аягына, аягына тартса,*

башына жетпейт. букв. ‘Натянет на голову – на ноги не хватает, натянет на ноги – на голову не хватает’ (Пословица); тур. *Allah yardım ederse kuluna, her iş girer yoluna*. ‘Поможет бог, все наладится’ (Пословица); *Zaman sana uymazsa sen zamana uy*. ‘Время тебе не соответствует, ты соответствуй времени’ (Пословица); *Çeşmeye giderse, çeşme kuruyacak*. ‘Если пойдет к роднику, родник иссякнет’ (Пословица); *Er emekli olursa, kadın yemekli olur*. ‘Если муж будет занят трудом, жена будет с пищей’ (Пословица).

Для паремий характерным является употребление формы настоящего или будущего времени. Между тем сама фраза носит вневременной характер, имеет вид общей закономерности, указывает на типичные явления. Временная семантика в подобных примерах связана с выражением значения постоянства.

Крайне редкое использование в паремиях форм прошедшего времени можно объяснить тем, что они указывают на определенные события, конкретную действительность. Поэтому прошедшему времени характерно индивидуализирующее свойство, паремиям же свойственно обобщение: *Чулпан туды – таң атты*. ‘Венера взошла – рассвело’. В других тюркских языках: кум. *Яшыртгын айтдым – билмединг, гёрюне айтдым – суймединг* (Пословица).

Альтернативная оппозиция в условно-временных конструкциях, как правило, нейтрализуется. В особенности это наблюдается в субъективных умозаключениях.

Временные отношения часто осложняются условными. В подобных конструкциях часто содержатся союзы, выражающие временное значение, придаточное предложение содержит семантику обобщения: гаг. *Ачан бирлик йок достларда, ишләр гитмәз хич орада* [Гайдаржи, 1981: 56].

В отличие от кондициональных отношений, в кондиционально-темпоральных конструкциях содержатся определенные условия осуществления событий: *Яз килсә, ул безгә менә дигән көймәләр ясап бирә. Жиләк житсә, кечкенә-кечкенә тубаллар, көз керсә, авылның бер башыннан икенче башына ишеттерерлек яңгыратып суга торган биек, текә какмалар – болар һәммәсе шул атасына охшап туган Гыйлаҗи кулыннан ясалып килә* (Г. Ибраһимов. Кызыл

чэчэклэр). ‘Весной он делает нам очень хорошие лодки. В ягодный сезон – маленькие корзинки, осенью – большие барабаны, звуки которых слышны из одного конца деревни в другой, – все это делается руками похожего на своего отца Гилязи’; *Жэй житте исэ, без шул балыкларны тотуда булабыз* (Э. Гадел. Еракта, томаннар артында...). ‘Как только наступает лето, мы ловим эту рыбу’. В других тюркских языках: алт. *Кандый ла неме карыза, эдиканы шүлтүрей берер*. ‘Когда всякое существо стареет, тело дряхлеет’ [Байжанова, 2004: 83].

В «Грамматике древнетюркского языка» М. Эрдаля отмечается, что форма *-сар (-sAr)*, которая в основном выражает условное значение, очень часто имеет темпоральную семантику, переводится как ‘когда’ [Erdal, 2004: 321; 480; 496], также отмечается, что иногда возможна как темпоральная, так и кондициональная интерпретация [Erdal, 2004: 496].

Способность условной формы выражать условно-временное значение является общетюркским, оно прослеживается еще в памятниках древнетюркской письменности [Айдаров, 1971: 260] и в современных тюркских языках. Например: кирг. *Жер куураса, алабата чыгат*. букв. ‘Когда земля истощается, вырастает лебеда’ (Пословица).

Временное значение может передаваться формой условного наклонения и в узбекском языке. Например: *Учрашсалар, суҳбатлашар эдилар*. ‘Когда они встречались, беседовали’.

Отмечается нерасчлененность значений условия и времени, выражаемых придаточным предложением, сказуемое которого оформляется аффиксом *-са*, в ряде случаев в караимском языке. Приводятся примеры, в которых придаточное имеет четко выраженное временное значение: *Куйаш чыхса, мен ойатым, йукла, увлум, йукла; Мен «тан йахшы» сайа айтым, йукла, увлум, йукла!* ‘Когда взойдет солнце, я разбужу тебя, усни, мой сыночек, усни; Я скажу тебе «доброе утро», усни, мой сынок, усни!’; *Табулса дёртюнчю йапрах, башланат отав бахчада*. ‘Когда появится четвертый листок, в огороде начинается прополка’ [Мусаев, 2003: 331].

Таким образом, смыкаясь с временными, условные отношения составляют своеобразную конструкцию, находящуюся между кондициональной и темпоральной семантикой. Условно-временным отношениям характерна нечеткость значения одновременности/последовательности, поскольку в этом случае основная смысловая нагрузка падает на взаимообусловленность действий, а не на их соотнесенность во времени.

Репрезентация временных отношений в татарском и других тюркских языках

Послелоги (татарский язык)	Тюркские языки															
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
<i>кадар</i> 'до'	<i>гәдәр</i>	<i>қәзәр</i>	<i>кадар</i>	<i>дейин, шейин</i>	<i>къадар</i>	<i>дери, къадар</i>	<i>чейин/дейин/дейре</i>	<i>эвель, къадар</i>	<i>ерли</i>	<i>кадар</i>	<i>ченли</i>	<i>қадар</i>	<i>қәдәр</i>	<i>теере</i>	<i>таранччен</i>	<i>диэри, дылы</i>
<i>буе</i> 'на протя- жении'	<i>бојунча әрзиндә</i>	<i>буй</i>		<i>бойы</i>	<i>бойына</i>	<i>ичи</i>	<i>бою</i>	<i>бою</i>	<i>бой, узакълыкъ</i>	<i>бууипса</i>	<i>бойы</i>	<i>давомида</i>	<i>бойи</i>	<i>ирткені</i>	<i>каса, хута</i>	<i>тухары, бына</i>
<i>саен</i> 'каждый раз'	<i>һәр</i>	<i>һайын</i>		<i>сайын</i>	<i>сайын</i>	<i>сайын</i>	<i>сайын</i>		<i>сайын</i>	<i>zaman</i>	<i>сайын/ сайы</i>	<i>сайин</i>		<i>сай</i>	<i>кашини</i>	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
азербайджанский	башкирский	гагаузский	казахский	каракалпакский	карачаево-балкарский	киргизский	крымскотатарский	кумыкский	турецкий	туркменский	узбекский	уйгурский	хакасский	чувашский	якутский	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
белән 'с'	<i>илә</i>	<i>менән</i>			<i>менен/ бенен/ пенен</i>	<i>бла</i>	<i>менен</i>		<i>билен</i>	<i>илә</i>	<i>билән/би лә</i>	<i>билән</i>	<i>билән</i>			
бирлә 'с'	<i>бәри</i>	<i>бирлә</i>	<i>беери</i>	<i>бері</i>	<i>берги/берл и/бери</i>	<i>бери</i>	<i>бери</i>	<i>берли</i>	<i>берли</i>	<i>bergi</i>	<i>бәри</i>	<i>бери</i>	<i>бери</i>	<i>сығара</i>	<i>-ренлә</i>	<i>ыла, бәттәх, дизжиттә</i>
соң 'после'	<i>соңра</i>	<i>һуң</i>	<i>сора</i>	<i>соң, кейін</i>	<i>сонъ</i>	<i>сора (сонгра)</i>	<i>соң</i>	<i>сонъ</i>	<i>сонгъ</i>	<i>sonra</i>	<i>соң</i>	<i>сүнг</i>	<i>кейин, соңра</i>	<i>соонаң</i>	<i>хысһан</i>	<i>кәннә, антах</i>
элек 'тому назад' 'за'	<i>әввәл</i>	<i>элек</i>	<i>илери</i>	<i>әуел</i>	<i>илгери</i>	<i>алда</i>	<i>илгери</i>		<i>алдын</i>	<i>eyvel</i>	<i>озал</i>	<i>илгари</i>	<i>илгари</i>	<i>алтында</i>	<i>әләк</i>	
борын 'прежде чем'	<i>әввәл</i>	<i>борон</i>		<i>бұрын</i>	<i>бурун</i>	<i>бурун</i>	<i>мурун</i>		<i>аввал</i>	<i>önce</i>	<i>бурун</i>	<i>бурун</i>	<i>бурун</i>	<i>алтында</i>	<i>әләк</i>	
қаршы 'к', 'на', 'в'	<i>јахын</i>	<i>қаршы</i>	<i>қаршы</i>	<i>қарсы</i>	<i>қъарсы</i>				<i>таба</i>	<i>dogru</i>	<i>тарап</i>	<i>бориб</i>	<i>қарши</i>		<i>хирәс</i>	

4.4. Семантические виды пространственности

В конструкциях, выражающих пространственность, носителями семантики не всегда являются слова как лексемы, а синтаксические формы слов образуют систему пространственных отношений, поэтому пространственность является лексико-синтаксической категорией.

Пространственная лексика может быть представлена закрытым списком слов. Это, например, географические названия, наименования частей света, названия административных единиц и др.

«Ведущее место в языковой системе категорий отражения занимает человек, и вступая во взаимодействие со средой, ориентируясь в ней, он во многом полагается на свое восприятие пространства. В восприятии пространства различаются форма, величина, объем объектов, расстояние между ними, их взаимное расположение и другие параметры» [Додуева, 2008: 9].

По мнению Г. М. Василевич, термины ориентации в пространстве можно разделить на несколько групп. Причем наиболее ранним способом образования пространственных терминов считается солярный, т. е. с употреблением слов *восход, заход, полдень, полночь*. Далее следуют наиболее широко распространенные в разных языках мира термины. Это касается названий, образованных по принципу направления от человека: слова *перед, вперед, зад, назад, спина, правый и левый*.

В третью группу терминов входит обозначение стран света по течению рек: *верхнее, вверх по течению, нижнее, вниз по течению*. Четвертая группа включает в себя обозначение по направлению склонов длинных хребтов относительно солнца.

У народов, обитавших на побережьях больших водоемов и на склонах длинных горных хребтов, как считает Г. М. Василевич, страны света назывались по направлению береговой линии и склонов горных хребтов относительно солнца. По мнению исследователя, для истории любого народа наибольший интерес

представляют названия, образованные по второму и третьему принципам [Василевич, 1971: 225].

Сфера поля пространственности, как правило, имеет непосредственную связь с местонахождением лица, следовательно, ей присуще антропоцентрическое содержание. Например, в древнетюркском памятнике в честь Кюль-тегина слово ‘вперед’ употреблялось в значении ‘восток’, слова ‘зад’, ‘назад’, ‘спина’ – ‘запад’, ‘направо’ – ‘юг’, ‘налево’ – ‘север’ [Малов, 1951].

Как отмечает А. Т. Додуева, «отыменные послелогои выражают топологические значения и выполняют функцию конкретизаторов пространственных отношений, связанных со сферой вокруг предмета. В центре такой ориентации находится сам человек» [Додуева, 2008: 22].

При выражении пространственного значения местонахождением говорящего обуславливается обозначение степени близости или удаленности предмета (*анда* ‘там’, *монда* ‘здесь’, *янында* ‘рядом’), уточнение правой или левой сторон (*уңда* ‘справа’, *сулда* ‘слева’), обозначение по вертикальной или по горизонтальной оси (*өстә* ‘наверху’, *аста* ‘внизу’, *янында* ‘сбоку’, *алдында* ‘впереди’, *артында* ‘позади’, ‘сзади’), размещение в пределах или за пределами какого-либо ориентира (*эчендә* ‘внутри’, *тышында* ‘снаружи’).

На пространственные отношения в той или иной степени обращалось внимание еще в первых татарских грамматиках. Так, в грамматике Каюма Насыри «Әнмүзәж», которая была опубликована в 1895 году и явилась первым опытом всестороннего научного исследования татарского языка, отмечается употребление аффикса *-да/-дә* для выражения значения пространственности, приводятся следующие примеры: *Ул Қазанда тора*. ‘Он живет в Казани’; *Мәсҗеддә намаз уқылар*. ‘В мечети совершают намаз’ [Насыри, 1975: 60].

Каюм Насыри утверждает, что «все имена места выполняют функцию местного падежа, например, все имена места, обозначающие шесть сторон пространства, относятся к числу наречий места»: *арт* – ‘зад’, *алд* – ‘перед’, *уң* – ‘правая сторона’, *суң* – ‘левая сторона’, *аст* – ‘низ, нижняя сторона’, *өст* – ‘верх, верхняя сторона’, а также *урта* – ‘середина’, *ара* – ‘промежуток’ [Насыри, 1975:

185]. Наречия места, часто употребляемые «это как бы вместилище действия или события»: *анда* ‘там’, *монда* ‘здесь’, *шунда* ‘там’, *тегендә* ‘там’, *эчдә* ‘внутри’, *тышда* ‘снаружи’, *уңда* ‘направо, справа’, *суңда* ‘налево, слева’, *артда* ‘позади’, *алда* ‘впереди’, *астда* ‘внизу’, *өстдә* ‘наверху’ [Насыйри, 1975: 65]. Приведем примеры: *Артында йөз эт һауламаган буре буре буламыни?* (Мәкаль). ‘Разве это волк, если вслед за ним не воют сто собак?’ (Пословица); *Астан кисеп, өстән ямый* (Мәкаль). (букв. ‘Снизу отрезает, сверху латает’). ‘Мягко стелет, жестко спать’ (Пословица); *Бияләй эченнән йодрык күрсәтү* (Мәкаль). ‘В рукавице кукиш кажет’ (Пословица); *Жиң эченнән йодрык күрсәтү* (Мәкаль). букв. ‘Показывать кулак в рукаве’ (Пословица); *Боз өстендә язучу тормас* (Мәкаль). букв. ‘На льду письмо не сохранится’ (Пословица). В других тюркских языках: тур. *Aba altından değnek göstermek*. ‘Показывать кулак из-под кафтана’ (Пословица).

Направительный падеж указывает на конечную точку движения, при этом исходный пункт движения не конкретизируется. Исходным падежом, наоборот, выражается начальная (исходная) точка движения без указания на конечную. С помощью местно-временного падежа обозначается место совершения действия.

«Пространству присуща связность и непрерывность, проявляющаяся как в характере перемещения тел от точки к точке, так и в распространении физических воздействий через различные поля...» [ФЭС, 1989: 520]. В зависимости от обозначения перемещения или местонахождения пространственные отношения можно разделить на динамические и статические, которые имеют разное выражение. Динамические пространственные отношения передаются при помощи существительного в форме исходного падежа (выражается исходный пункт движения), направительного падежа (обозначается конечный пункт).

Пространственность включает в себя семантические виды:

Место совершения процесса, местонахождение предмета обозначаются:

- существительным в местно-временном падеже: *Буге биши адым, аркылысы дүрт адымлы бүлмәдә берьялгызым калам* (Ф. Бәйрәмова. Болын). ‘Я остаюсь совсем одна в небольшой комнате’ (букв. ‘длина которой – пять, ширина – четыре

шага’); **Кыяда** оялаган **навада** кыялый (Мэкаль). ‘Кто гнездится на скалах, тот высоко парит’ (Пословица). В других тюркских языках: карач.-балк. **Тауда** сууукъду. ‘В горах холодно’ [ГК.-Б.Я, 1976: 454]; **Отунлу джерде** от джукъланмаз, насыблы элде акъыл къурумаз. ‘Там, где много дров, огонь не потухнет, в селе, где есть счастье, не иссякнет ум’ (Пословица); кирг. **Катындуу жерде** челек бар. ‘Где есть женщина, там есть кухонная утварь’ (Пословица); кум. **Ичтеги уйде** языв этип турагъан Запир эшик къагъылгъанны узун къулакъдап эшитди. ‘Запир, занятый письмом в дальней комнате, издали услышал стук в дверь’ [Кардашев, 2009: 14]; тур. **Dünyada, bir parça iyilik edebilmekten daha güzel bir şey olmuyor.** ‘На свете нет ничего лучше, чем суметь делать добро’ [Кардашев, 2009: 13]; **Keçi keçiüi dağda, salkım salkımı bağda bulur.** ‘Коза найдет козу в горах, гроздь найдет гроздь в саду’ (Пословица); **Gökte ararken yerde bulmak.** букв. ‘Искал в небесах, а нашел на земле’ (Пословица); уйг. **Халқимиз халқ бағчисида дәвләт байримини хошал-хорам тәбриклимәктә.** ‘Наш народ весело и радостно отмечает в городском саду государственный праздник’ [Наджип, 1960: 116].

В языке орхонских памятников местно-временной падеж обозначает место, где находится предмет или совершается действие: **Бу үйрде** олурып. ‘Засев в этой стране’ [Айдаров, 1971: 155].

- сочетанием имени существительного с послеложными словами в формах пространственных падежей. При этом следует отметить, что «послелог актуализирует всегда какую-нибудь часть трехмерного пространства, определенный его аспект и служит показателем отношений между предметами, один из которых является локализуемым предметом, а другой – локализатором» [Додуева, 2008: 22]: **Упкын төпләрендә** гөлләр үскән Кыяларны белеп сайладым... (Зөлфәт). ‘Я осознанно выбрал скалы, в безднах которых растут цветы’; **Су төбендә** авыл капкасы күрендә (Р. Вәлиев. Иске сәгать дәрәс йөри). ‘Под водой показались ворота деревни’; **Аяк астында** яткан алтынны күрмишә, әллә қаян әзлибез шул аны... (Р. Вәлиев. Эт қояшы). ‘Мы ищем счастье издали, не видя, что оно рядом’ (букв. ‘Мы ищем откуда-то, не видя золота, лежащего под нашими ногами’); **Көтүлек янында** гына бер әкәмәт елга бар (Г. Нәбиуллин.

Ярдәмчеләр). ‘Совсем рядом с пастбищем есть удивительная река’. В других тюркских языках: алт. *Балдар школ дьанында ойноп дьат*. ‘Ребята играют около школы’ [Дыренкова, 1940: 117]; каз. *Лиза төсек үстінде отыр*. ‘Лиза сидела на постели’ [Балакаев, 1959: 190]; кум. *Магъач Таргъу Тавну башында токътагъан*. ‘Махач остановился на вершине горы Тарки’ [Кардашев, 2009: 12]; уйг. *Нисахан жөза йенида олтарган еди*. ‘Нисахан сидела за столом’ [Наджиб, 1960: 120].

В подобных конструкциях существительные должны быть с пространственным значением. Семантика места в таких сочетаниях обозначается относительно расположения другого предмета (*өй артында* ‘за домом’; алт. *кӧзнӧгим алдында* ‘перед моим окном’), указывается на местонахождение в среднем отделе описанного пространства (*урам уртасында* ‘посреди улицы’; каз. *үйдің ортасында* ‘посреди юрты’) или пограничную близость с названным предметом (туркм. *өйүң якынында* ‘возле дома’) и т. д. Большое место в системе отношений пространственности занимают пространственные отношения, связанные с определением положения предметов относительно друг друга, когда один предмет является ориентиром для определения положения другого.

Выражение пространственного значения с помощью этой формы находим и в языке орхонских памятников: *Үчүнч чуш башында сүңүшдiм*. ‘Третий раз я сразился при вершине Чуш’ [Айдаров, 1971: 174].

- местоимениями, наречиями: *Ә биредә – үлем тынлыгы* (Ф. Бәйрәмова. Болын). ‘А здесь – смертельная тишина’. В других тюркских языках: алт. *Өрӧ бийикте эки кускун токуналу калактагылап турды*. ‘Наверху на высоте спокойно каркали две вороны’ [Байжанова, 2004: 44]; карач.-балк. *Ол анда да кӧрюнмейди*. ‘Его не видно и там’ [ГК.-Б.Я, 1976: 454].

Общее направление движения обозначается:

- наречиями места: *Саубуллашып, ары китте*. ‘Попрощавшись, пошел дальше’. В других тюркских языках: каз. *Жогары, төмен үйрек, қаз, ұшып тұрса сымпылдап*. ‘Хорошо, когда утки и гуси со свистом летят то вверх, то вниз’; *Біз ілгері кеттік*. ‘Мы пошли вперед’ [Балакаев, 1959: 153]; карач.-балк. *Ортабай ары бура, Харун бла Къарабаш бери бура тургъанлай, бир жаиш жетди*. ‘Когда

Ортабай поворачивал туда, а Харун с Карабашем – в другую сторону, появился какой-то парень’ [ГК.-Б.Я, 1976: 455];

- именами существительными в форме направительного падежа: *Поезддан төшүгә, борылып урманга керәбез* (Э. Шәрифиллина). ‘Как только сходим с поезда, мы входим в лес’. В других тюркских языках: кр. тат. *Юсуф Баттал акъайнынъ эвине кельди*. ‘Юсуф пришел в дом дяди Баттала’ [Оказ, 2002: 26]; *Сен детдомга тарта бер*. ‘Ты направляйся в детдом’; тур. *Köy delikanlıları, ellerinde yanar çiralarla sokaklara dökülmüşler*. ‘Сельские юноши с факелами в руках вышли на улицы’ [Кардашев, 2009: 11]; *Bahtsızın bağma yağmur ya taş yağar ya dolu*. ‘На сад невезучего дождь прольется или камнем, или градом’ (Пословица); туркм. *өе гирмек* ‘войти в дом’; уйг. *Урумчигә оқуйман дәп кәтти*. ‘Он уехал в Урумчи учиться’ [Наджиц, 1960: 121];

- существительными с послелогоми: *Көрәшчеләр мәйданның уртасына чыкты*. ‘Борьцы вышли на середину площади’. В других тюркских языках: алт. *Агаштынъ бажына үкү конды*. ‘На дерево (или: на вершину дерева) сел филин’; *Чуугуш таштынъ алдына уя (уйа) салды*. ‘Утка свила гнездо под камнем’; *Шонъкор келерде куу бойынынъ балдарын канадынынъ алдына дьууды*. ‘Когда прилетел сокол, лебедь собрала птенцов под крыло’ [Дыренкова, 1940: 116, 117, 118]; кум. *Атъялман терекни башына оьрлене*. ‘Белка карабкается к верхушке дерева’; *Атлар майданны ортасына етишиди*. ‘Кони домчались до середины площади’ [Кардашев, 2009: 18]; тур. *Çay (ırnak) kenarına kiuyu (çeşme) kazmak*. ‘Роет колодец на берегу моря’ (Пословица).

Исходная (начальная) точка движения, действия выражается:

- наречиями, местоимениями: *Моннан башыңны да алып чыга алмассың* (Мәкаль). (букв. ‘Отсюда голову не сможешь вынести’). ‘Здесь сам черт ногу сломает’ (Пословица). В других тюркских языках: карач.-балк. *Биз энишгеден келебиз*. ‘Мы идем снизу’; *Мындан кетгендиле*. ‘Они отсюда ушли’ [ГК.-Б.Я, 1976: 454];

- именем существительным в форме исходного падежа. Например: *Дәрһантан сөрелгән* (Әйтем). букв. ‘Выгнанный из храма’ (Поговорка). В других

тюркских языках: карач.-балк. *Зарият ол джылны джайында юйюмден чыкъгъан эди эрге*. ‘Зарият в тот год летом из моего дома вышла замуж’ [Алиев, 1972: 183]; тур. *Kismet ise gelir Hind'den Yemen'den, kismet değilse ne gelir elden*. ‘Если суждено – придет из Индии и Йемена, не суждено – что можно поделатъ’ (Пословица); туркм. *Мен мектепден гелйэрин*. ‘Я иду из школы’ [Поцелуевский, 1975: 218];

- существительными с послелогоми: *Күңеллэрне илэслэндереп, Казанка ягыннан бакалар кычкырганы ишетелэ* (Ф. Бэйрэмова. Болын). ‘Всколыхая души, со стороны Казанки доносится кваканье лягушек’. В других тюркских языках: азерб. *Зэки ајага дуруб, говлугун арасындан бир вэрэгэ чыхарыб Мартынова узатды*. ‘Зеки встал, вынул листок из папки и протянул Мартынову’ [ГАЯ, 1971: 301]; карач.-балк. *Терек артындан манга сабийлигим къарап турады*. ‘Из-за дерева смотрит на меня мое детство’ [ГК.-Б.Я, 1976: 454]; кум. *Бир гюн яшлар тавны башындан тюшюп гелдилер*. ‘Однажды дети спустились с горы’ [Кардашев, 2009: 18]; тур. *Tere üzerinden bütün kuşlar öbür tarafa uçtular*. ‘Над холмом пролетели все птицы на другую сторону’ [Кардашев, 2009: 19]; туркм. *Аэроплан шэхериң үстинден учуп гечди*. ‘Аэроплан пролетел над городом’; *Көприниң астындан сув аяр*. ‘Под мостом течет вода’ [Поцелуевский, 1975: 221].

Выражение значения перемещения: карач.-балк. *Биз жолну барабыз*. ‘Мы идем по дороге’; *Самолетла хауаны учадыла*. ‘Самолеты летают по воздуху’ [ГК.-Б.Я, 1976: 455]; *Биз орам бла кетиб баргъанлай, аллыбызгъа кёпюр бла ётюрб келген тенглерибиз тюбедиле*. ‘Когда мы шли по улице, нам навстречу вышли товарищи, которые перешли по мосту’ [Алиев, 1972: 184].

В казахском языке это значение выражается с помощью имен существительных с пространственной семантикой в форме творительного падежа: *Біз ағаш арасымен жүрдiк*. ‘Мы шли лесом’; *Рахмет Нева проспектісімен келе жатыр*. ‘Рахмет шел по Невскому проспекту’; *Машина асфальтті көшемен кетiп барады*. ‘Машина идет по асфальтированной улице’; *От арба жолмен келеді*. ‘Поезд идет по рельсам’ [Балакаев, 1959: 191].

Конечный пункт движения передается:

- существительным в направительном падеже. Например: *Клубка кызлар, егетлар керэ*. 'В клубе собираются парни и девушки'; *Горур да гарешкэ житмэс* (Мэкаль). (букв. 'И гордец не достигнет небес'). 'Высоко говорит, а рукою до неба не достанет' (Пословица). В других тюркских языках: карач.-балк. *Багдадха да, Стамбулгъа да бардым*. 'Я ездил и в Багдад, и в Стамбул' [ГК.-Б.Я, 1976: 454].

Форма направительного падежа указывает на конечный пункт в пространстве, куда направлено действие и в текстах орхонских памятников, которые относятся к древней тюркской письменности VIII века: *Болчукқа таң үнтүрү тегдіміз*. 'Рано утром достигли Болчу' [Айдаров, 1971: 152].

- послелогом *тикле, тиклем* 'до': *Казанга тикле сөйләшимчә бардылар*. 'До Казани ехали молча'. В других тюркских языках: башк. *Волганан алып Эльбага тиклем* 'от Волги до Эльбы' [ГСБЛЯ, 1981: 413].

В карачаево-балкарском языке конечный пункт действия может выражаться сочетанием наречного слова, а также имени существительного с послелогом *дери* (*деричи*) 'до': *Биз школгъа дери келдик*. 'Мы пришли до школы' [ГК.-Б.Я, 1976: 455].

Местонахождение и направление действия человека по отношению к объекту передается послеложными словами: *Каен төбенә жылып сөйләштек*. 'Поговорили, собравшись под березой'; *Өй эче аларның моңлы һәм серле тавышы белән тула* (Ө. Гадел. Еракта, томаннар артында...). 'Дом наполняется их мелодичными и таинственными голосами'.

Большая часть пространственной лексики принадлежит наречиям места: *Якында булып тоелса да, китапханәгә кадәр шактый ерак*. 'Хотя и кажется, что рядом, до библиотеки довольно далеко'; *Ерак бара (китә) алмассың* (Әйтем). 'Далеко не уедешь (уйдешь)' (Поговорка); *Еракта – чап, якында чап чак* (Мэкаль). (букв. 'Вдали – слава, вблизи – очень плох'). 'Издали и так, и сяк, а вблизи ни то, ни се' (Пословица); *Астан уя, өстән жуя, теле белән юа* (Мэкаль). 'Словами – что листьями стелет, а делами – что иглами колет' (Пословица).

В татарском языке некоторые наречия с пространственной семантикой представляют собой застывшие формы существительных в пространственных падежах.

В пространственных конструкциях в качестве предиката могут выступать:

- глаголы действия, движения: *Вакыт үткәрү өчен, урман юлларында йөрдем* (Г. Мөхәммәтшин. Юкә чәчәк атканда). ‘Я ходил по лесным дорогам, чтобы провести время’;

- глаголы пространственного положения: *Берәрсе чыкмасмы дип, алар берәз ишек алдында басып тордылар* (Р. Зәйдулла. Шаһгали). ‘Они немного постояли у двери в надежде, что кто-нибудь выйдет’.

На значение пространственности указывают предметизированные процессы. Например: *Туйга барсаң, туеп бар* (Мәкаль). ‘На свадьбу иди сытым’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Тойго барсаң, тоюп бар*. ‘На свадьбу иди сытым’ (Пословица); *Тойго барсаң, мурун бар, мурун барсаң, орун бар*. ‘Если на пир пойдешь пораньше, без места не останешься’ (Пословица).

В татарском языке сочетание причастия с существительным *жир* ‘место’ в значении послелога указывает на пространственные отношения. Лексема с обобщенным локальным значением *жир* может быть в форме направительного, исходного, местно-временного, т. е. пространственных падежей. Например: *Төшкән жирендә таш бул* (Әйтем). букв. ‘Куда пришла, там будь камнем’ (Поговорка) (пожелание невесте, т. е. вышла замуж, пришла в дом невестой, всю жизнь живи там); *Хатын-кыз булган жирдә иләк-чиләк булыр* (Мәкаль). ‘Где есть женщина, там есть кухонная утварь’ (Пословица). В других тюркских языках: кирг. *Ар ким кычыткан жерин кашыйт*. (букв. ‘Каждый чешет то место, которое у него чешется’). ‘Где сердце лежит, туда и око бежит’ (Пословица); *Таш түшкөн жеринде оор*. ‘Камень тяжел в месте своего падения’ (Пословица); *Ат оонаган жерде түк калат* (Пословица). букв. ‘Там, где валяется конь, остается шерсть’; тур. *Ateş düştüğü yeri yakar*. ‘Огонь жжет там, куда упал’ (Пословица); *Buğday olmayan yerde darıya nazar deęer*. ‘Там, где нет пшеницы, взгляд падает на просо’ (Пословица).

Слово *жир* употребляется и в самостоятельном значении. Например: *Синең ишеләр жирдә беркайчан да озак тоткарланмаган, киләчәктә дә тоткарланмас* (Р. Зәйдулла. Тимер Буга). ‘Такие как ты никогда не задерживались надолго на земле, и в будущем не задержатся’; *Яраклы түмәр жирдә ятмас* (Мәкаль). (букв. ‘Пригодное полено на земле не валяется’). ‘Добро на земле не валяется’ (Пословица). В других тюркских языках: каз. *Жеті кабат жердің астында*. (букв. ‘Под семью слоями земли’). ‘За семью печатями’ (Пословица); тур. *Delikli boncuk yerde kalmaz*. (букв. ‘Бусинка с дыркой на земле не останется’). ‘Добро на земле не валяется’ (Пословица).

Для репрезентации пространственной семантики часто используется слово *урин* ‘место’. Например: *Ул инде үз урынында утыра* (Ә. Баянов. Урланган ай). ‘Он уже сидит на своем месте’; *Иңнәрен киереп, баскан урынында сикергәләп карады...* (А. Хәлим. Өч аяклы ат). ‘Выпрямив плечи, он попробовал попрыгать на месте’. В других тюркских языках: башк. *Яңылыштар йыш булыусан була етәкселек йомшақ урында*. ‘Ошибки бывают там, где руководство слабо’ [ГСБЛЯ, 1981: 460].

Пространственные отношения устанавливаются между главным предложением и придаточным места, связанными соотносительно-относительными словами: *Берлек кайда булса, көч шунда була* (Мәкаль). ‘Где единство, там сила’ (Пословица). В других тюркских языках: кр. тат. *Къайда токътагъан олса, о ерде къадалып къалдым*. ‘Если он где-то останавливался, то я (там) возмущался’ [Оказ, 2002: 24]; тур. *Nerde hareket olsa, orada bereket olur*. ‘Где движение, там благополучие’ (Пословица).

Если сказуемое придаточного предложения места выражено деепричастием, наблюдается синкретизм пространственных и временных отношений. Например: *Алар Бөгелмәгә кайтып житкәнче, Магинур абыстай тәрәзә яныннан китмәде* (Ф. Бәйрәмова. Кырык сырт). ‘До тех пор, пока они не вернулись в Бугульму, Магинур абыстай не отходила от окна’.

Слово *житәрәк* выражает пространственно-временную семантику. Например: *Хан капкасына житәрәк чакрымга сузылган төркем кинәт туктап*

калды (Р. Зәйдулла. Шаһгали). ‘До того, как они дошли до ханских ворот, километровая толпа вдруг внезапно остановилась’. В следующем примере это слово передает только временное значение: *Төш вакытлары **жәитәрәк** көн кисәк үзгәрәп китте* (М. Галәү. Болганчык еллар). ‘Ближе к обеду погода резко изменилась’.

Пространственные отношения складываются и между основной и присоединенной частями. Например: *Мин тиздән китәм. **Әби-бабалар янына. Әүлиялар, пәйгамбәрләр янына*** (Ф. Бәйрәмова. Караболак). ‘Я скоро уйду. К бабушкам-дедушкам. К святым, пророкам’.

Иногда предложения с пространственной семантикой стоят в начале текста и задают пространственный фон для последующего изложения. Особенно это распространено в сказках, для которых свойственно начинать повествование с определения места совершения действий. Например: *Күптән, бик күптән булган вакыйга, әмма бүгенгедәй күз алдымда: без, өч шәкерт, бер атка утырып, өяз мәдрәсәсеннән авылыбызга кайтырга чыктык. Дөрәсрәге, Гыйлемдар белән без икәү бер авылга – Чуаркүлгә кайтабыз, ә Бәдретдинне юл өстендәге Ишле авылында калдырып китәргә тиешбез* (Ә. Еники. Матурлык). ‘Это событие произошло давно, очень давно, но до сих пор стоит у меня перед глазами: мы, три шакирда, на одной лошади отправились из уездного медресе в нашу деревню. Точнее, мы с Гилемдаром вдвоем возвращались в одну деревню – в Чуаркуль, а Бадретдина должны были оставить по пути в деревне Ишле’; *Бик борынгы заманда Кубан буенда бер хан яшәгән* (Шахаржан – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). ‘В очень давние времена на берегу Кубани жил один хан’; *Борын-борын заманда Идел елгасы буенда бер төркем нугайлар яшәгән* (Нугай һәм Шайтан – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). ‘В очень давние времена на берегу Волги жила группа ногайцев’; *Яшел тугай уртасында Тугас дигән күл булган* (Камчы – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). ‘Посередине зеленого луга было озеро, которое называлось Тугас’; *Борын-борын заманда Жәек белән Идел арасында бөек нугай Ханы яшәгән* (Акыллы кыз – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). ‘В очень

давние времена между Уралом и Волгой жил великий ногайский Хан'; *Борын-борын заманда Олы Нугайда Хан яшэгэн* (Жирэнчэ чичэн турында – ногайская народная сказка в переводе на татарский язык). 'В очень давние времена в Большом Нугае жил Хан'.

Сравнительное исследование обстоятельственных отношений ситуативного плана позволило выявить семантические и структурные особенности временных и пространственных отношений.

Выводы по главе 4

В ходе проведенного исследования показано, что темпоральность указывает на одновременность/последовательность действий, может осложняться отношениями, передающимися соотношением событий во времени: целевыми, каузальными, условными, уступительными.

Временная обусловленность процессов, осложненная условной или причинно-следственной, позволяет отнести такие конструкции к структурам, в которых темпоральная семантика первого компонента порождает следственное значение во втором.

Темпоральная семантика в татарском языке часто передается с помощью послелогов и послеложных слов. Интересно отметить следующее:

- Значение послелога *кадар* 'до', который указывает на предел действия во времени в татарском и во многих других тюркских языках (например, кр. тат. *къадар*, тур. *kadar*, узб. *қадар*, уйг. *қадар*), в туркменском языке выражается послелогом *ченли*: *индики душушыга ченли* 'до следующей встречи'.

- В отличие от татарского языка, в турецком языке послелог *kadar* используется и в значении 'пока': *Akıllı köprü arayınca kadar deli suyu geçer*. 'Пока умный ищет мост, дурак реку переплывает' (Пословица).

- Семантику послелогов *соң*, *артыннан* 'после', 'за', которые указывают на следование событий друг за другом, в уйгурском, казахском, киргизском, узбекском языках может передавать послелог *кейин* (*кейін*)/*кийин*/*кейин*. В якутском языке значение 'после' передается послелогом *кэммэ*.

- В туркменском языке зависимое предложение с *соң* 'после' может передавать не темпоральную, а каузальную семантику. Сказуемое придаточного предложения при этом может выступать в усеченном виде. Например: *Огландан жогоан эшидилмэнсоң Хезрет сөвдалашмага башлады*. 'Так как от мальчика не слышно ответа, Хезрет начал торговаться' [СГРиТЯ, 1977: 162].

Было доказано, что в татарском языке пространственность относится к лексико-синтаксической категории, так как носителями пространственной семантики не всегда являются слова как лексемы, а синтаксические формы слов образуют систему пространственных отношений.

Сфера поля пространственности имеет непосредственную связь с местонахождением лица, следовательно, ей присуще антропоцентрическое содержание. Например, в древнетюркском памятнике в честь Кюль-тегина слово 'вперед' употреблялось в значении 'восток', слова 'зад', 'назад', 'спина' – 'запад', 'направо' – 'юг', 'налево' – 'север' [Малов, 1951].

В татарском языке место совершения процесса, местонахождение предмета обозначаются существительным в местно-временном падеже, сочетанием имени существительного с послеложными словами в формах пространственных падежей, местоимениями, наречиями. Общее направление движения обозначается наречиями места, именами существительными в форме направительного падежа, существительными с послелогами. Исходная точка движения выражается наречиями, местоимениями, именем существительным в форме исходного падежа существительными с послелогами. Конечный пункт движения передается существительным в направительном падеже.

Пространственные отношения имеют большое значение в построении высказывания. Конкретизация места совершения событий выступает в качестве семантического средства, которое помогает говорящему осуществлять смену темы, обозначать переход от одной ситуации к другой. Тем самым пространственность создает событийность текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе проведенного исследования было выполнено детализированное описание семантико-синтаксических отношений в татарском языке.

Адекватное выражение информации является основной коммуникативной задачей языка. Нынешнее языкознание активно обращается к изучению языковых единиц с позиции отражения в них реальной действительности, наблюдается усиление тенденции к семантизации исследований по синтаксису, в связи с чем систематичное и многоаспектное описание семантико-синтаксических отношений приобретает все большую актуальность.

Исследование семантико-синтаксических отношений в татарском языке порождает научный интерес в плане установления языкового выражения тех или иных связей и категорий с одинаковым семантическим понятием. Изучение формально-содержательной организации синтаксических единиц целесообразно проводить с учетом взаимообусловленности структуры и семантики смысловой конструкции.

Как показал обзор имеющихся лингвистических трудов по исследуемой теме, попытки выявления различных смысловых отношений начинается в первых татарских грамматиках XIX века при описании второстепенных членов предложения и видов придаточных предложений. Следует отметить, что в большинстве из них отсутствует четкое разграничение обстоятельственных и объектных, причинно-следственных и целевых, условных и уступительных отношений.

В ходе проведенного исследования были выявлены и проанализированы структурные и семантические особенности основных типов конструкций, выражающих атрибутивные, объектные, пояснительные и обстоятельственные (причинно-следственные, целевые, условные, уступительные, пространственные, временные) отношения, в татарском языке и представлены функциональные эквиваленты подобных смысловых строений в других тюркских языках.

Обстоятельственные отношения по семантике были разделены на обстоятельственные отношения мотивировочного характера и ситуативного плана, выявлены основные закономерности их формальной и содержательной организации.

Одними из способов выражения определяющего слова в атрибутивных конструкциях являются относительное прилагательное, образованное с помощью аффикса *-сыз*, причастие на *-ган*. В ходе проведенного исследования было установлено, что аффикс *-сыз* в различных фонетических модификациях используется во многих тюркских языках, кроме алтайского, тувинского, хакасского, шорского и якутского. Причастие на *-ган* изначально употреблялось во всех тюркских языках, однако в языках огузской группы было вытеснено причастием на *-мыш*.

Анализ собранного фактического материала показал, что в определенном контексте предложения с атрибутивной семантикой способны приобретать дополнительные оттенки временных, пространственных значений, образуя при этом двухслойную атрибутивно-временную, атрибутивно-пространственную семантику. Объектные отношения в татарском языке формально схожи с обстоятельными.

Пояснение является семантико-синтаксической категорией, которая представляет реализацию пояснительной семантики путем расширения или сужения объема информации в одноуровневых синтаксических единицах. При этом в поясняющем компоненте содержится отличающаяся от исходной по объему дополнительная информация. Поясняющий компонент грамматически факультативен.

Важную роль в пояснительных конструкциях играет позиция говорящего. Пояснительные отношения являются коммуникативно-обусловленными, возникают по замыслу говорящего. В предложении с определенной коммуникативно-прагматической целью вводится более детальная, более конкретная информация по сравнению с фактами, представленными поясняемым компонентом.

Следует отметить, что компонентам пояснительной конструкции характерен грамматический параллелизм. Пояснение дублирует синтаксическую роль поясняемого. Грамматическими средствами выражения пояснительных отношений в татарском языке являются пояснительные союзные слова, определенная интонация, порядок слов. Позиция компонентов пояснительной конструкции имеет грамматический смысл.

Логическую основу пояснительных отношений составляет мысль о тождестве. Однако не во всех конструкциях наблюдается полное тождество содержания поясняемого и поясняющего компонентов. Содержание поясняющего компонента может быть как уже, так и шире содержания поясняемого. Поясняющий компонент раскрывает смысл поясняемого компонента. Это исходит, как правило, от коммуникативной потребности говорящего.

Конструкции со значением обусловленности характеризуются ярко выраженной модальностью, составляющей коммуникативную основу предложения. В татарском языке в основном все сложноподчиненные предложения с семантикой обусловленности имеют общий структурный признак: главная часть в них, как правило, находится в постпозиции по отношению к придаточной. Поскольку отношения обусловленности являются двухсемными, не находят прямого, полного отражения в системе простого предложения.

Основное отличие причинно-следственных и целевых отношений, которые в большинстве случаев не дифференцируются по внешней форме, заключается в активности/пассивности субъекта действия. Целевая семантика характеризуется проявлением собственной активности, целенаправленным, сознательным действием субъекта.

Анализ показал, что ранняя форма условного наклонения *-сар/-сәр* употребляется еще в древнетюркских письменных памятниках. В современных тюркских языках условное наклонение имеет три модели: *-са* (в татарском и во многих других тюркских языках), *-сар* (*-тар* соответствует *-сар* в якутском языке), *-сан* (в чувашском языке).

В условно-временных отношениях, в отличие от условных, выражается не предполагаемая связь явлений, а в большинстве случаев указывается реально существующая или существовавшая связь. В сочетаниях, выражающих кондициональность, условие и следствие выступают как возможные/невозможные. Главное отличие условно-временных отношений от временных заключается в том, что они передают события не внешнего, случайного характера, а указывают на внутреннюю зависимость одного события от другого. Так как в условно-временных отношениях указывается на определенное умозаключение, они сложнее темпоральных связей.

В уступительных отношениях содержится противоречие события-уступки и фактического следствия, которое совершается вопреки недействительному основанию и является противоположным ожидаемому следствию. Уступительные конструкции включают в себя утверждение о несовместимости, взаимоисключаемости двух ситуаций и в то же время констатируют их сосуществование.

Для выражения временных отношений в татарском языке активно используются послелого и послеложные слова.

Лексико-синтаксическая категория пространства в татарском языке пересекается с другими семантико-синтаксическими отношениями, образует пространственно-временную, пространственно-целевую и др. семантику.

Таким образом, в татарском языке одни смысловые отношения часто осложняются другими. В ходе проведенного исследования было выявлено, что синкретизм каузальной и темпоральной семантики является самым активно используемым типом совмещения в сравнении с другими видами обстоятельственных отношений. Категория каузальности и другие отношения обусловленности генетически взаимосвязаны. Темпоральность создает фон для осуществления каузальных отношений, которые непосредственно зависят от последовательности действий.

Данная диссертационная работа восполняет существовавший в тюркологии пробел в изучении семантико-синтаксических отношений татарского языка,

поскольку отдельные смысловые отношения были исследованы либо со стороны семантики, либо со стороны репрезентации и не были изучены комплексно. Несомненный научный интерес представляет выявление различных средств выражения одного и того же понятийного содержания. Особое внимание в диссертации было уделено исследованию совмещения в одной языковой единице нескольких значений, т. е. синкретизма семантико-синтаксических отношений. В ходе исследования было выявлено, что многие семантико-синтаксические отношения в татарском языке различаются по значению, а не по грамматической форме, тем более довольно часто отсутствуют маркеры, позволяющие отнести конструкции к определенным отношениям.

Особое внимание в работе было акцентировано на формально-семантическом аспекте исследования в сочетании с функциональным подходом, что позволило выявить как внешнюю, структурную организацию, так и внутреннюю, более глубинную семантическую составляющую синтаксических категорий.

Результаты данной диссертационной работы могут быть положены в основу нового этапа в исследовании синтаксического яруса татарского и других тюркских языков – сравнительного семантического синтаксиса.

В татарском языке часто наблюдается синкретизм различных семантико-синтаксических отношений, связанный с логической зависимостью, которая существует между ними. Проведенное исследование в очередной раз доказывает, что отношения категорий мысли и категорий языка не симметричны.

Перспектива дальнейшей разработки исследования смысловых отношений между синтаксическими единицами постулируется возможностью создания сравнительной семантической грамматики тюркских языков, также сравнительно-сопоставительного изучения, например, русского и татарского языков именно в плане специфики репрезентации семантико-синтаксических отношений в разноструктурных языках.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БСП – бессоюзное сложносочиненное предложение.

ГАЯ – Грамматика азербайджанского языка / под общ. ред. М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортяна. – Баку : Изд-во «ЭЛМ», 1971. – 413 с.

ГК.-Б.Я – Грамматика карачаево-балкарского языка / под общ. ред. проф. Н. А. Баскакова. – Нальчик : Эльбрус, 1976. – 571 с.

ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1981. – 495 с.

ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.

ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. – М. : Наука, 1982. – 496 с.

Исследования по ГСБЯ – Исследования по грамматике современного башкирского языка / под ред. А. А. Юлдашева, З. Г. Ураксина. – Уфа, 1979. – 133 с.

Исследования по СГТЯ – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под общ. ред. Н. К. Дмитриева и др. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 232 с.

Материалы по ГСЧЯ – Материалы по грамматике современного чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское государственное изд-во, 1957. – 361 с.

ОЛО – отношения логической обусловленности.

ПП – простое предложение.

ПСО – причинно-следственное отношение.

СГРиТЯ – Сравнительная грамматика русского и туркменского языков / М. Я. Хамзаев и др. – Ашхабад : Ылым, 1977. – 200 с.

СП – сложное предложение.

СПП – сложноподчиненное предложение.

ССП – сложносочиненное предложение.

ФСП – функционально-семантическое поле.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

- азерб. – азербайджанский.
алт. – алтайский (ойротский).
башк. – башкирский.
гаг. – гагаузский.
каз. – казахский.
караим. – караимский.
к.-калп. – каракалпакский.
карач.-балк. – карачаево-балкарский.
кирг. – киргизский.
кр. тат. – крымскотатарский.
кум. – кумыкский.
ног. – ногайский.
тат. – татарский.
тув. – тувинский.
тур. – турецкий.
туркм. – туркменский.
узб. – узбекский.
уйг. – уйгурский.
хак. – хакасский.
чув. – чувашский.
шор. – шорский.
якут. – якутский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев, А. З. О трансформации компонентов сложноподчиненного предложения / А. З. Абдуллаев // Советская тюркология. – 1972. – № 6. – С. 20–29.

Абдуллаев, С. Н. Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.06 / Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович. – Алма-Ата, 1992. – 40 с.

Абдуллаева, Н. Синтаксические параллели / Н. Абдуллаева // Советская тюркология. – 1978. – № 1. – С. 29–37.

Абдуманопова, З. З. Сопоставительный синтаксис простого именного предложения уйгурского (тюркского) и русского языков : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Абдуманопова Зухра Зайнишевна. – Бишкек, 2011. – 19 с.

Абдурахманов, Г. А. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка / Г. А. Абдурахманов. – Ташкент : Изд-во АН Узбекской ССР, 1960. – 126 с.

Абдурахмонов, Ф. Қўшма гап синтаксиси асослари (Основы синтаксиса сложного предложения) / Ф. Абдурахмонов. – Тошкент : Узбекистон ССР Фанлар академияси нашриёти, 1958. – 325 б.

Абдурахмонов, Ф. А. Ўзбек тили синтаксисидаги мураккаб гаплар масаласига доир / Ф. А. Абдурахмонов // Ўзбек тили ва адабиети масалалари. – 1962. – № 3. – С. 11.

Абумова, О. Д. Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Абумова Ольга Дмитриевна. – Новосибирск, 2002. – 24 с.

Агаева, И. Г. Простое осложненное предложение в современном кумыкском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Агаева Изумруд Гусеновна. – Махачкала, 2010. – 24 с.

Агапова, Е. С. Языковая репрезентация темпоральности в «молодежной прозе» В. Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора») : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Агапова Екатерина Сергеевна. – Казань, 2013. – 24 с.

Агрова, О. В. Грамматическая категория времени : субстанциональные характеристики и лексико-семантические интерпретации : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.19 / Агрова Ольга Викторовна. – Краснодар, 2005. – 43 с.

Азизова, А. Г. Условный период в современном узбекском литературном языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Азизова Амина Ганиевна. – Л., 1952. – 13 с.

Азисова, М. С. Таксис в современном татарском литературном языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Азисова Миляуша Сахретдиновна. – Тобольск, 2004. – 19 с.

Айдаров, Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века / Г. Айдаров. – Алма-Ата : Наука, 1971. – 380 с.

Акимова, Э. Н. Категория обусловленности : статус, состав, уровни реализации / Э. Н. Акимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 250–254.

Акимова, Э. Н. Категория обусловленности и ее реализация в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Акимова Эльвира Николаевна. – Нижний Новгород, 2007. – 50 с.

Акматалиев, А. А. Кыргыз тилинин жазма грамматикасы. Азыркы кыргыз адабий тили / А. А. Акматалиев, С. О. Байгазиев, А. Ж. Жайнакова. – Бишкек : Аврасия Пресс, 2015. – 704 б.

Алексанова, С. А. Сикретизм как системное явление в сфере обстоятельственной детерминации предложения : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.19 / Алексанова Светлана Арамовна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 39 с.

Алиев, У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка / У. Б. Алиев. – М. : Наука, 1972. – 351 с.

Алпаров, Г. Х. Сайланма хезмэтләр / Г. Х. Алпаров. – Казан : Татгосиздат, 1945. – 329 б.

Алпаров, Г. Х. Сайланма хезмэтләр / Г. Х. Алпаров. – Казан : Мәгариф, 2008. – 287 б.

Алпаров, Г. Х. Шәкли нигездә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә) / Г. Х. Алпаров. – Казан : Татарстан дәүләт нәшрияты, 1926. – 164 б.

Аматов, А. М. Концепт каузальности в языковой структуре / А. М. Аматов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. : В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 53–55.

Андромонова, Н. А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке / Н. А. Андромонова. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1977. – 176 с.

Андреев, И. А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. 2 п. / И. А. Андреев. – Шупашкар, 1975. – 189 с.

Апресян, В. Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 1999. – № 5. – С. 24–44.

Апресян, В. Ю. Уступительность : механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке / В. Ю. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.

Арнаутова, А. Р. Крымскотатарские сложноподчиненные предложения с признаками противительности и уступки / А. Р. Арнаутова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 25 (64). – № 2, ч. 2. – 2012. – С. 97–101.

Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.

Ахматов, И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке / И. Х. Ахматов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 359 с.

Ахмерова, Л. Р. Функциональные особенности слов с общим значением времени в современном русском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Ахмерова Лилия Ренадовна. – Казань, 2004. – 22 с.

Ашмарин, Н. Г. Материалы по исследованию чувашского языка / Н. Г. Ашмарин. – Казань, 1898. – 392 с.

Ашрапова, А. Х. Функционально-семантическое поле кондициональности в разноструктурных языках : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Ашрапова Алсу Халиловна. – Казань, 2006. – 23 с.

Әхмәр, К. Башкорт телендә ябай һөйләм синтаксисе (Синтаксис простого предложения в башкирском языке) / К. Әхмәр. – Өфө : Башкортостан китап издательствоһы, 1957. – 263 б.

Әхмәр, К. Грамматика. II китеп. Синтаксис / К. Әхмәр. – Өфө, 1933.

Бабаева, Г. И. Простые и сложные субстантивные словосочетания в азербайджанском и русском языках : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Бабаева Гюльнара Имамединовна. – Махачкала, 2016. – 25 с.

Бабалова, Л. Л. Семантические разновидности причинных и условных предложений в современном русском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Бабалова Люцета Леоновна. – Москва, 1974. – 23 с.

Байжанова, Н. Р. Модели элементарных простых предложений в алтайском языке : Структурная схема $N_1 - V_f$ / Н. Р. Байжанова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 176 с.

Байрамова, Л. К. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков : учебное пособие / Л. К. Байрамова, Ф. С. Сафиуллина. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1989. – 200 с.

Балакаев, М. Б. О комбинированном управлении прямого дополнения в казахском языке / М. Б. Балакаев / Тюркологический сборник. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – С. 43–47.

Балакаев, М. Б. Современный казахский язык / М. Б. Балакаев; отв. ред. Н. А. Баскаков и С. К. Кенесбаев. – Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1959. – 235 с.

Банкова, И. Д. Субстантивные определительные словосочетания в современном гагаузском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Банкова Иванна Дмитриевна. – М., 2002. – 28 с.

Бардина, Л. В. Бессоюзная причинная связь в двухкомпонентных и многокомпонентных предложениях : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Бардина Лидия Васильевна. – М., 1970. – 23 с.

Баскаков, А. Н. Предложение в современном турецком языке / А. Н. Баскаков; отв. ред. Л. А. Покровская. – М. : Наука, 1984. – 200 с.

Баскаков, А. Н. Теоретическая грамматика турецкого языка. Курс лекций / А. Н. Баскаков. – М., 1983. – 288 с.

Баскаков, А. Н. Типы бессоюзных сложносочиненных предложений в турецком языке / А. Н. Баскаков // Вопросы языкознания. – 1964. – № 1. – С. 101–108.

Баскаков, Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков / Н. А. Баскаков. – М. : Наука, 1975. – 287 с.

Баскаков, Н. А. Ногайский язык и его диалекты / Н. А. Баскаков. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 271 с.

Баскаков, Н. А. Типы атрибутивных словосочетаний в каракалпакском языке / Н. А. Баскаков // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 79–91.

Басырова, Г. А. Вопросы синтаксиса простого осложненного предложения в башкирском языке / Г. А. Басырова. – Стерлитамак : Стерлитамакская гос. пед. акад. им. Зайнаб Биишевой, 2011. – 119 с.

Бачиева, Р. И. Бессоюзные сложные предложения в кумыкском языке в сопоставлении с русским : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Бачиева Рупия Изитдиновна. – Махачкала, 2007. – 26 с.

Бекмагамбетов, Ш. Структурно-семантическая характеристика основных типов пояснительных конструкций в казахском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.06 / Бекмагамбетов Шанжархан. – Алматы, 1993. – 25 с.

Билялова, А. А. Системно-функциональное описание факультативности как языкового феномена : на материале татарского, русского и английского языков :

автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Билялова Альбина Анваровна. – Казань, 2011. – 47 с.

Бирабасова, М. А. Сложноподчиненное предложение в современном ногайском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Бирабасова Мурзият Аскербиевна. – Махачкала, 2003. – 21 с.

Богородицкий, В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В. А. Богородицкий. – Казань, 1934. – 34 с.

Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики : изд. 5-е / В. А. Богородицкий. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1935. – 356 с.

Богуславская, О. Ю. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке / О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 68–88.

Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.

Боргоякова, Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка) / Т. Н. Боргоякова. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – 174 с.

Будагова, З. И. Азербайджанский язык (краткий очерк) / З. И. Будагова; ред. М. Ш. Ширалиев. – Баку : Изд-во «Элм», 1982. – 139 с.

Булыгина, Т. В. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 51–61.

Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков / Дж. Буранов. – М. : Высш. шк., 1983. – 267 с.

Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : Учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.

Валиева, Л. Г. Каузально-темпоральные отношения в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Milli medeniyet. – № 25. – Afyonkarahisar–Kazan. – 2014. – S. 50–52.

Валиева, Л. Г. Каузальность в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева. – Казань : ИЯЛИ, 2015. – 174 с.

Валиева, Л. Г. О классификации обстоятельственной семантики между синтаксическими единицами / Л. Г. Валиева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2015. – № 59. – С. 64–66.

Валиева, Л. Г. Обстоятельственная семантика в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Российская тюркология. – 2015. – № 1 (12). – С. 3–8.

Варшавская, А. И. Смысловые отношения в структуре языка / А. И. Варшавская. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 135 с.

Василевич, Г. М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках / Г. М. Василевич; отв. ред. О. П. Суник. – Л. : Наука, 1971. – С. 223–229.

Вәлиди, Ж. Татар теленең грамматикасы / Ж. Вәлиди. – Казан : «Миллият» нәшр., 1919. – 175 б.

Вәлиди, Ж. Татар теленең имла һәм сарыф вә нәхү кагыйдәләре / Ж. Вәлиди. – Казан : Маарифъ, 1915. – 52 б.

Вәлидов, Ж. Ж. Сайланма хезмәтләр / Ж. Ж. Вәлидов. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.

Ветчинова, Т. С. Изменения в системе сложного предложения функционально-семантического поля причины в языке русской лирики XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ветчинова Татьяна Станиславовна. – Орел, 2009. – 23 с.

Винокуров, И. П. Саха тыла. Синтаксис / И. П. Винокуров, Г. Г. Филиппов. – Дьокуускай : Бичик, 1995. – 72 с.

Вопросы тюркологии / под общ. ред. проф. В. В. Решетова. – Ташкент : Наука, 1965. – 135 с.

Востоков, А. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики / А. Востоков. – С.–Петербург : Типография Императорской Российской Академии, 1831. – 408 с.

Всеволодова, М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во Московского университета, 1975. – 283 с.

Всеволодова, М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – М. : Русс. яз., 1982. – 264 с.

Гаджихмедов, Н. Э. Условное наклонение глагола в кумыкском языке / Н. Э. Гаджихмедов // Советская тюркология. – 1984. – № 2. – С. 57–62.

Гаджиева, Н. З. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке / Н. З. Гаджиева. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 220 с.

Гаджиева, Н. З. Реликты древнетюркского синтаксиса в современных тюркских языках (на материале чулымско-тюркского языка) / Н. З. Гаджиева, Р. М. Бирюкович // Советская тюркология. – 1983. – № 2. – С. 3–15.

Гайдаржи, Г. А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения / Г. А. Гайдаржи. – Кишинев : Штиинца, 1981. – 133 с.

Гак, В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В. Г. Гак. – М. : Ленанд, 2014. – 261 с.

Галкина, Н. П. Сложноподчиненные предложения со значением обусловленности в научном стиле современного русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Галкина Наталия Павловна. – Орел, 2014. – 27 с.

Галләмов, Ф. Г. Аныклагычларның белдерелүе, бәйләүче чаралары һәм мәгънә күләме / Ф. Г. Галләмов // Тюркологический сборник. Вып. 2. Языки и литература тюркских народов : история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. – Елабуга, 2004. – С. 14–20.

Галләмов, Ф. Г. Сайланма хезмәтләр. I кисәк / Ф. Г. Галләмов. – Алабуга : АДПУ нәшрияты, 2007. – 104 б.

Галлямов, Ф. Г. Лексико-грамматические особенности повторов в современном татарском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Галлямов Филус Гатипович. – Казань, 1983. – 21 с.

Галлямов, Ф. Г. Структурно-семантическое осложнение простого предложения в татарском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Галлямов Филус Гатипович. – Уфа, 2007. – 62 с.

Ганиев, Ф. А. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке / Ф. А. Ганиев. – В кн. : Вопросы тюркологии. – Казань, 1970. – С. 74–84.

Ганиев, Ф. А. Функциональная грамматика татарского языка / Ф. А. Ганиев. – Казань : Пропаганда, 2015. – 272 с.

Ганиев, Ф. Ә. Хәзерге татар әдәби теле / Ф. Ә. Ганиев. – Казан : Мәгариф, 2000. – 271 б.

Гасымов, И. З. Синтаксические средства выражения категории условия в современном азербайджанском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.06 / Гасымов Икрам Зияд оглы. – Баку, 1984. – 26 с.

Гиганов, И. Грамматика татарского языка / И. Гиганов. – СПб. : Академия наук, 1801. – 187 с.

Гильфанова, Д. Р. Темпоральность художественного текста на материале английского и татарского языков : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Гильфанова Динара Равильевна. – Тюмень, 2005. – 21 с.

Грамматика азербайджанского языка / под общ. ред. М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортыана. – Баку : Изд-во «ЭЛМ», 1971. – 413 с.

Грамматика карачаево-балкарского языка / под общ. ред. проф. Н. А. Баскакова. – Нальчик : Эльбрус, 1976. – 571 с.

Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1981. – 495 с.

Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. – Новосибирск : Наука, 1995. – 336 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. – М. : Наука, 1982. – 496 с.

Грамматика хакасского языка / под ред. проф. Н. А. Баскакова. – М. : Наука, 1975. – 418 с.

Грамматические исследования : Функционально-стилистический аспект. – М. : Наука, 1991. – 247 с.

Гращенко, П. В. Тюркские конвербы и сериализация : синтаксис, семантика, грамматикализация / П. В. Гращенко. – Москва : ЯСК, 2015. – 264 с.

Греч, Н. И. Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. – СПб., 1827. – 588 с.

Губанов, А. Р. Категория обусловленности в смысловой конвергенции текста / А. Р. Губанов, О. В. Свеклова // Ашмаринские чтения : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 201–207.

Губанов, А. Р. Категория уступительности в русском и чувашском языках / А. Р. Губанов, Н. И. Рец // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 125–128.

Губанов, А. Р. Каузальность в ментальной организации национальной картины мира (на материале русского и чувашского языков) / А. Р. Губанов, Н. И. Рец. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 136 с.

Губанов, А. Р. Отношения обусловленности в разноструктурных языках : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.06 / Губанов Алексей Рафаилович. – Чебоксары, 1999. – 43 с.

Гузев, В. Г. Функциональный синтаксис современного турецкого языка / В. Г. Гузев, А. С. Аврутина. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. – 70 с.

Гулиев, А. Г. Структурно-этимологический анализ первообразных темпоральных наречий в тюркских языках (на материале огузской группы

тюркских языков) / А. Г. Гулиев // Советская тюркология. – 1981. – № 2. – С. 66–74.

Гулямов, А. Определение в узбекском языке / А. Гулямов. – Ташкент : Изд-во УзФАН, 1941. – 92 с.

Гумбольд, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольд; пер. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 2000. – 397 с.

Гусейнова, М. Б. Изафетные словосочетания в кумыкском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Гусейнова Махружат Байсолтановна. – Махачкала, 2006. – 23 с.

Ғәлиев, С. Грамматика. II қисқ. Синтаксис / С. Ғәлиев. – Өфө, 1938.

Ғуломов, А. Ғ. Ҳозирги ўзбек адаби тили, синтаксис / А. Ғ. Ғуломов, М. А. Асқарова. – Тошкент, 1965. – 193 с.

Ғуломова, А. Г. Ўзбек тили синтаксисининг баъзи масалалари / А. Г. Ғуломова // Ўзбек тили ва адабиети. – 1968. – № 2. – С. 9.

Давлетов, М. Структурные типы простого осложненного предложения в современном каракалпакском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Давлетов Маденбай. – Нукус, 1989. – 42 с.

Данилова, Н. И. Смысловая структура аналитической связи в якутском языке / Н. И. Данилова. – Новосибирск : Наука, 2001. – 143 с.

Демесинова, Г. Х. Английские предлоги пространственного значения и их соответствия в казахском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Г. Х. Демесинова. – Алматы, 2003. – 30 с.

Демесинова, Г. Х. Синтаксическая стилистика современного казахского языка (стилистика дифференциация синтаксических конструкций) / Г. Х. Демесинова. – Алма-Ата : Наука, 1988. – 96 с.

Джевдет-заде, Х. Грамматика современного турецкого языка / Х. Джевдет-заде, А. Н. Кононов. – Л. : Изд-е Ленинградского восточного ин-та, 1934. – 268 с.

Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 275 с.

Дмитриев, Н. К. Грамматика кумыкского языка / Н. К. Дмитриев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 205 с.

Дмитриева, Т. П. Когнитивная интерпретация системы простых предложений / Т. П. Дмитриева // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. : В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 214–216.

Додуева, А. Т. Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Додуева Аминат Таубиевна. – Нальчик, 2008. – 41 с.

Додуева, А. Т. Семантическое поле пространственности в карачаево-балкарском языке / А. Т. Додуева // Известия Кабардино-балкарского государственного университета. – Том II. – 2012. – № 3. – С. 99–100.

Додуева, А. Т. Функционально-семантическое поле локативности и предикаты пространственной локализации в карачаево-балкарском языке / А. Т. Додуева. – Нальчик : КБГСХА, 2009. – 31 с.

Дробышева, Н. Н. Категория обусловленности в русском и чувашском языках : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Дробышева Наталия Николаевна. – Чебоксары, 2008. – 25 с.

Дружинина, С. И. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений / С. И. Дружинина. – Орел : Изд-во Орел ГАУ, 2008. – 435 с.

Дубровина, М. Э. Об этапах формирования определительных субстантивных конструкций (изафетов) в языке древнетюркских рунических надписей (в сравнении с современным турецким языком) / М. Э. Дубровина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Вып. 1. Сер. 13. – С. 12–21.

Дубровская, О. В. Обстоятельство времени в лингвистической литературе / О. В. Дубровская // Лингвистика в современном мире : материалы I Международной научно-практической конференции. – М. : Изд-во Спутник, 2010. – С. 93–99.

Дубровская, О. В. Структурные типы обстоятельств времени в шорском языке / О. В. Дубровская // Молодой ученый. – 2011. – № 2. (25). – С. 197–201.

Дубровская, О. В. Темпоральные актанты в шорском языке / О. В. Дубровская // Сулеймановские чтения : Труды и материалы. – Тюмень : Печатник, 2014. – С. 147–151.

Дубровская, О. В. Темпоральные конструкции в шорском языке (в сопоставлении с южносибирскими тюркскими языками) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Дубровская Ольга Вячеславовна. – Новокузнецк, 2012. – 24 с.

Дубровская, О. В. Семантические типы темпоральных полипредикативных конструкций в шорском языке / О. В. Дубровская, И. А. Невская // Российская тюркология. – № 2 (5). – М.–Казань, 2011. – С. 12–28.

Дыренкова, Н. П. Грамматика ойротского языка / Н. П. Дыренкова. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 302 с.

Дыренкова, Н. П. Грамматика хакасского языка / Н. П. Дыренкова. – Абакан : Хакасское областное национальное издательство, 1948. – 124 с.

Дыренкова, Н. П. Грамматика шорского языка / Н. П. Дыренкова. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 307 с.

Евтюхин, В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Евтюхин Вячеслав Борисович. – СПб., 1995. – 34 с.

Есбаева, Р. Х. Казахские эквиваленты русских предложно-падежных конструкций пространственного значения : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Есбаева Роза Хамитовна. – Алма-Ата, 1979. – 25 с.

Есенов, Х. М. Условные и уступительные придаточные предложения в современном казахском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Х. М. Есенов. – Алма-Ата, 1961. – 23 с.

Есипова, А. В. Употребление причастий первого семантического типа в простом и распространенном определении в шорском языке / А. В. Есипова //

Синтаксис алтайских и европейских языков. – Новосибирск : Наука, 1981. – С. 71–81.

Ефремов, Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке / Н. Н. Ефремов. – Новосибирск : Наука, 1998. – 189 с.

Ефремов, Н. Н. Уступительные конструкции в якутском языке / Н. Н. Ефремов // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 173–180.

Жапар, А. Синтаксический строй кыргызского языка / А. Жапар. – Бишкек : Мектеп, 1992. – Ч. 1. – 428 с.; Ч. 2. – 350 с.

Жетписбаева, М. А. Концепты «Пространство» и «Время» в структуре художественного произведения (по роману-эпопее М. Ауэзова «Путь Абая») / М. А. Жетписбаева / Мир языковых форм : сборник научных статей : к 95-летию проф. Г. П. Цыганенко. – Санкт-Петербург : ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 108–112.

Жигалин, Н. С. Функционирование синтаксемы «с + родительный падеж» с временным значением и ее эквиваленты в казахском языке / Н. С. Жигалин, А. Т. Баялышбаева / Мир языковых форм : сборник научных статей : к 95-летию проф. Г. П. Цыганенко. – Санкт-Петербург : ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 54–57.

Зайнуллин, М. В. Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание : Избранные статьи / М. В. Зайнуллин. – Уфа : Гилем, 2012. – 456 с.

Зайнуллин, М. В. Модальность как функционально-семантическая категория : На материале башк. яз. / М. В. Зайнуллин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 123 с.

Зайнуллин, М. В. О сущности и границах языковой модальности : На материале башкирского и других тюркских языков / М. В. Зайнуллин. – Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 2000. – 292 с.

Закамулина, М. Н. Категория темпоральности в неродственных языках (сопоставительное исследование временных форм во французском и татарском языках) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.20 / Закамулина Миляуша Нуруллоевна. – Казань, 2001. – 48 с.

Закиев, М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках / М. З. Закиев // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань: Изд-во КГУ, 1964. – С. 207–219.

Закиев, М. З. Синтаксический строй татарского языка : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Закиев Мирфатых Закиевич. – Казань, 1963. – 30 с.

Закиев, М. З. Синтаксический строй татарского языка / М. З. Закиев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 463 с.

Закиев, М. З. Татарская грамматика. Том III : Синтаксис / М. З. Закиев. – Казань : ИЯЛИ АНТ, 1995. – 576 с.

Захарова, Л. В. Обособленные второстепенные члены предложения со значением уточнения в современном русском литературном языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Захарова Людмила Васильевна. – Ставрополь, 2008. – 21 с.

Зәкиев, М. З. Татар теленең синтаксик төзелеше / М. З. Зәкиев. – Казан : Ихлас, 2013. – 392 б.

Зәкиев, М. З. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис / М. З. Зәкиев. – Казан : Казан ун-ты нәшр., 1958. – 242 б.

Зәкиев, М. З. Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы һәм пунктуациясе / М. З. Зәкиев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1984. – 256 б.

Зияева, И. Дателный падеж в узбекском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук / И. Зияева. – Самарканд, 1966. – 20 с.

Ибрагимов, С. М. Аналитические конструкции в татарском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Ибрагимов Сагадат Мугаллимович. – Казань, 1964. – 24 с.

Ибраһимов, Г. Татар нәхүе / Г. Ибраһимов. – Казан : «Өмет» нәшр., 1919. – 52 б.

Ибраһимов, Г. Татар сарыфы / Г. Ибраһимов. – Казан : «Өмет» нәшр., 1918. – 84 б.

Ибраһимов, С. М. Татар телендә синтаксик синонимнар / С. М. Ибраһимов. – Казан : Казан ун-ты нәшр., 1976. – 168 б.

Иванов, М. Татарская грамматика / М. Иванов. – К. : Типография императорского Казанского университета, 1842. – 342 с.

Иванов, С. Н. К проблеме придаточных предложений в тюркских языках (Изъяснительные причастные конструкции в узбекском языке и вопрос о трансформах) / С. Н. Иванов // Тюркологический сборник 1977. – М. : Наука, 1981. – С. 109–116.

Иванова, А. М. Изафетные конструкции в чувашском языке : типологический аспект / А. М. Иванова // Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 8. – С. 81–88.

Иванова, А. М. Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании : типолого-контрастивный аспект / А. М. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2011. – 308 с.

Иванова, А. М. Сравнительно-сопоставительное исследование проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.20 / Иванова Алена Михайловна. – Чебоксары, 2011. – 45 с.

Игнатенко, О. П. Концепт «Пространство» и средства его вербализации / О. П. Игнатенко / Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. : В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 70–72.

Иманаев, Ш. Татар теленең нәхүе вә сарыфы / Ш. Иманаев. – Казан : «Баянкуль-хакъ» газеты нәшр., 1910. – 102 б.

Иманалиева, Р. Б. Этнолингвистические вопросы изучения средств выражения пространственной ориентации в казахском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.06 / Иманалиева Рахима Бейсебековна. – Алма-Ата, 1989. – 24 с.

Исаева, А. С. Синонимические синтаксические конструкции в кумыкском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Исаева Альпият Садрутдиновна. – Махачкала, 2005. – 22 с.

Исследования по грамматике современного башкирского языка / под ред. А. А. Юлдашева, З. Г. Ураксина. – Уфа, 1979. – 133 с.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под общ. ред. Н. К. Дмитриева и др. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 232 с.

История философии / под ред. Ч. С. Кирвеля. – Мн. : Новое знание, 2001. – 728 с.

Кабирова, Г. У. Структурно-семантические особенности предложений с именным сказуемым в башкирском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Кабирова Гульназ Ураловна. – Уфа, 2010. – 22 с.

Казакова, Э. П. Синонимия в смысловых отношениях обусловленности : на материале русского и чувашского языков : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Казакова Эльвира Петровна. – Чебоксары, 2007. – 20 с.

Казанская лингвистическая школа / сост. М. З. Закиев. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. – 424 с.

Казем-Бек, А. Общая грамматика турецко-татарского языка / А. Казем-Бек. – К. : Университетская типография, 1846. – 459 с.

Кардашев, Э. Н. Система пространственных падежей современного кумыкского языка (сравнительно с турецким языком) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Кардашев Эльдар Надырович. – Махачкала, 2009. – 21 с.

Каримжонова, В. А. Ўзбек тилида ўрин келишликли бирикмалар семантикаси : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Каримжонова Вазира Азимовна. – Ташкент, 1994. – 24 с.

Катанов, Н. Ф. Материалы к изучению казанско-татарского наречия. Ч. 1. Образцы книжной и устной литературы казанских татар / Н. Ф. Катанов. – Казань : Изд-во университета, 1898. – 168 с.

Катаринский, В. В. Грамматика киргизского языка / В. В. Катаринский. – Оренбург : Тургайская областная типография, 1906. – 217 с.

Катрин Кару. Уступительные конструкции в эстонском и русском языках / Катрин Кару. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 2006. – 249 с.

Каук Бу Мо. Пространство и время : сопоставительный анализ предлогов и послелогов (на материале русского, корейского и английского языков) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Каук Бу Мо. – Казань, 2012. – 22 с.

Кетенчиев, М. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка / М. Б. Кетенчиев. – Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2000. – 176 с.

Кириллова, З. Н. Подчинительные союзы татарского языка в сравнении с юго-западными тюркскими языками / З. Н. Кириллова // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : тр. и матер. : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019. – Т. 1. – С. 102–104.

Кодухов, В. И. О причинных союзах в связи с развитием сложноподчиненных предложений / В. И. Кодухов // Известия АН СССР. – 1966. – Т. XXV. Выпуск 5. – С. 386–396.

Колесов, В. В. Концептуальный анализ текста / В. В. Колесов / Мир языковых форм : сборник научных статей : к 95-летию проф. Г. П. Цыганенко. – Санкт-Петербург : ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 18–20.

Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.

Кондратьев, В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка / В. Г. Кондратьев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. – 65 с.

Кононов, А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А. Н. Кононов. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

Кононов, А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов; отв. ред. С. Е. Малов. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 312 с.

Кононов, А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. / А. Н. Кононов. – Л. : Наука, 1980. – 255 с.

Корбангалиев, М. Ана теле нэхүе / М. Корбангалиев, Х. Бэдигъ. – Казан : «Миллият» нәшр., 1919. – 100 б.

Корбангалиев М. Ана теле сарыфы / М. Корбангалиев, Х. Бэдигъ. – Казан : «Миллият» (Корылтай) нәшр., 1918. – 80 б.

Кормушин, И. В. Тюркские енисейские эпитафии / И. В. Кормушин. – М. : Наука, 2008. – 342 с.

Королева, Е. Г. Динамические пространственные отношения и способы их проявления в русском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Королева Екатерина Геннадьевна. – М., 2010. – 18 с.

Кравченко, А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке / А. В. Кравченко // Известия Академии наук. – 1996. – Т. 55. № 3. – С. 3–24.

Крейдлин, Г. Е. Время сквозь призму временных предлогов / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка : Язык и время. – М. : Индрик, 1997. – С. 139–151.

Кривонос, А. Т. Каузальность в естественном языке с позиций формальной логики / А. Т. Кривонос // Каузальность и структуры рассуждений в русском языке. – М., 1993. – С. 21–27.

Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка / Е. С. Кубрякова // Известия Академии наук. – 1997. – Т. 56. № 3. – С. 22–31.

Куковская, А. В. Каузальность и средства ее выражения в древнеанглийском языке / А. В. Куковская // Вестник МГЛУ. Выпуск 25 (685) / 2013. – С. 77–89.

Кулькова, М. А. Способы реализации атрибутивного осложнения паремиологических конструкций в русском и немецком языках / М. А. Кулькова // Вестник Вятского государственного университета. – № 3. – Том 2. – 2010. – С. 75–77.

Куркчи, У. Основы грамматики татарского языка / У. Куркчи. – Симферополь, 1934. – 22 с.

Кыргыз адабий тилинин грамматикасы (Грамматика киргизского литературного языка). I бөлүм. Фонетика жана морфология. – Фрунзе : Илим, 1980. – 539 б.

Қазіргі қазақ тілі (Современный казахский язык. Лексика, фонетика, грамматика) / жауапты редакторлар : проф. М. Балақаев, доц. А. Исқақов. – Алматы : Қазақ ССР Ғылым академиясының баспасы, 1954. – 563 б.

Лавров, Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке / Б. В. Лавров. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 144 с.

Лебедева, Е. К. Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Лебедева Елена Константиновна. – М., 1992. – 18 с.

Леденев, Ю. Ю. Структурно-семантические особенности каузативных детерминантных конструкций в современном русском литературном языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Леденев Юрий Юрьевич. – Ставрополь, 1996. – 19 с.

Лекант, П. А. Современный русский язык. Синтаксис : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / П. А. Лекант. – М. : Академия, 2010. – 256 с.

Ли Тоан Тханг. К вопросу о пространственной ориентации во вьетнамском языке в связи с картиной мира (Этнопсихолингвистические проблемы) / Ли Тоан Тханг // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 62–73.

Логинова, Е. Г. Одна из моделей концептуальной метафоры «пространство – время» / Е. Г. Логинова / Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. : В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 186–188.

Максуди, Һ. Төрки нәхүе / Һ. Максуди. – Казан : Харитонов нәшр., 1910. – 50 б.

Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности / С. Е. Малов. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

Материалы по грамматике современного чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское государственное изд-во, 1957. – 361 с.

Махмудов, М. Практическое руководство к изучению татарского языка / М. Махмудов. – К. : Изд-во И. Дубровина, 1857. – 255 с.

Мелиоранский, П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II. Синтаксис / П. М. Мелиоранский. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1897. – 92 с.

Меметов, А. М. Крымтатарский язык / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 287 с.

Мещанинов, И. И. Прямое дополнение и объектные группы / И. И. Мещанинов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XIX. Вып. 4. – М., 1960. – С. 273–283.

Мир языковых форм : сборник научных статей : к 95-летию проф. Г. П. Цыганенко. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 8 / Отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – Санкт-Петербург : ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – 277 с.

Москальская, О. И. Вопросы синтаксической семантики / О. И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1977. – № 2. – С. 45–57.

Мостепаненко, А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени / А. М. Мостепаненко. – Л. : Наука, 1969. – 229 с.

Мохаммади, М. Р. Сопоставление определительных отношений в русском и персидском языках / М. Р. Мохаммади, Р. Барари // Молодой ученый. – 2012. – № 8. – С. 191–194.

Мохаммадиан суге М. Предложно-падежные конструкции с предлогом *от*, выражающие объектные отношения, в современной русской речи / Мохаммадиан суге М. // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. – Филология. – 2013. – № 4 (Т. 1). – С. 121–127.

Музафарова, А. К. Функционирование временных сложноподчиненных предложений с разным соотношением предикативности и пропозитивности в них / А. К. Музафарова // Сложное предложение в тексте. – Калинин, 1988. – С. 23–30.

Мураталиев, М. Сложносочиненное и сложноподчиненное предложение в киргизском языке / М. Мураталиев // Советская тюркология. – 1975. – № 1. – С. 20–25.

Мурьянов, М. Ф. Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 52–60.

Мусаев, К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология / К. М. Мусаев; отв. ред. Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1964. – 344 с.

Мусаев, К. М. Синтаксис караимского языка / К. М. Мусаев. – М. : Academia, 2003. – 347 с.

Мусаев, М. М. Полипредикативные единицы с каузальным и целевым отношением в тюркских языках огузской группы / М. М. Мусаев // Советская тюркология. – 1987. – № 6. – С. 77–85.

Мусатова, Г. А. Семантика уступки : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Мусатова Галина Александровна. – М., 2008. – 21 с.

Мухин, А. М. Функциональный синтаксис / А. М. Мухин. – СПб. : Наука, 1999. – 184 с.

Набиуллина, Г. А. Вопрос изучения экспрессивных синтаксических конструкций в татарском языкознании / Г. А. Набиуллина // Фэнни Татарстан. – 2016. – № 1. – С. 22–25.

Набиуллина, Г. А. Синтаксис сложного предложения в татарских пословицах : По трехтомному сборнику Н. Исанбета «Татар халык мәкальләре» : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Набиуллина Гузель Амировна. – Казань, 2002. – 26 с.

Наджиб, Э. Н. Современный уйгурский язык / Э. Н. Наджиб. – М. : Изд-во Восточной литературы, 1960. – 133 с.

Насилов, В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. / В. М. Насилов. – М. : Наука, 1974. – 101 с.

Насыйри, К. Әнмүзәж / К. Насыйри. – Казан, 1895. – 86 б.

Насыйри, К. Әнмүзәж / К. Насыйри. – Казан, 1975. – 214 б.

Насыйри, К. Нәхү китабы / К. Насыйри. – Казан, 1860. – 79 б.

Насыри, К. Образец русско-татарской грамматики по методу арабской грамматики / К. Насыри. – Казань : Тип. имп. ун-та, 1891. – 184 с.

Невская, И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Невская Ирина Анатольевна. – Новосибирск, 1997. – 45 с.

Невская, И. А. Типы локативных конструкций в тюркских языках / И. А. Невская // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 4. – С. 215–237.

Невская, И. А. Структурные типы темпоральных полипредикативных конструкций в шорском языке / И. А. Невская, О. В. Дубровская // Вестник Башкирского университета. – Т. 16, № 3. – Уфа : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2011. – С. 743–751.

Недялков, В. П. Типология результативных конструкций / В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов // Типология результативных конструкций : Сб. науч. ст. – М. : Наука, 1983. – С. 5–41.

Нерушева, Т. В. ФСП условия и разнородные средства его выражения в русском и английском языках / Т. В. Нерушева // Вестник СамГУ. – 2008. – № 5/2 (64). – С. 102–109.

Николаева, Т. Г. Семантически осложненные предложения с атрибутивными вторично-предикативными структурами в современном английском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Николаева Татьяна Геннадьевна. – Самара, 2008. – 24 с.

Нурмаханова, Ә. Н. Түркі тілдерінің салыстырмалы грамматикасы / Ә. Н. Нурмаханова. – Алматы, 1971. – 197 с.

Озонова, А. А. Уступительные конструкции в алтайском языке / А. А. Озонова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 62–70.

Оказ, Л. С. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка «Сложное предложение» : Учебное пособие / Л. С. Оказ. – Симферополь : ТНУ, 2002. – 116 с.

Оркина, Л. Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Оркина Людмила Николаевна. – СПб., 2000. – 42 с.

Павлов, И. П. Союзы *пулсан та, пулин те* в сложноподчиненных предложениях с придаточными уступительными в чувашском языке / И. П. Павлов / Синтаксис чувашского языка. Хрестоматия /

сост. А. В. Емельянова. – Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2008. – С. 210–219.

Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Гос. Уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.

Плотникова, Е. В. Аспектуально-темпоральная семантика высказываний обобщенно-уступительного типа в современном русском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Плотникова Елена Валериевна. – Казань, 2012. – 24 с.

Подлеская, В. И. Вопросы лексической и синтаксической семантики. Анафора в современном японском языке / В. И. Подлеская. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы. – 1990. – 136 с.

Покровская, Л. А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении / Л. А. Покровская; отв. ред. Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1978. – 203 с.

Покровская, Л. А. Синтаксис современного гагаузского языка (предложение) / Л. А. Покровская. – Санкт-Петербург–Комрат : Комратский госуниверситет, 1999. – 83 с.

Потаенко, Н. А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения / Н. А. Потаенко // Известия Академии наук СССР. – 1979. – Т. 38. – № 3. – С. 242–248.

Потаенко, Н. А. Языковая темпоральность : содержательные аспекты / Н. А. Потаенко. – Пятигорск : ПГЛУ, 2007. – 310 с.

Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.

Поцелуевский, А. П. Избранные труды / А. П. Поцелуевский. – Ашхабад : Ылым, 1975. – 337 с.

Поцелуевский, Е. А. Тюркский трехчлен / Е. А. Поцелуевский; отв. ред. В. М. Насилов. – М. : Наука, 1967. – 136 с.

Проблема общности алтайских языков / отв. ред. О. П. Суник. – Л. : Наука, 1971. – 404 с.

Прожога, А. В. Реализация причинно-следственных отношений в неофициальном и официальном диалоге : На материале английского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Прожога Александр Владимирович. – Москва, 2002. – 18 с.

Прокопьева, А. К. Сложные предложения в текстах якутской художественной литературы : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Прокопьева Алена Кирилловна. – Якутск, 2013. – 23 с.

Радугин, А. А. Философия / А. А. Радугин. – М. : Центр, 2004. – 336 с.

Рахимова, Л. М. Исследование аналитических конструкций в грамматиках татарского языка XX века : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Рахимова Лилия Миннулловна. – Казань, 2001. – 23 с.

Рахматуллина, Л. Л. Сложноподчиненные предложения с придаточным времени в современном башкирском литературном языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Л. Л. Рахматуллина. – Уфа, 1983. – 28 с.

Резюков, Н. А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков / Н. А. Резюков. – Чебоксары : Гос-ое изд-во Чувашской АССР, 1959. – 328 с.

Рыбакова, И. Я. Причинные конструкции современного русского литературного языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Рыбакова Ирина Яновна. – Л., 1985. – 19 с.

Сагаан, Н. Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Сагаан Нонна Яковлевна. – Новосибирск, 1998. – 21 с.

Сагдиева, Р. К. Аффиксы как средства выражения конкретизирующих отношений в татарском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Сагдиева Рамиля Камиловна. – Казань, 2000. – 21 с.

Сагдиева, Р. К. Формы деепричастия как средство выражения конкретизирующего отношения в татарском языке / Р. К. Сагдиева //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (64). – С. 143–145.

Сагындыкова, Р. Ж. Английские придаточные обстоятельственные предложения (adverbial clauses) и их функциональные соответствия в кыргызском языке (опыт функционально-грамматического сопоставления) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Сагындыкова Рахат Жумабаевна. – Бишкек, 2016. – 23 с.

Садыкова, С. З. Типы простого предложения в немецком и кыргызском языках : монография / С. З. Садыкова. – Бишкек, 2011. – 160 с.

Саид Али Муртада. Функционально-семантические особенности сложного предложения со значением обусловленности : на фоне арабского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Саид Али Муртада. – СПб., 2011. – 22 с.

Сайфуллаев, А. Р. Семантика и грамматика членов предложения в современном узбекском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Сайфуллаев Абдурауф Раджабович. – Ташкент, 2001. – 48 с.

Салехова, Н. Х. Грамматическая категория времени татарского глагола и темпоральность : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Салехова Наиля Хасановна. – Казань, 1975. – 18 с.

Салимова, Д. А. Время и пространство как категории текста : теория и опыт исследования (на материале поэзии М. И. Цветаевой и З. Н. Гиппиус) / Д. А. Салимова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 200 с.

Салимова, Д. А. Сравнительный анализ синкретизма семантико-синтаксических отношений в тюркских языках [Электронный ресурс] / Д. А. Салимова, Л. Г. Хабибуллина // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 6 (18). – Режим доступа: <https://www.novsu.ru/file/1484307>.

Салхенова, А. А. Семантико-функциональное поле темпоральной детерминации в современном французском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.05 / Салхенова Альфия Александровна. – Воронеж, 2009. – 22 с.

Сараджева, Л. А. Категоризация европейских пространственных представлений (на материале латинской и славянской культурно-языковых традиций) / Л. А. Сараджева / Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. : В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 149–152.

Сафаев, А. С. Второстепенные члены предложения в современном узбекском языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Сафаев Ахмед Сафаевич. – Ташкент, 1969. – 61 с.

Сафиуллина, Ф. С. Развитие синтаксического строя татарского литературного языка в советский период (простое предложение) / Ф. С. Сафиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 230 с.

Сафиуллина, Ф. С. Синтаксис татарской разговорной речи / Ф. С. Сафиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 253 с.

Сафиуллина, Ф. С. Татар телендә сүз тәртибе / Ф. С. Сафиуллина. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 150 б.

Сәгъди, Г. Үз телемезчә мөкәммәл сарыф-нәхү / Г. Сәгъди. – Казан : «Өмет» нәшр., 1915. – 80 б.

Сәитбатталов, Ф. Ф. Башқорт теленең кушма һөйләм синтаксисе (Синтаксис сложного предложения башкирского языка) / Ф. Ф. Сәитбатталов. – Өфө : Башқорт дәүләт университете басмаһы, 1961. – 298 б.

Сәмирханова, Г. Р. Хәзерге татар әдәби телендә килеш мөнәсәбәтләренең белдерелүе / Г. Р. Сәмирханова. – Казан : ТӘҺСИ, 2005. – 160 б.

Сәрсеке, Г. Қазақ тілінің функциональды грамматикасы (ғылыми зерттеулер жинағы) / Г. Сәрсеке. – Павлодар : ПМПИ баспасы, 2011. – 187 б.

Свеклова, О. В. Синонимия в условных смысловых отношениях (на материале русского и чувашского языков) / О. В. Свеклова // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 4. – С. 220–223.

Севортян, Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках / Э. В. Севортян / Тюркологические исследования. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 58–68.

Селендили, Л. С. Лексико-семантические и синтморфологические особенности конструкторов крымскотатарского предложения : формальный и прикладной аспекты : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Селендили Лемара Сергеевна. – Москва, 2015. – 44 с.

Селендили, Л. С. Микросинтаксис крымскотатарского языка : формальный и прикладной аспекты / Л. С. Селендили. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2012. – 348 с.

Семантика и функционирование синтаксических единиц / научн. ред. Н. А. Андрамонова. – К. : Изд-во Казанского университета, 1983. – 152 с.

Семигулова, Д. С. Обстоятельства места и времени в современном узбекском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Д. С. Семигулова. – Ташкент, 1963. – 20 с.

Сергалиев, М. С. Синонимия синтаксических конструкций в современном казахском литературном языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.06 / Сергалиев Мырзатай Сергалиевич. – Алма-Ата, 1987. – 48 с.

Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева; отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М. : Наука, 1986. – 302 с.

Сибгатов, Р. Г. Атрибутивные и предикативные конструкции в плане содержания (на материале татарского языка) / Р. Г. Сибгатов // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2. – С. 96–105.

Синкевич, Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике : проблемы определения и анализа / Д. А. Синкевич // Актуальные вопросы современной науки. – 2010. – № 12. – С. 239–248.

Синкевич, Д. А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении / Д. А. Синкевич // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск. – 2009. – № 7 (188). – С. 148–152.

Синтаксис чувашского языка : хрестоматия / сост. А. В. Емельянова; отв. ред. Л. В. Лялина. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 250 с.

Синтаксическая и лексическая семантика / отв. ред. Л. Г. Панин, М. И. Черемисина. – Новосибирск : Наука, 1986. – 272 с.

Ситдикова, Ф. Б. Способы передачи имплицитной информации в татарском литературном языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Ситдикова Фарида Бизяновна. – Казань, 2007. – 21 с.

Скирдов, В. Д. О грамматических средствах связи придаточных условных предложений в русском и киргизском языках / В. Д. Скирдов / Тюркологические исследования : сборник статей, посвященный 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. – Фрунзе : Изд-во «Илим», 1970. – С. 174–181.

Созаев, Б. Т. Имя прилагательное в карачаево-балкарском языке / Б. Т. Созаев. – Нальчик : Эльбрус, 1976. – 95 с.

Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков / М. З. Закиев, Ф. С. Сафиуллина, С. М. Ибрагимов и др. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. – 230 с.

Сравнительная грамматика русского и туркменского языков / М. Я. Хамзаев, М. Курбанов, М. С. Харланова и др. – Ашхабад : Ылым, 1977. – 200 с.

Сымулов, М. Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках : на материале английского и чувашского языков : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Сымулов Михаил Гаврилович. – Чебоксары, 2005. – 25 с.

Тажибаева, С. Ж. Способы выражения каузальных отношений в казахском языке : сопоставительный аспект : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.20 / Тажибаева Сауле Жаксылыкбаевна. – Новосибирск, 2004. – 44 с.

Тарасова, Е. В. Время и темпоральность / Е. В. Тарасова. – Харьков : Основа, 1992. – 136 с.

Таривердиева, М. А. Условные периоды в латинском языке / М. А. Таривердиева // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 46–56.

Татар грамматикасы. 3 томда / ред. М. З. Закиев. – Т. II : Морфология. – М. : Инсан, К. : Фикер, 2002. – 448 б.

Татар грамматикасы. 3 томда / ред. М. З. Зәкиев. – Т. III : Синтаксис. – М. : Инсан, К. : Фикер, 1999. – 512 б.

Татар грамматикасы : өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Ф. М. Хисамова. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан : ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 512 б.

Татар грамматикасы : өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан : ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 432 б.

Татар грамматикасы : өч томда / проект жит. һәм автор М. З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан : ТӘҺСИ, 2017. – Т. III. – 536 б.

Татар лексикологиясе : өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан : ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 352 б.

Татар лексикологиясе : өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан : ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.

Татар лексикологиясе : өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан : ТӘҺСИ, 2017. – Т. III. 1 кис. – 536 б.

Татарская грамматика. II т. Морфология. – К. : Татар. кн. изд-во, 1997. – 397 с.

Тенишев, Э. Р. Сравнительная историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э. Р. Тенишев. – М. : Наука, 1988. – 560 с.

Теория функциональной грамматики / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1987. – 348 с.

Теремова, Р. М. Категория условия в функционально-грамматическом аспекте / Р. М. Теремова. – Л. : ЛГПИ, 1988. – 128 с.

Теремова, Р. М. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке / Р. М. Теремова. – Л. : ЛГПИ, 1986. – 76 с.

Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М. : РГГУ, 2001. – 796 с.

Тикеев, Д. С. Исследования по синтаксису простого предложения современного башкирского языка : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Тикеев Данис Султанович. – Уфа, 1999. – 48 с.

Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 583 с.

Типология уступительных конструкций / ред. В. С. Храковский. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 625 с.

Тихонова, В. В. Локальные наречия как средство выражения пространственных отношений / В. В. Тихонова // Слово и словоформа в высказывании : номинация и предикация : Межвуз. сб. науч. трудов. – М. : МПУ, 2000. – С. 63–67.

Торотоев, Г. Г. Функционально-стилистическая дифференциация определений в современном якутском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Торотоев Гаврил Григорьевич. – Якутск, 2006. – 26 с.

Торотоев, Г. Г. Функционально-стилистическая дифференциация определений в современном якутском языке / Г. Г. Торотоев. – Якутск : Северо-Восточный федеральный ун-т, 2011. – 147 с.

Троянский, А. Краткая татарская грамматика / А. Троянский. – Казань : Типография Коковиной, 1860. – 236 с.

Троянский, А. Краткая татарская грамматика / А. Троянский. – С.-Петербург : Императорская типография, 1814. – 199 с.

Тумашева, Д. Г. Хэзерге татар эдэби теле морфологиясе / Д. Г. Тумашева. – Казан : КДУ нэшр., 1964. – 300 б.

Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка / Е. И. Убрятова. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.

Убрятова, Е. И. Грамматика современного якутского литературного языка. Том 2. Синтаксис / Е. И. Убрятова, Н. Е. Петров, Н. Н. Неустроев и др. – Новосибирск : Наука, 1995. – 336 с.

Умаров, А. У. Сопоставительное исследование синтаксического строя русского и каракалпакского языков (на материале простого и сложного предложений) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.02 / Умаров Анес Умарович. – Ташкент, 1979. – 43 с.

Усенбаева, Р. Г. Бессоюзные сложные предложения с общим значением обусловленности в русском и киргизском языках / Р. Г. Усенбаева // Советская тюркология. – 1979. – № 4. – С. 54–61.

Фаттахова, Н. Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках / Н. Н. Фаттахова. – К. : Школа, 2002. – 168 с.

Фигуровский, И. А. Появление придаточных места в современном казахском языке / И. А. Фигуровский // Советская тюркология. – 1981. – № 5. – С. 33–35.

Филиппов, Г. Г. Причастие в системе глагольных форм / Г. Г. Филиппов // Вестник СВФУ. – 2010. – Т. 7. – № 4. – С. 89–100.

Филистович, Т. П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка (в сопоставлении с тувинским и хакасским) / Т. П. Филистович. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. – 172 с.

Финкель, А. М. Предлоги, выражающие категорию причинности в современном русском литературном языке : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Финкель Александр Моисеевич. – Ленинград, 1965. – 27 с.

Финкельштейн, М. Б. Структурные особенности некоторых узбекских синтаксических конструкций / М. Б. Финкельштейн // Советская тюркология. – 1970. – № 3. – С. 45–52.

Функциональный синтаксис / сост. О. В. Гоголь. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. – 167 с.

Хабибуллина, Л. Г. Выражение обстоятельственных отношений бессоюзными сложносочиненными предложениями в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 4 (77). – С. 152–155.

Хабибуллина, Л. Г. Модально-вводные слова в причинно-следственных предложениях татарского языка / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 128–130.

Хабибуллина, Л. Г. Репрезентация кондициональных отношений в фольклорных произведениях тюркских языков / Л. Г. Хабибуллина // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 160–166.

Хабибуллина, Л. Г. Смысловой синкретизм конструкций, выражающих обстоятельственные отношения, в татарском и других тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина, Д. А. Салимова // Tatarica. – 2019. – № 13. – С. 18–26.

Хабибуллина, Л. Г. Смысловые отношения в татарском языке : сравнительно-типологический аспект / Л. Г. Хабибуллина. – Казань : ИЯЛИ, 2017. – 256 с.

Хаков, В. Х. О методах и источниках составления историй тюркских литературных языков / В. Х. Хаков // Советская тюркология. – 1988. – № 3. – С. 86–91.

Хамзаев, М. Түркмен дилиниң морфологиясының ве синтаксисиниң меселелери (Вопросы морфологии и синтаксиса туркменского языка) / М. Хамзаев. – Ашгабат : Ылым, 1969. – 269 б.

Ханаху, Д. Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.20 / Ханаху Данна Руслановна. – Майкоп, 2007. – 25 с.

Хангилдин, В. Н. Татар теле грамматикасы (Морфология һәм синтаксис) / В. Н. Хангилдин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1959. – 641 б.

Хашимов, Г. М. Сложноподчиненные предложения с придаточными цели в разносистемных языках : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Хашимов Ганижон Мирзаахмедович. – Ташкент, 1981. – 28 с.

Хертек, А. Б. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Хертек Аржаана Борисовна. – Новосибирск, 2008. – 25 с.

Хисамова, Ф. М. Татар теле морфологиясе : югары уку йортлары өчен дәреслек / Ф. М. Хисамова. – Казан : Мәгариф, 2006. – 334 с.

Хлопьянов, А. В. Лингвопоэтическое исследование атрибутивных словосочетаний в поэмах А. С. Пушкина : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Хлопьянов Александр Владимирович. – Москва, 2008. – 26 с.

Ходжаев, Б. Условная форма глагола в современном туркменском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Б. Ходжаев. – Ашхабад, 1958. – 22 с.

Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – Благовещенск, 1999. – 256 с.

Хораськина, Г. В. Синкретичные отношения обусловленности в разноструктурных языках : на материале русского и чувашского языков : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Хораськина Галина Витальевна. – Чебоксары, 2006. – 17 с.

Хочавова, Ю. У. Выражение пространственных отношений в кумыкском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Хочавова Юлдуз Умарпашаевна. – Махачкала, 2011. – 21 с.

Храковский, В. С. Анкета для описания условных конструкций / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 6. – С. 49–71.

Храковский, В. С. Категория таксиса (общая характеристика) / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 32–54.

Храковский, В. С. Универсальные уступительные конструкции / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 103–122.

Храковский, В. С. Условные конструкции : взаимодействие кондициональных и темпоральных значений / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 129–139.

Хужаниязов, Э. Семантико-стилистические особенности атрибутивных словосочетаний в научном и художественном стилях речи узбекского литературного языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.02 / Хужаниязов Эшбай. – Ташкент, 1984. – 19 с.

Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : URSS, 2009. – 426 с.

Чередниченко, И. Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке / И. Г. Чередниченко // Ученые записки Львовского государственного университета им. Франко. Вопросы славянского языкознания. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1948. Кн. 1. – С. 105–122.

Черникова, Н. С. Сложноподчиненные предложения, выражающие уступительные отношения (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Черникова Наталья Сергеевна. – Воронеж, 2007. – 27 с.

Чиспияков, Э. Ф. Придаточные предложения в шорском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.06 / Чиспияков Электрон Федорович. – Томск, 1973. – 22 с.

Чонбашев, К. С. Синтаксический строй русского языка в сопоставлении с кыргызским : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.20 / Чонбашев Кенеш Сыдыкович. – Бишкек, 2002. – 48 с.

Чуглов, В. И. Осложненное предложение : полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Чуглов Владимир Иванович. – Ярославль, 2012. – 45 с.

Чугунекова, А. Н. Пространственные послелогои как средство выражения пространственных отношений в современном хакасском языке (в сравнении с алтайским и шорским языками) / А. Н. Чугунекова // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. – Филология. – 2013. – № 4 (Т. 1). – С. 128–138.

Шамина, Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка / Л. А. Шамина. – Новосибирск : Наука, 1987. – 144 с.

Шамина, Л. А. Исследование сложного предложения в тюркских языках Южной Сибири / Л. А. Шамина // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 5–13.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М. : УРСС, 2001. – 620 с.

Шувалова, С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения / С. А. Шувалова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 160 с.

Щека, Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка / Ю. В. Щека. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 666 с.

Юань Мяосюй. Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юань Мяосюй. – Москва, 2012. – 24 с.

Юлдашев, А. А. Грамматика современного башкирского литературного языка / А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1981. – 495 с.

Якоб, Л. Г. Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской Империи / Л. Г. Якоб. – СПб., 1812.

Akhmanova, O. The morphologi of the English verb Tense aspect and taxis / O. Akhmanova, S. Belenkaja. – Moscow, 1975. – 180 p.

Bennett, D. C. Spatial and temporal uses of English prepositions / D. C. Bennett. – London, 1975.

Chomsky, N. Aspects of the theory of syntax / N. Chomsky. – Cambrije, 1965.

Erdal, Marcel. A grammar of Old Turkic / by Marcel Erdal. – Leiden ; Boston ; Brill, 2004. – XII, 575 с.

Menges, K. H. The Turkic languages and peoples : an introduction to Turkic studies / K. H. Menges. – 2, rev. ed. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1995. – XXXII, 248 S.

Okaz, L. S. Kırım Tatar Dilindeki Konstruktlar (Yapılar) Üzerine Teoretik bilgi / L. S. Okaz // Türk Dili ve Edebiyatı Araştırma Dergisi. – 2010. – 18. – S. 283–290.

Rəximova, A. Tərek grammatikası. Türk dilbilgisi / Asiyə Rəximova. – Qazan, 2002. – 344 b.

Stechow A. von. Syntax and semantics : An overview / Stechow A. von. // Handbücher zur Sprach-und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science. – Bd. 33 : Semantics. – Vol. 3. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2012. – S. 2173–2223.

Tekin, T. Orhon Yazıtları / T. Tekin. – Ankara : Türk Dil Kurumu, 2008. – 200 s.

Veliyeva, L. Türk yazı dillerinde söz dizimlik birimler arasındaki anlam ilişkileri / L. Veliyeva // Türk. Dil, Edebiyat ve Halkbilimi Araştırmaları Dergisi. – 2014 Yıl : 2, Sayı : 3. – Sayfa : 46–53.

Vendler, Z. Linguistics in Philosophy / Z. Vendler. – London : Cornell University Press, 1974. – 203 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә / Р. Г. Әхмәтъянов. – Казан : Мәгариф–Вақыт, 2015. – I том (А–Л). – 543 б., II том (М–Я). – 567 б.

Башкирско-русский словарь / К. З. Ахмеров, Т. Г. Баишев, А. М. Бикмурзин и др. – М. : ГИС, 1958. – 804 с.

Борханова, Н. Б. Русча-татарча фразеологик сүзлек / Н. Б. Борханова, Л. Т. Мәхмүтова. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1959. – 178 б.

Галиуллин, К. Р. Татар фольклоры теле : мәкальләр, канатлы әйтемләр, жор сүзләр һәм әйтемләр : сүзлек / К. Р. Галиуллин; фәнни ред. К. М. Миңнуллин. – Казан : ТӘҺСИ, 2018. – 588 б.

Гаффарова, Ф. Ф. Татарско-русский словарь идиом / Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова. – Казань : Алма-Лит, 2006. – 232 с.

Древнетюркский словарь. – Л. : Наука, 1969. – 676 с.

Дыбо, А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный) : Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / А. В. Дыбо. – Астана, 2013. – 620 с.

Каракалпакско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. – М. : ГИС, 1958. – 892 с.

Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюнчева. – М. : Рус. яз., 1989. – 832 с.

Киргизско-русский словарь. В двух книгах / сост. К. К. Юдахин. – М. : Сов. энцикл., 1965. – Книга 1 (А–К) 503 с. – Книга 2 (Л–Я) 475 с.

Қазақ тілінің аймақтық сөздігі / Құраст. Ғ. Қалиев, О. Нақысбеков, Ш. Сарыбаев, А. Үдербаев және т. б. – Алматы : «Арыс» баспасы, 2005. – 824 б.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) : в 3 т. / Махмуд ал-Кашгари; пер. с араб. А. Р. Рустамова, под ред. И. В. Кормушина. – М. : Вост. лит., Т. 1. – 2010. – 461 с.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1985. – 797 с.

Ойротско-русский словарь / сост. Н. А. Баскаков. – М., 1947. – 312 с.

Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

Русско-азербайджанский словарь : В 3-х т. / под ред. А. А. Оруджева. – Баку : ЭЛМ, 1975, 1977, 1978.

Русско-алтайский словарь / сост. Н. А. Баскаков. – М., 1964. – 875 с.

Русско-казахский фразеологический словарь. – Алма-Ата : Наука, 1985. – 222 с.

Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х. И. Суюнчева, И. Х. Урусбиева. – М. : Сов. энцикл., 1965. – 744 с.

Русско-кумыкский словарь / ред. З. З. Бамматов. – М. : Гос-ое изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – 1154 с.

Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов / под ред. Ф. И. Тагировой и Ф. Ф. Гаффаровой. – Казань : ИЯЛИ, 2016. – 248 с.

Русско-тувинский словарь / ред. Д. А. Монгуш. – М. : Русский язык, 1980. – 664 с.

Русско-турецкий словарь / сост. Э. М. Мустафаев, В. Г. Щербинин. – М. : Сов. энцикл., 1972. – 1029 с.

Русско-чувашский словарь / под ред. Н. К. Дмитриева. – М. : ГИС, 1951. – 896 с.

Русско-якутский словарь / под ред. П. С. Афанасьева, Л. Н. Харитонова. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 720 с.

Сафиуллина, Ф. С. Татарча-русча тел белеме терминнары сүзлеге / Ф. С. Сафиуллина. – Казан : Хәтер, 1998. – 127 б.

Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974. – 767 с.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : I том : А–В. – Казан : ТӘһСИ, 2015. – 712 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : II том : Г–Й. – Казан : ТӘһСИ, 2016. – 748 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : III том : К. – Казан : ТӘһСИ, 2017. – 744 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : IV том : Л–Р. – Казан : ТӘһСИ, 2018. – 760 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : V том : С–Т. – Казан : ТӘһСИ, 2019. – 908 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда, I том / Төзүчеләр : И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, Ф. М. Газизова һ. б. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1977. – 476 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда, II том / Төзүчеләр : И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, С. Б. Вахитова һ. б. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1979. – 726 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда, III том / Төзүчеләр : И. А. Абдуллин, С. Б. Вахитова, Ф. М. Газизова һ. б. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1981. – 832 б.

Татарско-русский словарь : В 2-х т. Т. 1 (А–Л). – Казань : Алма-Лит, 2007. – 726 с.

Татарско-русский словарь : В 2-х т. Т. 2 (М–Я). – Казань : Магариф, 2007. – 726 с.

Тел белеме буенча терминнар һәм әйтелмәләр сүзлеге / Р. Шакирова ред. – Казан : Таткнигоиздат, 1953. – 76 б.

Төрөкчә-татарча сүзлек / турецко-татарский словарь. – М. : Инсан, 1998. – 560 с.

Турецко-русский словарь. – М. : Рус. яз., 1977. – 967 с.

Туркменско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 832 с.

Узбекско-русский словарь / под ред. С. Ф. Акобирова, Г. Н. Михайлова. – Ташкент : Гл. ред УзСЭ, 1988. – 728 с.

Уйгурско-русский словарь / сост. Э. Н. Наджип; под ред. Т. Р. Рахимова. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 828 с.

Усеинов, С. М. Русско-крымскотатарский словарь / С. М. Усеинов. – Симферополь : Тезис, 2007. – 639 с.

Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.

Ўзбек тилининг изоҳли луғати : Икки томли = Толковый словарь узбекского языка / под ред. З. М. Магруфов. Т. I–II. – М. : Рус. яз., 1981. – 715 с.

Философский словарь / общ. ред. В. А. Малинина. – М. : Республика, 2003. – 575 с.

Философский энциклопедический словарь / Редкол. : С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

Ханбикова, Ш. С. Синонимнар сўзлеге / Ш. С. Ханбикова, Ф. С. Сафиуллина. – Казан : Хәтер, 1999. – 256 б.

Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. – М. : Рус. яз., 1985. – 712 с.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. – М. : Флинта; Наука, 2008. – Т. 1. – 820 с., Т. 2. – 816 с.

Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. – М. : Сов. энцикл., 1972. – 608 с.

Albayrak, N. Ansiklopedic Halk Edebiyatı Sözlüğü / N. Albayrak. – İstanbul : Karı Yayınları, 2010. – 590 s.

Konularına Göre En Güzel Atasözlerimiz / Hazırlayanı İsmail Özcan, Mikail Erdoğan. – İstanbul Sabah, 1987. – 32 s.

Türkçe sözlük. T. I–II = Төрөк теленең аңлатмалы сүзлеге. – Ankara, 1988.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ахунов, Г. Тимерханның күргән-кичергәннәре : документаль повестьлар / Гариф Ахунов. – Казан : «Татар китабы» нәшрияты, 1999. – 352 б.

Әгъләм, М. Кан тамырын кистем : шигырьләр, балладалар / Мөдәррис Әгъләм. – Казан : Рухият, 2001. – 605 б.

Әхмәтжанов, Р. Таш аргамак : шигырьләр, поэмалар, балладалар / Р. Әхмәтжанов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2005. – 304 б.

Батулла, Р. М. Шайтан таягы : кыйссалар / Рабит Батулла. – Казан : ШЭ Корбанов Р. Х., 2011. – 744 б.

Баян, Ә. Тәкәрлек сагышы : шигырьләр, хикәяләр, публицистик язмалар / Әхсән Баян. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 288 б.

Баянов, Ә. Аргы яр : повестьлар / Әхсән Баян. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1990. – 320 б.

Бәйрәмова, Ф. Кырык сырт : романнар / Фәүзия Бәйрәмова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2005. – 672 б.

Бәширов, Г. Сайланма әсәрләр : 5 томда / Гомәр Бәширов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2005.

Вәли-Баржылы, М. Идел яры : повестьлар, новеллалар, хатирәләр / Мансур Вәли-Баржылы. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 461 б.

Вәлиев, Р. Әсәрләр : 4 томда / Разил Вәлиев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2006–2007.

Вәлиев, Р. Иске сәгать дәрәс йөри : повестьлар, роман / Разил Вәлиев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2004. – 479 б.

Галиев, М. Учымда – тургай шәүләсе : шигырьләр / Марсель Галиев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 208 б.

Галиуллин, Р. Юлларда җил ак иде... : хикәяләр, бәян / Рөстәм Галиуллин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2012. – 223 б.

Гаффар, Ә. Г. Энә күзе : хикәяләр, повестьлар, пьеса / Әхәт Гаффар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2006. – 287 б.

Гыйләжев, А. Балта кем кулында? : роман / Аяз Гыйләжев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 320 б.

Гыйматдинова, Н. Мәхәббәттә гәнаһ бар : повестьлар, хикәяләр / Нәбирә Гыйматдинова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 383 б.

Еники, Ә. Әсәрләр. Өч томда / Әмирхан Еники. – II том : Повестьлар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1991. – 415 б.

Еники, Ә. Матурлык : хикәяләр / Әмирхан Еники. – Казан : Мәгариф, 2002. – 128 б.

Жамалетдинова, Ф. И. Еллар кәрваны : шигырьләр / Фирүзә Жамалетдинова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. – 287 б.

Зәйдулла, Р. Ташка ордым башны : хикәяләр, эсселар / Ркаил Зәйдулла. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 383 б.

Зөлфәт. Ходай сулышы : шигырьләр / Зөлфәт. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 383 б.

Исәнбәт, Н. Татар халык мәкальләре : мәкальләр жыелмасы : 3 томда / Нәкый Исәнбәт. – 2-нче басма. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2010. – 1 том. – 2010. – 623 б.

Исәнбәт, Н. Татар халык мәкальләре : мәкальләр жыелмасы : 3 томда / Нәкый Исәнбәт. – 2-нче басма. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2010. – 2 том. – 2010. – 749 б.

Исәнбәт, Н. Татар халык мәкальләре : мәкальләр жыелмасы : 3 томда / Нәкый Исәнбәт. – 2-нче басма. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2010. – 3 том. – 2010. – 799 б.

Касыймов, Ә. Гомер ике килми : роман, хикәяләр / Эдуард Касыймов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1990. – 352 б.

Кәримов, К. Ә. Уен : роман, хикәяләр һәм юморескалар / Камил Кәримов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2010. – 367 б.

Латыйфи, Ф. Бәйсез этләрне атарга : роман-нәсер / Флүс Латыйфи. – Казан : Мәгариф, 2002. – 239 б.

Маликова, М. Арыш тәме / Мәдинә Маликова. – Казан : Ихлас, 2012. – 448 б.

Мансуров, З. Жәрәхәтле йөрәк жылырак : шигырьләр, поэмалар / Зиннур Мансуров. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2003. – 448 б.

Мәдиев, М. Сайланма әсәрләр : 5 томда / Мөхәммәт Мәдиев; төз. Г. Хәсәнова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2009.

Мөслимова, Ф. Алтын йозак : шигырьләр / Фәйрүзә Мөслимова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2009. – 192 б.

Мөхәммәтшин, Г. Ф. Саумысыз, аккошлар! : повесть, хикәяләр / Г. Ф. Мөхәммәтшин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2006. – 335 б.

Нугай халык әкиятләре / Л. Ш. Арсланов тәржемәсендә. – Түбән Кама : ТКМИ нәшрияты, 2006. – 220 б.

Садриев, Ф. Таң жиле : роман / Фоат Садриев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1993. – 264 б.

Сарьян, Х. Агыйдел егете : хикәяләр, мәкаләләр / Хәсән Сарьян; төз. Р. Миңнуллин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2006. – 479 б.

Сафин, Ф. Шәүлә : роман, хикәяләр / Факил Сафин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 288 б.

Сафин, Ф. М. Гөлҗиһан : повесть / Факил Сафин. – Казан, 2013. – 288 б.

Сафина, Н. Ә. Кан хәтере : шигырьләр / Нәҗибә Сафина. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2009. – 175 б.

Сибат, Р. Кайту : тетралогия / Рафаэль Сибат. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2005. – 352 б.

Сибгатуллин, К. Бер ноктада : шигырьләр, поэмалар, баллада / Кадыйр Сибгатуллин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 559 б.

Сөләйман, Ж. Ш. Сүтелә йомгак... : шигырьләр, поэмалар / Сөләйман. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. – 415 б.

Татар халык әкиятләре : тылсымлы әкиятләр / төз. Л. Жамалетдин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1994. – 415 б.

Татар хикәясе антологиясе. Егерменче гасыр / төз. М. Хужин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2001. – 607 б.

Тукай, Г. Сайланма әсәрләр : шигырьләр, поэмалар һәм чәчмә әсәрләр / Габдулла Тукай. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2003. – 480 б.

Туфан, Х. Ф. Әсәрләр : 5 томда / Хәсән Туфан; төз. М. Гайнетдинов. – 3 т. : шигырьләр, поэмалар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 415 б.

Фәйзуллин, Р. Сайланма әсәрләр : 6 томда / Равил Фәйзуллин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2005.

Фәттах, Н. Сайланма әсәрләр : 5 томда / Нурихан Фәттах. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2002.

Харисов, Р. М. Сайланма әсәрләр. 7 томда / Ренат Харис. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2006.

Хәбибуллин, М. Илчегә үлем юк : тарихи роман / Мөсәгыйт Хәбибуллин. – Казан : Мәгариф, 2003. – 343 б.

Хәлим, А. Н. Колмак жыя кызлар : шигырьләр, балладалар / Айдар Хәлим. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 208 б.

Хәсәнов, М. Язгы ажаган : роман / Мәхмүт Хәсәнов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2002. – 591 б.

Хөснияр, З. Терсәк сугышы : роман, повестьлар, хикәяләр / Зиннур Хөснияр. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2002. – 365 б.

Хөснияр, З. Этән туган : роман, повесть / Зиннур Хөснияр. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2004. – 250 б.

Хужин, М. Айның уты сүнгән : хикәяләр / Мәгьсүм Хужин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2004. – 383 б.

Шәрифиллина, Э. Мәхәббәтнең жиде төсе : повестьлар, эсселар, хикәяләр / Эльмира Шәрифиллина. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 255 б.

Шәфигуллин, Ф. Тау битендә күлгә : хикәяләр / Фаил Шәфигуллин. – Казан : Мәгариф, 2002. – 127 б.

Юзеев, И. Сайланма әсәрләр : 5 томда / Илдар Юзеев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2002.

Юныс, М. Әсәрләр : 6 томда / Миргазыян Юныс. – Казан : Рухият, 2003–2007.

Яруллин, Ф. Әсәрләр : 3 томда / Фәнис Яруллин. – 2 т. : Повесть, пьесалар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2008. – 462 б.

Яхин, Ф. З. Сайланма әсәрләр : Проза / Фәрит Яхин. – Дүртенче том. – Казан : «Сүз» нәшрияты, 2015. – 355 б.